

Елена Арифуллина

КОЩЕЕВА ДОЧКА
И БАБУШКИНА
ВНУЧКА

Волшебные истории

Елена Арифуллина

**Кощеева дочка и бабушкина
внучка**

Серия «Волшебные истории»
Обложка и иллюстрации *Алисы Перкмини*

© Елена Арифуллина, текст, 2020
© Алиса Перкмини, ил., ил. для обл., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Часть первая

Кощеева дочка

Варя сидела в малиннике и страдала.

Страдалось очень удобно: спелые ягоды съедаются одна за другой, надоеда Лялька не пристаёт, солнце греет. Есть время подумать о важных вещах: сколько сейчас у неё лайков? А сколько лайков у противной Ерёминой из третьего «Б»? Какие комменты написали к тому последнему посту?

О другом думать не хотелось, но как-то само собой выходило. Откуда и почему на калитке появился выжженный отпечаток чьей-то ладони? А те глубокие следы на садовой дорожке – кто там прошёл в остроносой обуви? И почему за каждым следом тянулась глубокая царапина? Отчего бабушка наотрез отказалась обо всём этом разговаривать, а глаза у неё мгновенно позеленели?

Стоило вспомнить об этом, и сразу земля показалась жёсткой, солнце – жарким, колючая ветка оцарапала руку, а в малине попался клоп. Жизнь стала окончательно невыносимой.

– Варя-а-а-а! Варюша-а-а-а! Иди сюда-а-а-а!

У калитки стояла бабушка, и её очки ярко отблёскивали на солнце.

Что, опять за Лялькой присматривать? Хоть бы она куда-нибудь делась! Сбежать бы отсюда— всё равно куда! Или заснуть – и проснуться уже там, в Сингапуре!

– Варюша-а-а-а! Где ты та-а-ам?

Нет, не отсидеться... Варя вылезла из малинника и побрела на зов – нога за ногу.

Как всё это началось?

Папа уехал работать в город с волшебным названием Сингапур. Присылал оттуда фотки: океан, небоскрёбы, невиданные яркие фрукты на уличных лотках и прилавках.

Они с мамой подолгу зависали в скайпе, беседуя вполголоса, чтобы не будить Ляльку. А потом мама сказала:

– Варя, мы уезжаем к папе! Он подписал контракт на пять лет, и мы

поедем к нему жить!

И всё пошло кувырком.

– Мы едем в Сингапур! – объявила Варя в классе.

– Не ври! – фыркнула Ксюша Никитина.

– Ух ты! Круто! – восхитилась Соня Воеводина.

– Надо же, – съязвила Юля Сергеева. – И ты собралась, поздравляю! Вот мы на Бали прошлым летом летали, это да! Вилла с бассейном, пальмы...

Ещё вчера Варя нашлась бы что сказать Сергеевой. А сегодня промолчала. Пусть себе в сотый раз рассказывает про Бали, про пальмы и веранду у бассейна. Потом заведёт про Испанию, Кипр, Прагу... А её поддипалы будут слушать и поддакивать.

Варя ездила только в Египет, и то один раз. Потом родилась Лялька, потом... Много чего было потом. Но все ездили за границу ненадолго – отдохнуть. А Варя будет там жить, в волшебном городе под названием Сингапур.

Слово звучало как музыка. В нём шумел прибой, шелестели под лёгким бризом пальмы, посвистывали весёлые дельфины.

– Син-га-пур, Син-га-пур, Син-га-пур... – повторяла, напевала, бубнила себе под нос Варя. – Там обезьяны и черепахи, там пальмы и золотой песок, там... там... там...

Папа прислал подарки: заводного танцующего дракона, расписные шёлковые платки, футболки с яркими попугаями. Ей, Варе, не повезло: футболка оказалась велика. Не похвастаешься в школе, чтобы ехидина Сергеева обзавидовалась. А Ляльке, как всегда, всё самое лучшее: и майку, и дракона! И воздушного змея папа тоже не прислал! А ведь на фотографиях они были один другого краше: в виде ласточки, орла – и в виде дракона тоже. Как здорово плыл бы в небе дракон с перепончатыми крыльями, всем на зависть и удивление... Ляльке вообще везёт не по заслугам. Глаза зелёные, волосы чёрные, да ещё и выются: вот зачем это всё малявке?

У Вари волосы обычные. У взрослых такие называются «шатен», так бабушка Жанна говорит. А у детей – «русые». Лере хорошо, у неё волосы совсем светлые, а Соня – не Воеводина, а другая, Евсева – вообще рыжая. Зато коса у Вари длинная, скоро до пояса дорастёт. И густая: пока высохнет после мытья, от скуки изведёшься. И глаза у Вари тоже обычные, карие.

Ничего, косу можно будет отрезать, волосы покрасить, а в глаза

вставить цветные контактные линзы. И менять их хоть каждый день!

Вот только вырасти бы поскорее.

– Через неделю едем к бабушке! – сказала мама. – Билеты я уже взяла.

– К бабушке Жанне?

– Нет, к другой – к папиной маме. Ты её и не помнишь. Она в деревне живёт.

– А я хочу к бабушке Жанне!

– Варвара! Не пререкайся! Она уехала в Италию лекции читать. Начинай укладывать вещи.

Варя повздыхала и смирилась.

В деревенской бабушке может быть много хорошего. Пирожки там, оладушки. Ягоды всякие. Цыплята-котятка-щенята. Может быть, даже козлёнок! Его Варя гладила в контактном зоопарке. Козлёнок был тёплый и пушистый, хотя и затурканный.

Тем не менее не мешало пореветь, и Варя взялась за дело. К вечеру мама пообещала купить в утешение новый смартфон – потом, когда придет забирать их с Лялькой от бабушки.

– Лететь к папе долго, как раз успеешь с настройками разобраться!

Так что можно было спокойно собираться и мечтать о смартфоне.

Засыпая в поезде, Варя представляла себе деревенскую бабушку: точно такую, как в старых мультиках. Полную, в цветастом халате, с доброй улыбкой и узелком седых волос на макушке. И, конечно, с огромной миской пирожков!

Утром собираться пришлось под хныканье Ляльки. Спросонья она всегда капризничала. Пришлось ущипнуть её хорошенько. Сестра заревела так, что по всему вагону заворочались разбуженные пассажиры. Мама отвесила обеим по основательному шлепку и погнала умываться. Лялька хлюпала носом и прижимала к себе облезлого плюшевого медведя.

Стоя на перроне и крепко держа за руку надоеду Ляльку, Варя вертела головой, высматривая бабушку. Ни одной подходящей старушки не попадалось...

– Здравствуй, Катя! Ой, как девчонки выросли! Хорошо добрались?

– Здравствуйте, мама! Да, отлично...

Глаза у Вари едва не вылезли на лоб.

Бабушка оказалась совершенно непохожей на ту, придуманную! Никакого цветастого халата – джинсы и футболка с нарисованной лягушкой. Седые волосы коротко подстрижены и обрамляют лицо, как

серебряный шлем. Улыбка не ласковая, а... не поймёшь, какая. Лукавая, что ли? Или задорная? Сквозь очки внимательно смотрят ярко-синие глаза с веерами морщинок в уголках. Всё, всё не так!

Ладно. Может, хоть пирожки будут.

Сумки погрузили в багажник бабушкиной машины – старой, непонятно какой марки. Варя с мамой и Лялькой устроились на заднем сиденье. Бабушка села за руль и рванула с места, как гонщик «Формулы-1». Мама ойкнула.

– Ничего, доедем! – успокоила бабушка, сворачивая на шоссе.

Ехали долго. Лялька уснула почти сразу. Варя поглазела в окно, соскучилась и тоже прикорнула рядом.

– Просыпайся, Варюша! Приехали! – Мамина тёплая рука потерявила Варю за косу.

В деревне оказалась одна улица. Домов – по пальцам пересчитать, да и те заколочены. Бабушкин дом – бревенчатый, небольшой, с верандой. Из-за забора свешивается разноцветная сирень: белая, фиолетовая, голубая, лиловая. В палисаднике полно цветов: ярких, разных, таких Варя никогда не видела.

– Присмотри за Лялькой, а мы вещи перетаскаем, – сказала мама и принялась выгружать сумки из багажника.

Опять! Опять эта Лялька! Не отвяжешься от неё! На крыльце сидит такой рыжий кот, а тут эта плакса!

– Плакса-вакса! – шепнула Варя на ухо Ляльке, но та ничего не поняла: только улыбнулась сонно.

– Девчонки-и-и! – позвала бабушка. – Идите, помогайте!

– Держи! – Варя сунула сестре пакет с остатками дорожных припасов, подхватила свой рюкзак и бросилась на зов. Лялька побежала следом. А навстречу им шёл рыжий кот, посвечивая янтарными глазами.

– Ну что, Вася? Всё в порядке? – спросила его бабушка.

– Мур-р-р-р! – ответил кот.

Бабушка погладила его, почесала за ухом. Кот потёрся о хозяйкины джинсы и пошёл в дом – хвост трубой.

Кухня оказалась просторной и светлой. Занавески на окне белые, в крупных красных горошинах. В углу тихонько урчит большой холодильник. На столе ваза с огромным букетом сирени. Посуда весёлая: красные в белый горошек чашки и тарелки с золотым ободком. Вкусно пахнет пирогами, а на стене тикают часы-ходики.

– Ой, балуете вы меня! Уже и самовар есть электрический, и хлебопечка... – Бабушка распаковала новенькую мультиварку.

– Девчонок проще будет кормить: забрасываешь продукты, а остальное она сама сделает! Я без неё как без рук, – точно таким голосом мама разговаривала с завучем, когда её в прошлом году вызывали в школу.

И из-за чего было шум поднимать? Подумаешь, Варя на спор с Сергеевой со второго этажа прыгнула. Не с пятого же!

– Ну посмотрим, авось и я с ней разберусь... – в голосе бабушки было сомнение.

– Ничего сложного! Там целая книжка рецептов приложена, – успокоила мама.

– Да я как-то всё больше сама... Ладно, посмотрим.

– Конечно! Девчонки, руки мыть и за стол!

Кухня красивая, а вот с едой оказалось не очень. Любимых Вариных пирожков – с яблоками или с капустой – испечь никто не догадался. Под полотенцами лежали два огромных пирога: один с рисом и яйцами, второй – с мясом. На плите противный рассольник и картошка с грибами.

Безобразие! Нормальная бабушка всегда приготовит внукам то, что они любят больше всего. А потом будет угощать и упрашивать съесть ещё хоть один кусочек.

Впрочем, пирог с мясом оказался неплох. Да и картошка с грибами тоже ничего...

После еды Варя начала клевать носом, и от мамы это не укрылось.

– Девочки, пора спать!

– Ну ма-а-а-м!

– Спать! Варвара, присмотри, чтобы Лялька зубы почистила. А мы с бабушкой ещё посидим, чаю выпьем...

Послушная Лялька отправилась надевать пижаму. Конечно, умываться Варя её не потащила. Ещё чего! Это дело няни. А если Оксана у них больше не работает, то пусть ищут другую.

– Спать! – сказала Варя страшным шёпотом и скорчила такую рожу, что сестра захныкала и спряталась под одеялом.

В Интернет с телефона выйти никак не удавалось. Варя повертелась с боку на бок и решила пойти на кухню. Воды попить, а там, глядишь, разрешат остаться, посидеть со взрослыми.

Зайти в кухню не получилось. Из-за двери было слышно, как мама плачет, и Варя столбиком застыла в коридоре, наострив уши.

– Ох, мама, это такая беда... Лялька ведь не разговаривает. Вы заметили, да? Скоро три года, а не разговаривает! Лепечет, и всё. Варька в этом возрасте болтала без передышки...

– Успокойся, Катенька. Дети все разные. Логопеду ребёнка показывали?

– Конечно! – В голосе у мамы прозвучала обида. – Сказал, что, если к трём годам не заговорит, тогда и будем работать.

– Ищите другого логопеда, – отрубил бабушка. – Сейчас понаблюдаю, всё, что смогу, сделаю, а вы ищите.

– Спасибо, на вас вся надежда...

Тут мама окончательно расплакалась, бабушка принялась её утешать, а Варя побрела обратно, в их с Лялькой общую комнату.

Значит, у всех сёстры как сёстры, а у неё, Вари, какая-то... прибабахнутая!

Интернет по-прежнему глючил. Варя всплакнула от досады и заснула наконец под ровное Лялькино посапывание.

Под утро приснилось непонятное: словно кто-то гладил по голове, дышал теплом прямо в ухо и шептал: «Варюша, я уезжаю! Береги Ляльку и помогай бабушке!» Даже пахнуло мамиными духами. Варя попыталась проснуться, но сон крепко держал мохнатыми тёплыми лапами. Получилось только перевернуться на другой бок.

В следующий раз Варя проснулась на рассвете. Села в кровати, огляделась: Лялька спит, обняв своего плюшевого медведя. В окно лезет ветка сирени, будто говорит: вставай, хватит спать! За окном кто-то посвистывает, выводит залиvistую песенку в три колена, а потом рассыпает звонкое «чивир-р-р-р», словно хрустальные бусины падают на блюдо. Кто бы это мог быть?

Варя выглянула в окно и тихо ахнула.

Там, среди кустов сирени, танцевал человек с мечом в руках.

Человек сражался с невидимым противником: делал выпады, уворачивался, атаковал. Клинок мелькал в его руках, поблёскивая на утреннем солнце. Вот человек упал, перекатился через плечо и вскочил, держа меч перед собой. Вытер лоб рукавом, положил меч на траву и пошёл к дому.

Это была бабушка. Та же самая, что и вчера, только в спортивном костюме. Не успела она скрыться на веранде, как Варя распахнула окно и

выпрыгнула в сад.

Под кустом сирени лежал меч – настоящий, тяжёлый. Потёртые кожаные ножны в серебряных накладках, костяная рукоятка украшена зелёными камнями... Она легла в Варину ладонь, как живая. Клинок змеёй выскользнул из ножен – и оказался деревянным.

Варя поскребла ногтем полированное дерево. Хитрый узор древесных слоёв на клинке притягивал взгляд, не отпускал, завораживал.

Кому мог понадобиться деревянный меч? И зачем он бабушке?

– Что, нравится? – спросили за спиной.

Бабушка стояла позади с мокрым полотенцем в руках.

– Доброе утро... – пристыженно пробормотала Варя.

– Доброе утро! – Бабушка подняла меч и вложила его в ножны. – Любопытной Варваре нос оторвали, ты это знаешь?

По голосу не понять, сердится бабушка или шутит. Очки на серебряной цепочке, как у старенькой консьержки Ольгиванны – чтоб не потерять? За стёклами очков блестят синие глаза. Между бровями три морщинки: средняя подлиннее, те, что по бокам, – покороче. Словно чья-то когтистая лапа давным-давно царапнула бабушкин лоб, оставив тонкие шрамы...

– Бабушка, а зачем тебе меч? Ты что, этой занимаешься... – Варя не сразу вспомнила слово, – реконструкцией?

– Реконструкцией чего? – приподняла бровь бабушка.

– Ну понимаешь, это когда люди делают себе старинные костюмы, украшения, оружие... Потом собираются в условленном месте и играют.

– Во что играют? В прятки?

– Нет, что ты, какие прятки! В битвы там всякие, в осады, во взятие крепостей... Ещё в ярмарки.

Старший брат Вики Егоровой – заядлый реконструктор. Как-то раз, когда Вика не вовремя свалилась с гриппом, мама отпустила Варю на игру вместо неё. Полдня Варя сидела на охапке сена рядом с симпатичным осликом, одетая в длинное платье и холщовый чепец. Она была дочерью зеленщицы. К ним подходили люди в странной одежде. Приценивались, торговались, покупали яблоки или уходили с пустыми руками. А крутом шумела ярмарка. Мимо волокли здоровенные корзины, вели лошадей, потом с криком ловили вора... Ух, классно было!

– Вот оно что, – сказала бабушка. – Интересно. Надо будет когда-нибудь попробовать. А так – нет, ничем таким я не занимаюсь. Раньше фехтованием увлекалась, сейчас просто зарядку делаю, а меч вместо гантелей. Надо же себя в форме держать. Ну иди, досыпай.

Заснуть получилось не сразу. Некстати вспомнилось, что мама уже уехала. Да и танцующая с мечом бабушка тоже не выходила из головы. Но потом сон выбрался из-под пахнувшей свежестью подушки, накинул на голову тёплый платок, склеил веки, убаюкал...

– Девчонки, подъём! Лялюша, умываться!

Бабушка опять была в джинсах и футболке. Она повела похныкивающую спрpsonья Ляльку в ванную, что-то ласково приговаривая на ходу.

На завтрак были вареники – вкусные, с творогом и вишнями. Доедая вторую порцию, Варя глянула в окно и чуть не подавилась.

Калитка открылась, и в неё вошёл пёс величиной с небольшого медведя. Шерсть у пса была грязно-белая, а в зубах он держал металлический тазик.

– Бабушка, смотри, смотри!

– Куда? А-а-а, так это Снежок за завтраком пришёл. Доела? Пошли знакомиться. Пойдём с нами, Лялюша!

Пёс тем временем сел и осторожно опустил тазик на землю. Бабушка вытащила из холодильника ведёрную кастрюлю и отправилась во двор. Варя пошла следом, крепко держа за руку Ляльку.

При виде бабушки пёс улыбнулся во всю пасть, показав огромные клыки, и пару раз стукнул хвостом по земле.

– Умница Снежок, хорошая собака. – Бабушка почесала громадину за мохнатым ухом. – Знакомься: мои внуки. Они будут здесь жить!

Снежок деловито обнюхал Варю, потом пискнувшую от страха Ляльку. Лизнул её в щёку и снова стукнул хвостом по земле.

– Вот и познакомились. – Бабушка стала накладывать в тазик овсянку с мясом. – Теперь он никому вас в обиду не даст.

– Бабушка, это твой пёс? А почему мы его вчера не видели?

– Не мой, соседа Ильи. Он в отъезде, а я за домом и собакой присматриваю. В глуши живём, надо друг другу помогать. А Снежок никого чужого близко не подпустит. Такого сторожа днём с огнём поискать – правда, Снежок?

Пёс только хвостом вильнул. Он был занят: полировал тазик языком до зеркального блеска.

– Так, Варюша. Мы с Лялей сейчас будем заниматься, а тебе помыть посуду. Потом делай, что хочешь. Вещи разбери, в саду осмотришься. В общем, определяйся.

- Бабушка, а чем ты с Лялькой будешь заниматься?
- Ещё не знаю. Сначала мы с ней поговорим, вот тогда ясно будет.
- Так она же не разговаривает!
- Я разберусь, Варя. – Глаза у бабушки слегка позеленели. – Я как-никак логопед.
- Ух ты – ы – ы... Правда?
- Правда. Тебе, кстати, не мешало бы «р» подправить. Ну это после. Пойдём, Лялюша!

Посуду Варя решила помыть потом. Включила дракона, вволю насмотрелась, как он рычит и машет крыльями. Разобрала свои вещи. Достала коробку с бисером, полюбовалась. Выложила на тумбочку книги: почти всю серию «Детективное агентство Ксюши Бубликовой» и пять книжек из серии «Хрюмки идут по следу». Попробовала выйти в Интернет – опять не получилось. С горя пришлось идти в сад, осматриваться.

В саду нежно пахло от кустов, усыпанных мелкими белыми цветами. Цвело всякое разное, виденное только на картинках или совсем незнакомое. Лезли вверх, махали красными, розовыми, голубыми лепестками диковинные растения, подвязанные к опорам. Знакома была только любимая мамина сирень. Но такой сирени мама никогда не покупала. Огромные грозди были чуть не всех цветов радуги: фиолетовые, синие, пурпурные...

Наверху звякнуло. Варя задрала голову и увидела на крыше флюгер: лягушка, держащая стрелу.

Хорошо оказалось в саду, но вай-фая и там не было. Варя побрела в дом, злясь на всё окружающее.

Поискать по дому компьютер, что ли?

В первой комнате его не нашлось. Там вообще ничего не было, кроме набитых книгами шкафов. Камин, огромное мягкое кресло в углу, а рядом с ним, на стене – лампа с матовым абажуром. Из интересного только стеклянный шкафчик, а в нём фигурки лягушек: каменные, фарфоровые, металлические, деревянные... Из разноцветного стекла, глины, чего-то ещё... Большие, маленькие и совсем крохотные.

Варя прилипла носом к стеклянной дверце, разглядывая лягушек. Зачем они бабушке? Столько лягушек, а вай-фая днём с огнём не найдёшь!

Из-за следующей двери доносилось знакомое жужжание робота-пылесоса. Варя потянула за ручку.

По бежевому ковру ползает-трудится робот. А на нём... а на нём

разъезжает, отталкиваясь одной ногой, крохотный бородатый старичок!

– И – эх-х-х-х! Навались, милок, не зевай! Давай, пошевеливайся! – прикрикнул он тоненько.

Оглянулся, увидел Варю. Пискнул и бросился в угол.

Варя кинулась за ним, споткнулась о пылесос и растянулась на ковре. А старичок исчез, как не бывало его.

Вот это да! Сюда бы Ксюшу Бубликову с её верным Топом! Уж она бы разобралась, что это был за старичок и куда он делся. Всех вывела бы на чистую воду...

Ксюша Бубликова носила огромные очки с черной оправой-велосипедом. А ещё у неё были торчащие косички с пышными бантами, вздёрнутый нос в веснушках и беспородный пёсик Топ, умеющий кого угодно разыскать по следу.

Ксюша и сама была не промах. Она выслеживала, подслушивала и подглядывала. Всё видела, всё замечала. Пряталась в шкафах и кладовках, сидела на чердаке и в собачьей будке. Словно невзначай, задавала коварные вопросы и мгновенно запоминала ответы. Потом всё сопоставляла и – опля! – изобличала преступников, находила похищенных

и возвращала украденное.

А чем она, Варя, хуже? Да ничем!

Варя окинула комнату пронизательным Ксюшиным взглядом и ткнула себя пальцем в переносицу, поправляя невидимые очки.

В следующей комнате – маленькой, с окном на веранду – нашлись бабушка с Лялькой. Обе сидели на полу и корчили друг другу рожи. Бабушка надула щёки, похлопала по ним пальцами. Лялька тут же собезьянничала. Бабушка высунула язык, достав им чуть не до кончика носа, но у Ляльки это не получилось.

– Та-ак... – сказала бабушка и вынула яркую метёлку для пыли – непонятно откуда, как фокусник.

– Ффффу-у-у-у-у! – с силой выдохнула она, и ворсинки, разлетаясь, заплясали в воздухе.

Лялька взвизгнула от восторга и принялась дуть на метёлку изо всех сил.

– Молодец! – сказала бабушка. – Ты что-то ищешь, Варюша?

– Вай-фай ищу.

– А мы здесь без Интернета живём, – бабушкин голос прозвучал совершенно спокойно.

Варе показалось, что на неё обрушился потолок.

– Как – без Интернета?!

– Да вот так. Ещё и без сотовой связи. С вязь-то есть, да покрытие такое плохое, что её считай и нет.

– А-а-а... а как же... – только и получилось промямлить у Вари.

– Поедем в Осинкино, там связь получше. Можно будет с мамой поговорить. Варюша, мы скоро закончим, а пока не мешай, ладно?

Варя добрела до крыльца, села и попыталась всё обдумать.

Как можно жить без Интернета? Ну вот просто – как? Ни поиграть, ни пообщаться – ни с девчонками, ни с папой или мамой. И так всё лето!

Из зарослей сирени вышел кот Василий, глянул на Варю жёлтым глазом.

– Кис-кис! – позвала Варя.

Кот хрипло мявкнул и прошёл мимо: в кухню, к миске.

Оставалось только развеяться от горя и одиночества. Вот Варя и развеялась: всхлипывая и поскуливая по-щенячьи.

– Что плачешь, Варюша? – Бабушкина ладонь легла на затылок, такая

же тёплая, как у мамы.

– Соску-у-у-учила-а-а-ась... – только и смогла выдавить Варя.

– Не плачь, моя хорошая. – Бабушка вытерла зарёванное Варино лицо носовым платком. Голос её звучал твёрдо, но ласково. – Завтра поедем в Осинкино, там маме позвоним. А сейчас пойдём, что-то интересное покажу.

Прибежала Лялька, принялась утешать: гладить сестру по рукам, по лицу, лепетать на своём языке. Варя всхлипнула последний раз и отправилась следом за бабушкой, разглядывая на ходу платок. В уголке была вышита крохотная зелёная лягушка.

В бабушкиной комнате и правда оказалось много интересного. Тройное стоячее зеркало – в нём, если приноровиться, можно увидеть много-много своих отражений. У бабушки Жанны тоже такое есть, трельяж называется. Внизу у него низкий столик, там расставлены всякие баночки и флакончики. Потом надо будет всё перенюхать... На стене большая картина: морской берег, а вдали горы. У окна стул и что-то вроде столика, покрытое белой тканью. А на подоконнике лежит перчатка из толстой кожи: большая, с раструбом. Интересно, зачем бабушке одна перчатка, если вторая потерялась?

– И-и-и-и-и... – тихо запищала Лялька, и в голосе у неё был восторг.

На высокой подставке под стеклянным колпаком сидела кукла, каких Варя не видела никогда в жизни – даже не знала, что такие бывают.

Кукла была тряпичная. Вместо глаз крохотные зелёные пуговицы – похоже, стеклянные. Няня Оксана называла такие пуговицы «на ножке». Рот и брови вышиты. Воинственно торчит нос – вздёрнутый, как у Ксюши Бубликовой, только без веснушек. Ясно, что хозяйка такого носа за словом в карман не полезет и спуску никому не даст. Одета кукла была сказочной царевной. На голове венец, сарафан переливается синим и зелёным, как хвост павлина в зоопарке, пышные белые рукава подвязаны лентами.

Лялька не сводила с куклы глаз.

– Что, нравится? – спросила бабушка. Подумала чуть-чуть, достала куклу из-под колпака, взвесила в руке. – Смотри за ней хорошенько, береги её! Слышишь?

Варе показалось, что кукольные глаза блеснули в ответ.

Лялька схватила куклу, прижала к себе.

Вблизи кукла оказалась ещё интересней. Венец украшен бисером и цветными стеклянными бусами, словно драгоценными камнями. На шее ожерелье в несколько рядов. Длинная коса заканчивается расшитой

подвеской. Ноги обуты в красные башмачки, тонкие пальчики из скрученной в трубочку ткани унизаны кольцами.

– Бабушка, а откуда у тебя такая кукла?

– Сама сделала, когда маленькой была, – в бабушкином голосе прозвучала грусть. – Я одна росла: ни братьев с сёстрами, ни подруг. Вот и сделала эту куклу, чтоб не так тоскливо было. Ты вон какая богатая: у тебя и сестра есть, и подружки, и мама с папой. А мы с отцом вдвоём жили...

В приоткрытую дверь вошёл кот Василий, и Варя заметила, что он прихрамывает на правую переднюю лапу.

– А почему кот хромой? Под машину попал?

– Нет, Варюша. Я его в лесу нашла со сломанной лапой. Забрала домой, шину ему наложила. У кошек всё быстро заживает. Думала, уйдёт – нет, остался. Так и живём вместе. Мы с ним разговариваем – правда, Вася?

– Мурррр! – ответил кот. Запрыгнул на кровать и принялся умываться.

– Да что мы всё о грустном? – спохватилась бабушка. – Залезайте к Васе, на кровать, будем сокровища смотреть!

Сокровища? Ух, любопытно!

Лялька уже устроилась на кровати, прижимая к себе куклу. Бабушка достала из шкафа зелёную, всю в разводах, шкатулку и сняла с неё крышку. Шкатулка и в самом деле была полна сокровищ. Разноцветные бусы, ожерелья, кольца с яркими камнями...

– Вот это бирюза, это кораллы, а это янтарь, – рассказывала бабушка. – Это лазурит: видишь, какой синий?

В глубине камня мерцали золотистые искры.

– Это сердолик, это гранат... А шкатулка малахитовая. Подружка давным-давно подарила. Хочешь поносить что-нибудь? Выбирай!

– Баб, а что ты сама ничего не носишь?

– Почему же? Ношу. – Бабушка подвернула рукав и показала широкий серебряный браслет с чёрным узором. – А остальное давно что-то не надевала, правда. Ну-ка...

От лазуритового ожерелья бабушкины глаза стали ещё синее. Варя примерила бирюзовые бусы и тут же сняла: тяжёлые, холодные, давят шею...

Лялька увлечённо перебирала украшения – и вдруг тихо пискнула.

– Что там у тебя, Лялюша?

В кулаке у Ляльки оказалась подвеска в виде глаза. Оправленный в серебро, поблёскивал зелёный камень: тот самый, из которого сделана

шкатулка.

– Молодец! Бабушкина внучка, сразу видно!

Тут же нашёлся кожаный шнурок, и подвеска оказалась у Ляльки на шее.

Опять! Опять всё этой мелкой вредине!

Настроение у Вари сразу испортилось.

– Ба-а-аб, знаешь, кого я сегодня видела? Старичка с бородой! Маленький, как эта кукла. Он на пылесосе катался! Кто это был, а?

– Домовой, – спокойно ответила бабушка.

– Ты его что, тоже видела?

– Конечно.

– А откуда он взялся?

– Живёт он здесь, вот и всё. Дом старый, такие без домовых не бывают.

– А что он делает?

– За порядком следит. Бояться его нечего, а мешать ему не надо. Ну что, ничего не выбрала?

– Не-а.

Бабушка принялась укладывать украшения в шкатулку, а Варя стала рассматривать картину на стене.

Наверно там, в Сингапуре, такое же синее море. Сияет безоблачное небо, на волнах скачут солнечные зайчики, вскипает белой пеной прибой...

Варя подошла так близко к картине, что чуть не ткнулась в неё носом. Встала на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть, – и вдруг увидела, что картина не нарисована, а вышита.

– Ба-а-а-аб! А кто это вышивал?

– Я, кто же ещё. – Бабушка убрала шкатулку в шкаф.

– Правда?

– Конечно! Вот, смотри!

Бабушка откинула белую ткань со столика. Там оказалась начатая вышивка, натянутая на рамку. Кусты роз, скамья у фонтана, аллея высоких деревьев...

– Ой, как здорово, ба! Научишь меня?

– Научу, если захочешь. Тут терпенье нужно. А сейчас пошли в сад, поливать пора.

Поливать оказалось очень интересно. Струя воды из шланга рассыпалась на мелкие капли, играла радугой. Лялька с восторженным

визгом скакала в облаке брызг и быстро промокла. Бабушка сгребла её в охапку и понесла переодеваться.

– Варюша, пойдём! Наденешь сухое, и будем обедать.

Лялька брыкалась и хохотала.

В комнате солнечно, за окном сиреневый куст в цвету. Хорошо! А скоро будет Сингапур, и там будет ещё лучше – так, что сейчас и представить себе невозможно.

– Можно посмотреть? – спросила бабушка и указала на стопку Вариных книг.

– Конечно... – смущённо сказала Варя. С ней ещё никто так не разговаривал.

Управившись с Лялькой, бабушка стала перебирать яркие книжки.

– «Ксюша Бубликова и загадка старого чердака», «Ксюша Бубликова и чёрный чемоданчик», «Ксюша Бубликова и тайна заброшенной дачи»... Теперь такое читают?

– Это все сейчас читают! Детские дюдики называется.

– Дюдики? – Бабушкина бровь изогнулась и взлетела под самую чёлку, глаза позеленели.

– Детективы... – пробормотала Варя. Почему-то ей стало очень неловко.

– Н – да, – только и сказала бабушка. – Если что – книги в той комнате, где шкафчик с лягушками, как зайдёшь, справа.

– А телевизор где, бабушка?

– Нигде. Нет у меня телевизора.

Нет телевизора? Надо же... Впрочем, у Кристины и Даши телевизоров тоже нет, вместо них компьютер.

– Баб, а как же мультики смотреть? Я «Машу и медведя» люблю!

– Ноутбук есть, дисков много. Видеомагнитофон с кассетами.

– А это что такое?

– Достану с чердака, покажу.

– А лягушки – это у тебя коллекция?

– Ну да.

Наутро в Осинкино отправились сразу после завтрака. Ехать и правда оказалось недалеко: меньше часа. Ляльку даже укачать не успело. Бабушка лихо затормозила у домика с вывеской «Почта» и скомандовала:

– Все на выход!

Телефон у бабушки оказался старый, кнопочный. При одной мысли, что

его могли бы увидеть одноклассники, Варю бросило в жар. Что сказала бы Сергеева! У неё-то новенький смартфон, а на будущий год родители ей обещали айфон – ну, если она не врёт, конечно...

Зато у Вари впереди Сингапур! И пусть Сергеева заткнётся!

– Здравствуй, Катенька, как дела? У нас всё хорошо, все здоровы. С Лялей работаем, да... Варя, поговори с мамой! Я пока в магазин сбегаю.

Услышав далёкий мамин голос, Варя чуть не расплакалась.

– Варюша, я скоро улетаю к папе! Потом вернусь за вами.

– Ма-а-ам! Когда?

– К концу лета, доча! Надо найти квартиру для нас, школу тебе подобрать, детский сад для Ляльки... Как вы там?

– Скуча-а-а-аю... – Варя хлопнула носом.

– А Лялька?

Опять! Все только о Ляльке и думают!

– Хорошо Лялька, что ей сделается...

– Береги её, Варюша, ты же старшая, на тебя вся надежда. И бабушке помогай, слышишь?

– Слышу... – буркнула Варя.

– Дай я с Лялькой поговорю.

Варя приложила телефон к розовому Лялькину уху. Услышав мамин голос, малявка заулыбалась и принялась щебетать на своём языке. Варя лихорадочно принялась просматривать «ВКонтакте».

Та-а-ак... Артёму она писала с фейкового аккаунта. Ответ невразумительный, но явно заинтересованный. Аня Воробьёва выложила фотки из дельфинария, ну-ну... Сергеева написала: «Жди нас, Кипр, скоро будем!» Хвастунья и задавака. А что ей, Варе, написать? «Сижу в деревне, присматриваю за Лялькой»? Позорище...

– Помоги, Варюша!

Бабушка загружала в багажник огромные, даже на вид тяжёлые пакеты. Пришлось подавать ей другие, поменьше: с яркими помидорами, шипастыми огурцами, хвостатой редиской.

– А теперь пошли за мороженым! – У бабушки в руках оказалась выдавшая виды сумка-холодильник. – Ты какое любишь?

– Крем-брюле и фисташковое!

– А Лялька?

– Она всякое любит, но ей много нельзя.

– А мы понемножку!

Мороженого набрали всякого: и фисташкового, и пломбира, и крем-брюле, и шоколадного. А ещё купили «Радужные пузыри». Лялька макала во флакончик пластмассовую петельку, высовывала руку в окно, и за машиной летел по ветру хвост мыльных пузырей – вместе с Ляль-киным радостным визгом.

Потом развели костёр и пекли картошку. Лялька опять пускала пузыри: бабушка добавила во флакончик какую-то жидкость из аптечной бутылочки, и они стали такими прочными, что подскакивали на ладони, как воздушные шарики.

Потом сидели на ковре, смотрели мультики и ели мороженое.

Засыпая, Варя подумала, что у бабушки всё же неплохо. И приснился ей Водяной из мультика, распеваящий про свою незадачливую жизнь-жестянку.

– Варюша, это тебе! – сказала бабушка после завтрака, протягивая странный камешек. Похожий на каплю, с дыркой посередине.

– Спасибо, – растерянно сказала Варя и взяла неожиданный подарок.

Камешек уютно лёг в ладонь: шершавый, бугристый, с матовой поверхностью. Только в середине, у самой дырки, шёл длинный скол, открывающий ярко-оранжевое полупрозрачное нутро камня.

Словно надкушенный апельсин...

– Спасибо, – повторила Варя. – Очень красивый. Откуда он у тебя, ба?

– На море нашла, – ответила бабушка. – Такие редко попадаются. Носи, когда-нибудь пригодится.

– Чем пригодится, ба?

Бабушка не ответила. Принесла из своей комнаты коробку с иголками и нитками, покопалась в ней и выудила точно такой же кожаный шнурок, как у Ляльки. Продела его в дырку, завязала хитрым узлом и сказала:

– Надевай!

Камешек повис на шее и оказался совсем не тяжёлым. Даже приятно тёплым почему-то...

– Ну как? – поинтересовалась бабушка.

– Хорошо!

– Вот и ладно. Мы пошли заниматься, а тебе со стола убирать.

Дома посудомойку загружала няня Оксана или мама. Но бабушкин голос пререканий не допускал. Да и посудомойки здесь не было...

Варя вздохнула и принялась за дело.

Посуда кончилась неожиданно быстро. Варя сняла с шеи камешек и принялась рассматривать его на свет. Солнечный луч бил сквозь отверстие, просвечивал камень насквозь. Скол светился оранжевым, будто апельсиновый леденец. Так и хотелось его лизнуть...

Камень оказался солёным на вкус.

Ксюша Бубликова непременно сделала бы сногшибательные выводы. Варя задумалась.

Бабушка сказала, что нашла камешек на море. Когда же это было? Он солёный, будто его только что вынесло волной на берег. Но где море, а где бабушкин дом!

Ни до чего не додумавшись, Варя отправилась на веранду – посидеть на плетёном диванчике. Но диванчик был занят: там устроился кот Василий. А на перилах веранды висел синий купальник – мокрый.

Ни бассейна, ни речки, ни пруда в деревне нет. Может, бабушка обливается по утрам, как тётя Кира? Та в любую погоду выходит во двор с двумя вёдрами воды, выливает их себе на голову и уходит домой. Вроде бы никогда не болеет из-за этого... Правда, бабушка Жанна посмеивается над ней, называет чокнутой. Но ведь тётя Кира и правда не болеет!

Тут мелькнула тень, и на перила веранды приземлилась птица: большая, серая с коричневым. Кривой острый клюв, жёлтые глаза. Мощные когти впились в дерево...

– Бабушка-а-а-а! – завопила Варя.

– Что случилось? – Бабушка появилась мгновенно, будто стояла за дверью. – Ах! Беги скорей, принеси перчатку из спальни – там, на подоконнике!

Варя бросилась за перчаткой. А когда вернулась на веранду, увидела, что бабушка гладит птицу и разговаривает с ней – тихо, не разобрать о чём. Лялька стояла рядом с неразлучной куклой в руках и восторженно глазела.

– Спасибо, Варюша! – Бабушка надела перчатку. Птица устроилась у неё на руке и закрыла глаза.

– Теперь носи отбивную из холодильника.

– Баб, а что это за птица?

– Сокол.

– Ты его кормить будешь, да?

– Конечно.

– А мне можно? Ну пожалуйста!

– Посмотрим.

Сокол рвал мясо острым клювом, грозно косился с бабушкиной руки на кота Василия и Ляльку с Варей.

– Ба-а-аб! А мне можно его подержать?

– Сейчас попробуем. – Бабушка слегка подкинула сокола вверх, он перелетел на перила и сердито, скрипуче крикнул. – Надевай!

Перчатка оказалась велика. Варина рука утонула в ней чуть не по локоть.

– Вот, помани его! – Бабушка сунула Варе в свободную руку остаток отбивной.

Сокол взмахнул крыльями и опустился на перчатку. От восторга у Вари дыханье перехватило. Рассказать девчонкам – не поверят!

– Теперь мясо ему давай, – подсказала бабушка.

– Баб, а погладить его можно?

– Можно, только аккуратно.

Перья у сокола оказались упругие и прохладные – словно хранили холод, принесённый оттуда, с высоты. Круглые жёлтые глаза смотрели строго, пронизывающе, будто спрашивали о чём-то. Он хрипло крикнул и взмыл в небо. Бабушка помахала ему вслед, а Варя с Лялькой долго смотрели вверх, пока сокол не исчез в облаках.

– Баб, а он ручной, да? – Варю распирало от любопытства.

– Не совсем.

– А куда он полетел?

– По своим делам.

– А откуда ты его знаешь?

– Да мы старые знакомые.

– Ты его тоже нашла в лесу, как Василия?

– Ну... в общем, да. Отнеси перчатку на место, Варюша.

– А он ещё прилетит?

– Наверно.

– А когда?

– Не знаю. Сокол птица вольная, никто ему не указ. Меня не забывает, и ладно.

Вот беда! Не сфоткалась с соколом на руке! Никто не поверит!

Бабушка, Лялька и кукла устроились на плетёном диванчике – читать. Читала, конечно, бабушка: с выражением, показывая Ляльке картинки в книжке. Мелкая слушала, прижимая к себе куклу – так, будто что-то

понимала.

– Баб, ведь она не понимает ничего! – вырвалось у Вари.

Бабушкины глаза позеленели.

– Боюсь, это ты ничего не понимаешь. И, кажется, не ты одна, – голос у неё звучал спокойно, но Варе от этого спокойствия стало страшновато. – Ляля понимает абсолютно всё. А вот кое-кто не по-ни-ма-ет! Не желает понять, что с ребёнком надо раз-гова-ри-вать! Общаться! Читать ему надо! Вслух! Чем больше, тем лучше! Если хочешь, чтобы он заговорил, конечно... Ты ведь этого хочешь, правда?

– Хочу, баб...

– Хотеть мало. Если уж хочешь чего-нибудь по-настоящему, так работай! Делай! Так что после дневного сна читать Ляле будешь ты. Вопросы есть?

– А... а... – заикнулась Варя.

– Вот и замечательно. Пообедаем, уложим ребёнка и пойдём книжку выбирать. Сейчас, Лялюша, сейчас...

Лялька уже давно дёргала бабушку за руку.

– Где мы там остановились? «Увидел Муравей на полянке маленький грибок, добежал до него и спрятался под его шляпкой. Сидит под грибом – дождь переживает. А дождь идёт всё сильнее и сильнее». Покажи, где грибок... А муравей где? Молодец, умница!

Ничего себе! Нашли няньку!

Варя угрюмо поплелась в сад: есть малину и горевать. Что спорить с бабушкой бесполезно, она уже поняла.

Так что после обеда Варя без пререканий отправилась в комнату с книжными шкафами, оставив Ляльку посапывать в компании куклы и медведя.

Бабушка вытащила из-за двери стремянку и оглядела ряды пёстрых книжных корешков на полках.

– Та-а-ак... Ну что, «Буратино», думаю, подойдёт. И «Винни-Пух» тоже. Ты ведь их читала?

– Не-а.

– И греческие мифы тоже? Про Тезея, про золотое руно? Про Персея и Медузу Горгону? Про кентавра Хирона?

– Не-а.

– А про муми-троллей? Про Маугли? Про Царевну-лягушку?

– Не-а, – Варя начала злиться, – мультик смотрела, про Маугли.

– Везёт же некоторым, – сказала бабушка. – Хотела бы я это всё прочесть в первый раз. Ну ладно.

В руках у Вари оказалась стопка книг: потрёпанных, с потёртыми корешками.

– Когда прочтёшь, можно брать ещё. – Бабушка сложила стремянку. – Только ставь прочитанное на место, договорились?

– Ага... Баб, а может, Лялька аудиокниги будет слушать? Надеть ей наушники, и пусть сидит, слушает, а мы своими делами занимаемся!

– Да? И какие же у тебя дела?

Варя потупилась и не сумела ответить.

– Если бы всё было так просто, Варюша! Человеку с людьми надо общаться, а не с файлами. Тогда он человеком вырастает, а не приставкой к компьютеру.

– Баб, а зачем тебе детские книжки?

– Хорошие книги, они без возраста. И для детей, и для взрослых. А мне ещё и для того, чтобы свои книги писать.

– Правда?! – У Вари перехватило дыхание от восторга.

Бабушка, которая пишет книжки! Такой ни у кого нет! Девчонки обзавидуются!

– Правда.

– А их можно прочитать?

– Можно. Только это учебники, для логопедов. Ну, и для родителей тоже.

Фу-у-у... Учебники... Тоска какая.

Но всё равно, бабушка, которая пишет книжки, – это круто!

Читать мелкой вредине оказалось не так противно, как представлялось. Книжка про Буратино весёлая и интересная. Лялька сидит, наострив уши, кукла – рядом, вроде тоже слушает. За окном бабушка что-то быстро-быстро набирает на своём ноутбуке, только руки порхают по клавиатуре. Кот Василий умывается, сидя на ступеньках... Хорошо!

Проснулась Варя непривычно рано. Повертелась с боку на бок и решила встать. Лялька спит, бабушка наверняка с мечом выплясывает... Самое время пробраться к ней в спальню и перенюхать всё, что стоит на трюмо. И перчатку заодно примерить! Можно представить, что на руке опять сидит сокол: не тяжёлый, но увесистый, взявшийся откуда-то из поднебесья.

Кстати, интересно, где хранится бабушкин меч? Пусть деревянный, но

такой красивый!

– Баб, к тебе можно? – Варя осторожно поскреблась в дверь спальни. Никакого ответа.

Комната пуста, кровать аккуратно заправлена. Ура!

Варя шмыгнула к трельяжу и принялась открывать флаконы и баночки. Запахло лимоном, ландышем, ещё чем-то свежим и непонятным. Пробка на крохотной бутылочке не поддавалась. Варя оглянулась, ища, чем бы её прихватить, и увидела такое, что сразу забыла обо всём остальном.

Картина! Она стала совсем другой! Раньше над вышитым морем сияло вышитое солнце, плыли белые облака. Сейчас солнце едва поднялось над водой. В небе ни единого облачка. На прибрежной гальке валяются бабушкины тапочки: красные, с большими пушистыми помпонами. Рядом полотенце, которое недавно висело в ванной, – синее, в белую полоску. А на полотенце, обернувшись хвостом, сидит рыжий кот Василий и смотрит в море.

Варя попятилась и поставила бутылочку на место.

Василий встал, пошёл к воде, высоко неся хвост. К берегу кто-то плыл, и по спокойной воде шла рябь от сильных гребков. Вот фигура в синем купальнике выходит из моря. Вот бабушка запрыгала на одной ноге, вытряхивая воду из уха. Присела на корточки, погладила Василия. Потянулась за полотенцем...

Трясущимися руками Варя позакрывала всё, что успела открыть, и метнулась из спальни. Сердце у неё колотилось где-то в горле.

За завтраком бабушка была совершенно обычной. Пила крепкий чай с лимоном, хвалила Ляльку, за то, что та ела сама.

– А мама с няней Оксаной её всегда докармливают... – ляпнула Варя и тут же пожалела об этом.

– Она большая и прекрасно ест сама, – отчеканила бабушка. – Незачем делать за человека то, что он может сделать без посторонней помощи!

– Лялька у нас худенькая, – сказала Варя из чистого упрямства.

– Какая есть, – сухо ответила бабушка. – Проголодается – попросит ещё... Вот так надо ложку держать, Лялюша! Вот так, молодец!

Дома няня Оксана сажала Ляльку за стол и быстро напихивала едой: та

только рот успевала разевать, как галчонок. Потом так же быстро умывала её и укладывала спать. Либо усаживала смотреть мультики на смартфоне.

– А у нас... – начала Варя.

– Варюша, у меня здесь – так. И никак иначе.

Потом пришёл завтракать Снежок.

Потом Лялька каталась на нём верхом.

Потом его купали, поливая из шланга, расчёсывали.

И тут Варя увидела над домом напротив столб дыма.

– Бабушка, пожар!

– Где?

– Вон, смотри!

– Да это Илья приехал, баню топит! – улыбнулась бабушка. – Вечером надо гостей ждать. Пойдём тесто ставить!

Волей-неволей пришлось просеивать муку, взбивать яйца и вообще быть на подхвате.

– Давай, меси хорошенько! – командовала бабушка. – Не ленись, тесто этого не любит! Вымешивай, пока само от рук отставать не будет!

Тесто пузырилось, дышало, пыхтело. Ляльке тоже дали кусочек, и она что-то лепила из него, сосредоточенно сложив губы трубочкой.

– Всё, молодец! Накрываем полотенцем и ставим сюда, на солнышко. Теперь начинка. Илья с картошкой любит, а ты с чем хочешь? – Ножик в руках у бабушки поблёскивал, как серебристая рыбка, очки на носу сверкали, картофелины одна за другой плюхались в воду.

– С яблоками, – буркнула Варя.

– Тогда лезь в погреб, доставай.

В погребе оказалось прохладно и тихо, пахло непонятно чем, но вкусно. Крутобокие яблоки лежали в ящике, зарывшись в солому, и словно подмигивали оттуда. Варя отобрала самые румяные и неохотно выбралась наверх. Вот бы здесь и остаться, пока мама не приедет. Ни бабушки с её вечными понуканиями, ни приставучей Ляльки...

В кухне всё кипело: дела и кастрюли. Бабушка закипала тоже.

– Где ты бродишь, Варюша? Тесто перестоит! Давай в четыре руки яблоки чистить, время поджидает.

– А я не умею! – огрызнулась Варя.

– Сейчас научу! – заявила бабушка. – Смотри, берёшь вот так...

Варя едва не порезалась, но потом дело пошло на лад. Правда, пока она очистила два яблока, бабушка управилась с десятью.

Нет, дома куда лучше! Там готовила няня Оксана, которая всегда говорила: «Не трогай! Не лезь! Не мешай, времени мало!» А мама иногда заказывала еду на дом. Курьер привозил коробки, и можно было принюхиваться и гадать, что же там такое...

– Ба, а можно пиццу сделать?

– Конечно! Что же ты раньше не сказала? Ну, в следующий раз испечём какую захочешь.

– «Маргариту»!

– Я в них не очень разбираюсь. Какую скажешь, такую и сделаем.

Мысль о пицце помогала переносить сыплющиеся распоряжения: достать, помыть, смешать, добавить...

Лялька пролепетала что-то по-своему и показала бабушке вылепленную из теста фрика-зябру.

– Ну-ка, ну-ка... – Бабушка поправила очки и присмотрелась. – Молодец, Лялюша!

Несколько движений вилкой, воткнутая в тесто изюмина – и фриказябра превратилась в весёлую птичку. Глаза у Ляльки загорелись. Она не отводила глаз от фигурки и тихо повизгивала – наверно, от восторга.

– Птич-ка! – с нажимом произнесла бабушка. – Птичка! – И сунула Ляльке обмакнутую во взбитое яйцо кисточку. – Мажь давай, чтобы она была красивая. Вот так...

Пирог получились румяные и даже на вид вкусные. Тот, что с яблоками, бабушка посыпала коричневым порошком, и в кухне запахло счастьем. Варя нюхала-нюхала и не могла надышаться.

– Баб, а что это такое, коричневое? Какао?

– Нет, корица. Яблоки её любят. Чувствуешь, как пахнет?

– Ещё бы!

Лялька не выпускала из рук свою птичку – золотистую от печного жара, с чёрным глазом-изюминой – и никак не решалась откусить кусочек.

Когда ураган в кухне стих, обед был съеден, а Лялька уложена на дневной сон, бабушка заявила:

– Я пошла тоже отдохну, потом наведу марафет. Варюша, у тебя личное время!

– Это как? – сердито спросила Варя.

– Делай что хочешь, только не шуми. Почитай, поиграй во что-нибудь, только тихо.

Дверь в бабушкину комнату захлопнулась.

Легко сказать «поиграй»! А что за игра без компьютера? Ни в

«Цветочную сказку», ни в «Школу монстров» не получится. Тоска зелёная...

С горя пришлось почитать про отважную Ксюшу Бубликову и её очередное расследование. За книжкой незаметно уснулось.

– Девчонки, подъём! Просыпайтесь, а то ночью спать плохо будете!

Бабушка принарядилась: надела туфли на каблучках и голубое платье. На шее серебряная цепочка с подвеской – выточенной из зелёного камня лягушкой. Глаза у лягушки круглые, чёрные, с золотым ободком, а по спинке сложный узор из пятнышек...

– Ой, какая у тебя лягушка красивая!

– Да я и сама ничего! – сверкнула очками бабушка. – Если нравится, потом дам поносить, только аккуратно. Договорились?

– Ага!

– А сейчас ты идёшь читать Ляле!

– Ага... – повторила Варя упавшим голосом.

А ведь она так надеялась, что бабушка забудет!

Вредная мелочь при виде книжки разулыба-лась до ушей, схватила куклу и побежала на плетёный диванчик. Следом пришёл кот Василий и тоже слушал про Буратино, лису Алису и кота Базилио, пока бабушка не крикнула из кухни:

– Девчонки, полдничать!

Электрический самовар закипал, когда в дверь постучали.

– Заходите, открыто! – отозвалась бабушка. Дверь распахнулась, в неё протиснулся кто-то огромный, и в кухне сразу стало тесно.

Лялька тихо пискнула и ухватилась за бабушкин подол, сжимая в другой руке поджаристую птичку.

– Вечер добрый, хозяйюшка! – прогудело сверху.

– Здравствуй, здравствуй, Илюша! Посмотри, какие у меня гости нынче!

– Где? А-а-а... И вам поздорову, девоньки!

Илья оказался огромным. Голова в седых кудрях подпирала потолок, плечи едва помещались в выгоревшей клетчатой рубаше. Седая борода спадала на широченную грудь, а глаза под нависшими бровями были пронзительно-синие, почти как у бабушки.

– Проходи, Илюшенька! Знакомься, внучки мои: Варя и Ляля.

Большущая ладонь Ильи опустилась на Лялькину голову, ласково погладила по волосам. Варя попыталась увернуться, но не получилось.

Ладонь Ильи пахла чем-то знакомым, вкусным. Варя втихомолку принялась... Мёдом!

Тут из бороды у гостя вылезла пчела, сердито зажужжала и улетела в окно.

– Садись, Илюша, пироги остывают! – хлопотала бабушка. – Рассказывай, как дела? Куда ульи отвёз?

– На речку Смородину, – прогудел Илья. – Там, у Калинова моста и оставил.

Бабушка остро взглянула из-за очков, но промолчала.

– Вот, за одежей приехал, да в баню сходить, – продолжал Илья.

Тут в дверь заскреблись.

– Открой, Варюша! – Бабушка накладывала Илье на тарелку щедрые ломти пирогов.

За дверью оказался Снежок: громадный, мохнатый и смущённый.

– На кого дом оставил? – сердито спросил Илья.

– Не брани ты его, – вступилась бабушка. – Соскучился пёс. Пусть с нами посидит. Если кто недобрый вдруг забредёт, так он сразу учует – правда, Снежок?

– Ладно уж, – подытожил Илья. – Слово хозяйки – закон. Оставайся.

Снежок благодарно постучал хвостом по полу и улёгся у двери.

– Ох, забыл! Сходи, принеси – там в сенях оставил. Живо, одна лапа здесь, другая там!

Белый пёс исчез за дверью и вскоре появился со старой клеёнчатой сумкой в зубах.

– Молодец, умница! – Илья вынул из сумки огромную банку с мёдом. – Вот, гостинца привёз. Свежий, майский. Угощайтесь на доброе здоровье.

– Спасибо, Илюша, – расцвела улыбкой бабушка. – Как раз вовремя.

Мёд тут же оказался на столе: в расписной глиняной плошке и маленьких тарелочках, которые здесь назывались странным словом «розетки». Лялька уже запустила туда ложку.

– Ешьте, девоньки! Майский мёд от ста болезней лечит!

– Спасибо! – пробормотала Варя. – А вот это что такое?

– Соты! Не видала никогда, что ли? Вот так: на кусочки и в рот...

Есть соты оказалось очень интересно. Пирог с яблоками получился отличный. Варя наворачивала за обе щеки и краем уха слушала, о чём говорят взрослые.

– Как там на речке, Илюша? Спокойно?

– Когда как. Алёша приглядит и за мостом, и за пчёлками. Я ненадолго сюда. На пару дней, да и обратно. А пироги у тебя на славу!

– Это мне Варя помогала!

– Вся в тебя девчонка!

– Думаешь? А мне иначе кажется. Ты на малую посмотри как следует. И глаза вроде мои...

Варя взглянула на сестру. Лялька как Лялька. Уже успела перемазаться в варенье...

– А остальные наши где, Василисушка?

– Разъехались. Марья на соревнованиях. Финист на съёмках... Потом расскажу.

Финист? Что-то такое Варя слышала. Давно... А сейчас ничего не вспоминалось. После трёх огромных ломтей пирога тянуло в сон, голова делалась тяжелее и тяжелее.

– А что, может, споём, хозяйка? А?

– И споём, и спляшем! – Бабушка выскочила из-за стола, притопнула и подбоченилась.

Илья развернулся вместе со стулом, встал по-медвежьки, слегка сутулясь. И вдруг выбил каблуками такую дробь, что в кухне словно огонь вспыхнул.

Вечер кипит, как чайник, наполняется радостью до краёв, словно расписная плошка – мёдом.

– Ой, товарищи, держите вы меня! – звонко выводит бабушка.

– Я от радости займусь, как от огня! – гремит бас Илья.

– Не осиною в сыром бору...

– А соломою да на ветру! Эх-х-х-х!

Лялька радостно визжит и барабанит по столу, переключаясь с

бабушкиными каблучками.

Илья охлопывает себя по груди, по плечам – так, что рук почти не видно, – и выстукивает ногами такое, что невозможно удержаться на месте.

Бабушка с Ильёй сидят обнявшись, подперев головы, и поют. Вернее, поёт бабушка, Илья только гудит, не открывая рта, – словно ветер над степью ревет, а ей ни конца, ни краю... Цокают в песне копыта, свистят стрелы, кличет неведомо кого Див^[1] – так, что сердце замирает.

– Смотри, Васили сушка, дитё уже спит.

«Ничего я не сплю!» – хотела сказать Варя, но не смогла: заснула.

– Бабушка, а как тебя вчера Илья называл? Я не расслышала, – спросила Варя, доедая за завтраком творожную запеканку.

– По имени, как же ещё.

И тут Варя поняла, что не знает, как зовут её собственную бабушку. Стыдно стало так, что уши загорелись.

– И как же тебя зовут? – еле выговорила Варя.

– Василисой величают, – в бабушкином голосе не было обиды. Только... разочарование, что ли?

Тут Лялька очень вовремя облилась киселём и разревелась. Бабушка повела её в ванную, а Варя сбежала под шумок – всё обдумать.

У всех бабушки как бабушки. У Маши – бабушка Женя, у Сони Воеводиной – Ангелина Ивановна, у Кристины – баба Вера. У неё, Вари, – бабушка Жанна. А тут нате вам – Василиса... Девчонки узнают – засмеют. У Аньки из соседнего подъезда кошку зовут Василисой. Красивая кошка: серая, пушистая – британка. Для кошки имя в самый раз, а вот для бабушки... Ну почему всё так нелепо складывается?

Внезапно Варя вспомнила, что осенью пойдёт совсем в другую школу: в сказочном городе Сингапуре. И никто ничего не узнает, если не проболтаться. Надо держать язык за зубами, вот и всё!

Бабушка отзанималась с Лялькой и ушла возиться в саду. Варя собралась позагорать на веранде...

И тут где-то в доме заиграла труба.

Невидимый трубач выводил одну и ту же короткую мелодию, повторяя её всё громче и громче. Труба звала, и Варя бросилась на зов.

На подоконнике в бабушкиной спальне рядом с перчаткой лежал, вибрировал, надрывался серебристый мобильник. Варя схватила его, и мелодия оборвалась. На дисплее появился значок: «пропущенный вызов».

Значит, бабушка врала. Связь в деревне есть. Всё это время можно было

общаться с подружками, с мамой...

Обида душила Варю, в носу пощипывало от подступающих слёз.

Что же делать?

Отнести мобильник бабушке! И пусть ей будет стыдно!

Бабушка оказалась среди своих любимых роз. Было слышно её тихое бормотание:

– А ты чего чахнешь? Крот подрыл? А сказать слабо? Давно бы его выгнали, уже зацвела бы...

– Тебе звонили, баб, – сказала Варя самым безразличным голосом, каким только могла, и протянула мобильник.

Бабушка не смутилась и не поблагодарила. Ткнула в кнопку вызова и сказала:

– Слушаю!

С каждым словом невидимого собеседника бабушкины глаза зеленели и зеленели.

– Выезжаем! Держитесь! Сами не суйтесь, понятно? Скоро будем! – прокричала она в телефон и бросилась бежать, срывая на бегу рабочие перчатки. Варя кинулась следом.

Бабушка отшвырнула перчатки и скрылась во дворе деда Ильи. Через минуту забор рухнул, и на улицу с рёвом вылетел чёрный внедорожник. За рулём был Илья, и он совсем не походил на себя вчерашнего. Такого Илью испугался бы кто угодно, а не только Варя. Бабушка сидела рядом с ним, на переднем сиденье.

– За Лялькой присмотри! – крикнула бабушка, и машина исчезла за поворотом.

Оказывается, Варя успела подобрать бабушкины перчатки. Она так и стояла, прижимая их к груди, когда к ней подошла Лялька – как всегда, с неразлучной куклой.

– Пойдём. – Варя взяла сестрёнку за руку. – Пойдём, почитаем.

Они дочитали «Буратино». Кот Василий сидел рядом и слушал. Потом Варя накормила Ляльку тем, что нашлось в холодильнике, и уложила спать. Посидела рядом, пока та не уснула, и стала бродить по дому, нигде не находя себе места.

Куда и почему уехали бабушка с Ильёй? Когда они вернуться? Что вообще происходит?

Изнывая от беспокойства, Варя забрела в бабушкину спальню, но перебирать баночки и флаконы не хотелось, почему-то было неудобно. Попробовала окинуть комнату пронизательным взглядом Ксюши Бубликовой – не получилось. И без этого видно, что вышитое небо на картине плотно затянуло тучами. Море покрыто барашками волн, а у самого прибоя сидит нахохленная мрачная чайка.

Варя осторожно прикрыла за собой дверь и потащилась в сад: поесть малины.

Успокоиться не помогли ни малина, ни мороженое. Тогда Варя направилась в комнату с книжными шкафами.

Бабушкины лягушки смотрели на неё из-за стеклянной дверцы, словно из аквариума. Под их неотступными взглядами Варя открыла крайний справа шкаф, достала книжку с человеко-конём на обложке и отправилась на веранду.

Тезей привязал нить у дверей лабиринта и пошёл в темноту, к Минотавру. Афинские девушки и юноши шагали следом, взявшись за руки...

Хлопнула калитка, и на ведущей к дому дорожке появилась бабушка. Она еле держалась на ногах, и Варя побежала ей навстречу.

– Ба-а-аб!

– Вот и я, Варюша. Как вы тут без меня?

– Нормально.

Из зарослей сирени появился кот Василий. Потёрся о бабушкины рабочие джинсы и пошёл к дому вместе с хозяйкой.

– Ты как, ба?

– Всё хорошо.

– А дед Илья?

– Тоже. Всё обошлось, Варюша. Устала я, полежу сегодня.

– Хорошо, баб. Я всё сделаю, не беспокойся.

Ничего сложного делать не пришлось, но работы оказалось много. Отнести бабушке в спальню чай, накормить ужином Ляльку, прочитать ей про Винни-Пуха. Положить Снежку полный тазик каши с мясом, вымыть посуду...

Тут на кухню пришёл кот Василий и молча уселся у своей миски. Потом подошёл к холодильнику, царапнул дверцу и отрывисто мявкнул.

Хорошо, что кошачья еда в приметной кастрюле: белой, с

подсолнухами. С Василием шутки плохи, это Варя давно поняла.

Утром бабушка была в порядке. Синие глаза за стёклами очков, футболка с нарисованной совой. И, конечно же, джинсы.

Вот только говорила она, срываясь на хриплый шёпот.

– Молодец, Варюша. Всё в порядке, все живы-здоровы, накормлены, ухожены. Спасибо, помощница ты моя!

– Да ладно, баб, ничего сложного... Ты что, простыла?

– Нет, голос сорвала. Много кричать пришлось.

– А почему кричать? Он что, глухой – ну этот, с кем ты там разговаривала?

– Нет, не глухой. Просто... огромный. Высокий очень.

– А куда вы ездили? – не выдержала Варя.

– На работу.

– Ты же на пенсии!

– Ну да. Вызывают иногда, если случай сложный.

– А кем ты работаешь, ба?

– Переговорщиком. Только не работаю, а служу.

Ух ты! Здорово! Интересно!

– А где?

– В Рубежной... короче, в пограничной страже, – неохотно ответила бабушка.

– В пограничниках, да? Это те, которые в зелёных фуражках и с собаками?

– Не совсем.

– А переговорщик – это кто?

– Человек, который с кем угодно говорить умеет и своего добивается не силой, а умом. Ну, ещё языки знать надо. Вчера вот греческий понадобился.

– А ты греческий знаешь, да? Скажи что-нибудь!

Короткая фраза прозвучала певуче и непонятно.

– А что это значит, баб?

– Что всё хорошо, и пора заниматься делами, – в бабушкином голосе прозвучали знакомые нотки, означающие, что разговор закончен. – Расскажи, что вы вчера читали с Лялей?

– «Винни-Пуха», – обиженно ответила Варя. – А я читала про Тезея с Минотавром, вот.

– Умница! – Бабушка явно обрадовалась. – Потом расскажешь мне, хорошо? Давно я это не перечитывала.

– Баб, а давай маме позвоним?

– Не получится, Варюша. Это у меня рабочий телефон. Там только один канал связи.

– Корпоративный номер? – огорчилась Варя.

– Ну... в общем да. Лялюша, пошли читать!

Лялька вприпрыжку понеслась на веранду – кукла под мышкой.

Только Варя сгрузила посуду в раковину, как с улицы донёлся страшный грохот. Это дед Илья чинил забор: таскал на себе огромные металлические листы и ставил их на место. Надо будет ещё и его расспросить. Ксюша Бубликова так бы и сделала...

Тут пришла бабушка – сердитая и расстроенная.

– Варюша, выручай. Посуду вымою я, а ты почитай Ляльке, – сказала она еле слышным шёпотом. – Совсем голос пропал. Молчать надо, тогда быстрее восстановится.

Бабушка вынула из кухонного шкафчика яркую аптечную упаковку и забросила в рот леденец от кашля – оранжевый, словно камешек на Вариной шее.

«Винни-Пух» кончился, и Варя выбрала для Ляльки книжку с картинками поярче.

Втроем с куклой устроились на плетёном диванчике и принялись читать про Ивана-царевича и Серого Волка. За окном бабушка набирает какой-то текст на своём ноутбуке – только пальцы мелькают. Время от времени встаёт, прохаживается по комнате и вновь принимается за работу. Вот бабушка сняла очки, принялась задумчиво покусывать дужку...

И превратилась в молодую красавицу.

Тяжёлая русая коса до колен. Огромные зелёные глаза под чёрными бровями. Шёлк сарафана переливается синим и зелёным, как павлинье перо. Жемчужное ожерелье в несколько рядов. Высокий зубчатый венец усыпан жемчугом и разноцветными камнями.

Онемевшая от удивления Варя поморгала, но ничего не изменилось. Молодая прекрасная бабушка стояла, покусывая губы, в сиянии шёлка, камней, жемчугов, с очками в руке – и что-то обдумывала. Вот она сдвинула брови, одним движением надела очки...

И стала прежней: седой, коротко подстриженной, в джинсах и футболке.

Бабушка уже стучала по клавишам ноутбука, а Варя никак не могла прийти в себя. Лялька дёргала её за руку: требовала читать дальше. Царевна Елена Прекрасная на картинке была очень похожа на бабушку.

При первой возможности Варя сбежала в малинник: успокоиться и подумать. Что бы сделала на её месте Ксюша Бубликова?

А кто же знает. С Ксюшей ничего такого не случилось. Варе и самой не верилось в произошедшее. Может, это всё померещилось?

Но в глубине души Варя твёрдо знала: не померещилось.

Бабушка с Ильёй явно что-то замышляли. Сидели на кухне, пили чай, перешёптывались.

Потом вышли во двор, бродили перед домом, измеряли расстояние между сиренью и розами: сначала шагами, потом рулеткой. Спорили – вполголоса, но жарко.

На расспросы бабушка не отвечала, только хитро улыбалась.

Дед Илья уехал на своём чёрном внедорожнике и вернулся только на следующий день, затемно. А наутро во двор всплыло что-то огромное, голубое, похожее на кита. Илья нёс это огромное на спине, и его не было видно – только звучал гулкий бас, как из бочки:

– Сюда ставить, Василисушка?

– Майна! – у бабушки наконец прорезался голос. – Сюда, сюда, Илюша!

Илья опустил ношу и вытер лоб рукавом.

Это оказался бассейн – настоящий бассейн, как у Насти Пономарёвой на даче.

Илья принёс лопату, надел рукавицы и принялся копать. Рыл он, словно экскаватор. Вроде только что голубая китовая туша лежала на земле, и вот уже всплыла в яму, а бабушка разматывает шланг...

– Баб, вот здорово! А почему вдруг бассейн?

– Потому что скоро у кого-то день рождения!

– У кого... – начала было Варя и умолкла.

Конечно! У Ляльки день рождения, у кого же ещё! И опять всё вертится вокруг этой вредной мелочи!

Настроение сразу испортилось.

Дед Илья принёс целую грудю пакетов и коробок. Что там, интересно?

Варя надулась и пошла в малинник.

К вечеру вода в бассейне прогрелась, и Лялька бултыхалась в нём среди игрушек. Весёлая черепаха, кораблик с парусом, глазастая рыба... Лялька в красном надувном жилете прыгала к ним с бортика так, что только волны кругами расходились да вода выплёскивалась наружу.

– Баб, а почему вы сейчас бассейн поставили? День рождения ведь только через неделю!

– Да потому что не надо радость на завтра откладывать, – ответила бабушка. – Понятно?

– Угу...

– А сюрпризы тоже будут, как же без них. Вот увидишь.

Сюрпризы начались на следующий день. На калитке появился отпечаток чьей-то ладони, выжженный на крашеном дереве. Плитки садовой дорожки оказались утоплены в землю, словно по ним широкими шагами прошёл кто-то невероятно тяжёлый. А на самих плитках остались царапины. На земле рядом с дорожкой обнаружился глубокий след остроносого сапога. Кот Василий, поставив шерсть дыбом, обнюхивал дорожку. Потом скачками понёсся к дому, а когда через минуту вернулся, то за ним шла бабушка.

– Что, Вася? Что ты там нашёл?..

Бабушка не договорила. Увидела след, присела на корточки, рассмотрела как следует дорожку и сказала:

– Та-а-ак... Понятно.

Глаза у неё совершенно позеленели.

– Что понятно, баб?

– Что нам с Ильёй надо посидеть, посоветоваться и подумать.

– О чём подумать, баб?

– О серьёзных вещах.

– О каких, баб?

– Любопытной Варваре нос оторвали! – отрезала бабушка.

Варя чуть не взорвалась от злости.

Тайны! Секреты! Ей, Варе, между прочим, уже десять лет! А бабушка только и знает, что поучать, отмалчиваться и читать мораль!

Варя отправилась в малинник – страдать. Только вошла во вкус малины и страданий, и вот пожалуйста, уже зовут.

– Варя-а-а-а! Варюша-а-а-а! Иди сюда-а-а-а! Варюша-а-а-а! Где ты та-а-ам! – звала бабушка.

Варя не спеша брела на зов и злилась: на бабушку, на Ляльку и на весь белый свет в придачу.

– Мы с Ильёй посидим, посоветуемся. Может, свяжемся кое с кем. Присмотри за Лялькой, хорошо? – голос у бабушки был виноватый, и это рассердило Варю ещё сильнее.

Как праздники, подарки и развлечения, так это мелкой вредине! А как присматривать за этой самой врединей, так сразу Варя!

Илья пришёл вместе со Снежком. Пёс улёгся поперёк калитки, а Илья протопал по дорожке к дому. Увидел следы, покрутил головой и крикнул, став мрачнее тучи. Они с бабушкой засели в комнате с книжными шкафами. Варя попробовала подслушать под дверь, но ничего не услышала. Пришлось тащиться к Ляльке, смотреть, как она складывает башню из кубиков.

Варю так и распирало от обиды и злости. Обидно было и то, что мелкая вредина с утра напялила футболку с драконом – ту самую, папину, сингапурскую. А у Вари ни дракона, ни футболки...

Потом пошёл дождь: мелкий, настырный, противный. Из окна потянуло сыростью и холодом. Пришлось идти на веранду за толстовкой. Тут же вслед прибежала Лялька – с неразлучной куклой и в любимой Вариной бейсболке: красной, с вышитой чёрной кошкой.

– А ну, отдай! Тебе кто позволил это брать? – Варя отобрала бейсболку и нахлобучила её себе на голову. – Всё, брысь отсюда! Достала ты меня, понятно?

Лялька надула губы, но тут же заулыбалась и убежала. Через минуту вернулась с флакончиком «Радужных пузырей» и принялась совать его сестре в руки. Ясно, хочет пускать пузыри, а сама крышку открыть не может...

– Дай сюда! – Варя отобрала флакончик и сунула его в карман толстовки. – Всё, нету его, поняла? Иди, займись чем-нибудь! Кыш!

Малявка не уходила. Стояла набычившись, прижимая куклу к себе.

– Дай! Вая, дай! – вдруг выговорила Лялька.

– Иди отсюда! – закричала Варя и выхватила куклу. – Пошла ты на все четыре стороны! Сгинь!

На мокрой веранде закрутился вихрь, и в этом вихре исчезла Лялька.

Варя ахнула, бросилась вслед, и холодный ветер унёс прочь и её, и куклу.

Часть вторая

Бабушкина внучка

Баба-яга сидела на крылечке и печалилась.

Мышей сушёных почти не осталось. Мухоморы нынче не уродились, поганок днём с огнём не сыщешь. Одна надежда на ягош: глазастые, вечно голодные, авось что и найдут. А не найдут, так и голодными посидят – в первый раз, что ли?

Чему бы ещё огорчиться? О чём поволноваться? Вот курьи ножки у избушки того гляди захромают. Пока вроде здоровые, голенастые да жилистые, но ведь могут захромать? Могут! Значит, можно погоревать – всё равно пока делать нечего... Не грязь же из избушки выметать! Какой в этом прок? Ягоши придут, опять грязи натащат! Потом можно будет окно и дверь настезь открыть, сквозняком её и вытянет. Но это когда-нибудь после. А сейчас можно сидеть и тревожиться...

Или лучше помечтать? Как вырастут ягоши большими да сильными, возьмут да завоюют для неё, для Бабы-яги, всё вокруг: и Навь, и Явь! А там, глядишь, и до Прави^[2] дело дойдёт! Ух, здорово будет, славно! Плохо ли быть всему свету повелительницей? А тогда всё всем припомнить: все обиды, каждое лыко в строку пойдёт! Никому мало не покажется!

– Здорово, старая! Как живётся-можется? – На крылечко бесшумно слетел огромный филин. Глянул жёлтым глазом и заухал так, что в елях отозвалось эхо.

– Здорово, Филимон! Сижу вот, дармоедов своих поджидаю. А тут ещё один невесть откуда...

– Это кто?

– Да ты! Не узнал себя – так вот, погляди на дармоеда! – Баба-яга выхватила из лохмотьев зеркальце. – Не узнаёшь? А?! Когда ты мне последний раз вести приносил?

– А что толку их приносить? От тебя же слова доброго не услышишь! Только и слышно: пустоболт, лгунишка, пентюх желтоглазый!

Баба-яга подбоченилась.

– Добрые слова в одно ухо влетают, из другого вылетают! А злые глубоко оседают, да долго помнятся! Мне вот бабенка Яга Ягишна как

сказала: «Злюка ты, Ягуся, никто тебя такую не полюбит!», так до сих пор и помню.

– Так и Ягишна небось злоюкой была...

– А как же! Я вся в неё!

Филин взмахнул крылом и выбил у Бабы-яги зеркальце.

– Разбилось! Чтоб тебе лопнуть, увалень! Ну-ка, ну-ка... Это что у тебя такое? – Баба-яга хищно прищурилась и сграбастала мышь, что была в когтях у филина. – Вот и ладно, хороший гость без гостинца не ходит.

– Чтоб он тебе поперёк горла встал, карга ты старая!

Филин взмыл над крышей и крикнул, улетаая:

– Беда идёт, бабка! Большая беда, лихо неминуемое!

– Подавись ты этими словами, умник!

– Умник и есть, так что не обессудь: сама с бедой справляйся, без меня!

Баба-яга запустила в филина шишкой.

Вот горе-то! Где теперь другое зеркальце взять!

Варя открыла глаза, села и осмотрелась.

Вокруг стеной стоит лес. Огромные еловые лапы смыкаются, земля усыпана хвоей. Кое-где виднеются разноцветные шляпки грибов – сыроежек, что ли? Колючие кусты усыпаны алыми ягодами. Знать бы, как они называются...

Варя потянулась за ягодой.

– Не смей! – взвизгнул тоненький голосок. – Руки убери, дурафья скудоумная!

Под кустом оказалась кукла – та самая, бабушкина. Стояла подбоченясь и сверкала зелёными пуговицами глаз.

– Ой... – только и могла сказать Варя.

– Ты мне поойкай ещё, поойкай! Слушай, что тебе говорят, да помалкивай!

– А ты почему разговариваешь? Куклам разговаривать не положено.

– Это мне не положено? – разъярилась кукла. – Здесь – положено! Здесь тебе не там! Хватит, намолчалась! Отведу теперь душеньку, на сто лет вперёд наговорюсь!

Варя села и обхватила себя за прижатые к груди коленки, чтобы не так бояться.

– Ох и зла же я на тебя, ох и зла! – пищала кукла. – Всё, всё выскажу, что накопело! Ты чего дитё обидела?

– А что она пристаёт? – угрюмо ответила Варя. – Ни минуты покоя от неё нет.

– Дитё – оно и есть дитё! Понимать надо! А сейчас вот сколько бед из-за тебя нажили! Пошли малую выручать, да пошустрее!

– Слушай. – Варя поднялась на ноги, отряхнула от хвои шорты. – Ты вообще кто? Как тебя зовут?

– Зовут зовуткой, величают уткой! – огрызнулась кукла. – Что, не видишь, что ли? Кукла я! А зовусь Васькой!

– Ты что, это же котов да мальчишек так зовут!

– Пусть кто как хочет называется, а я Васька! Вот и весь сказ!

Варя прикусила язык. Кукла хоть и трещит без умолку, но вроде что-то сообщает. И Ляльку надо искать, а вдвоём легче будет...

– Васька, а где мы с тобой?

– В Заречье, – кукла заговорила тише и огляделась по сторонам. – Тут ухо остро держать надо, здесь тебе не там!

– Это что, деревня так называется?

– Сама ты деревня! – взвилась Васька. – По-настоящему это Навь, – сказала она шёпотом, – да только таких слов лучше не говорить. Заречье – это на другом берегу реки Смородины, поняла?

– Поняла. А где эта река?

– Между Явью и Навью... Ох, опять! Между Явью и Заречьем. Сюда из Яви редко кто попадает, а возвращается ещё реже.

– А Явь – это где?

– Это – там! Ой, не зли меня, кулёма! Что ж ты такая межеумная? Явь – это где солнце по небу ходит! Где дом наш в Дружинине! А здесь тебе не там!

– Да что ты заладила одно и то же? Слышала уже, знаю!

– А вот и не всё ты знаешь! Слушай да запомни накрепко: если домой вернуться хочешь, здесь ничего не ешь и не пей. Имени своего никому не сказывай. И никогда – слышишь, никогда! – не оглядывайся.

– Васька, а откуда ты всё это знаешь?

– Умная, вот и знаю! Я не какая-нибудь такая – с умом сделана! В меня изюминка, перчинка да орех замотаны! Вот такая я и есть: с перчинкой да с изюминкой!

– А орех зачем?

– Для ума! Грецкий он, на мозги похож – вот он у меня, в голове! – Кукла постучала себя по лбу. – Целый орех, в скорлупе! Так что крепкий я орешек! Пошли! Давай, шевели ходилами! Айда за мной!

Варя плелась за куклой, на ходу пытаюсь понять, что же произошло.

Лялька непонятно как оказалась здесь, в Заречье. Без неё домой возвращаться нельзя: как тогда смотреть в глаза бабушке и маме? А что скажет папа, узнав, что пропала его младшая дочь? И как вообще жить дальше?

Еловые лапы нехотя пропускают вперёд и сразу смыкаются за спиной. Кое-где сквозь плотный слой хвои пробиваются шляпки грибов. Васькин подол шуршит на ходу. Что делать? Как найти Ляльку? Сколько можно продержаться без воды и еды?

С дерева неслышно сорвалась большая птица и улетела прочь. Только вздрогнула и уронила пару листьев тоненькая осинка.

– Стой! – прошипела кукла. – Слышишь?

Неподалёку перекликались, аукали чьи-то голоса.

– Слышу.

– А раз слышишь, прячься быстрее! Бежим, вон там чапыжник – видишь?

Кукольная ручка в пышном рукаве указывала на густые, ошетиленные колючками заросли. Голоса приближались, и Варя бросилась бежать, подхватив куклу.

– Дальше лезь! – командовала Васька. – Не ленись, целее будем! Лишних глаз нам не надобно... Ой!

– Ты что?

– Нишкни!

– Как это?

– Цыц! Молчи! – Кукла больно ущипнула Варю.

Из-за деревьев показались не то люди, не то... непонятно кто! Трое ребят, вроде бы Вариных ровесников. Все в одинаковых серых рубахах до колен. Щуплые, тощие. До того грязные, что все кажутся на одно лицо: не отличить мальчишек от девчонок. Волосы сбиты в колтуны, полные лесного мусора. У каждого палка и корзинка с грибами. Только зачем они, дурачки, мухоморов набрали?

Троица пошла мимо, заглядывая под кусты, вороша хвою палками.

– Кто это? – спросила Варя, когда серые скрылись за деревьями.

– Ягоши это. Пошли следом, они нас куда надо выведут. – Васька полезла прочь из колючей чащи. – Айда за мной!

– Ты можешь объяснить, что к чему? А то никуда не пойду!

– Не пойдёшь – сестру навек потеряешь! – отрубила кукла. – Подбери меня, а то за тобой, балдой долговязой, не угнаться. По дороге расскажу.

Варя подхватила куклу, и та ловко залезла в капюшон толстовки.

– Вон они, смотри! Грибное место нашли! Пока его не оберут, дальше не двинутся. Пошли под тот выворотень, там пересидим.

– А что такое... – начала было Варя и прикусила язык.

Выворотнем оказалось огромное старое дерево. Давным-давно буря выкорчевала его из земли. С тех пор оно так и лежало, растопырив корни во все стороны. Корни заплело-затянуло буйной зеленью, вокруг разросся кустарник. Как раз отсидеться можно...

– Лезь сюда! – распорядилась Васька. – Пока они там свою дрянь собирают, слушай.

Ягоши у Бабы-яги живут. Они у неё и ученики, и работники. Свой ум у них есть, да спит, глубоко спрятан. Что им Баба-яга скажет, то они и сделают. На глаза им попадаться нельзя – уведут к ней, в избушку на курьих ножках. А вот тишком за ними идти нам в самый раз. Рано или поздно ягоши к Бабе-яге вернуться. Чует моя душенька, Лялька там...

– А кто они такие, ягоши?

– Дети. Обычные дети, – неохотно ответила кукла. – Только родители или там дедушки-бабушки их не любили. Всё стращали: «Никому ты, кроме нас, не нужен!», «Ничего у тебя не получится!», «Никто тебя такого не полюбит!». Ну вот и доболтались. Как в девяносто девятый раз эти слова скажут, так дитё здесь, в Нави... – ох, в Заречье – и окажется. А тут Баба-яга его враз учует и к себе заберёт. Станет он ягошей, будет у Яги жить и учиться...

– Чему учиться?

– Несчастью! Как выучится, так вернётся домой и всех, кто ему в жизни встретится, тоже несчастными сделает.

– А родители что ж – не спохватятся?

– А откуда они узнают? С ними двояшка живёт. Баба-яга сразу с нового ягоши мерку снимает, двояшку делает и домой к новичку отправляет. Дома ничего и не заметят.

Выучится ягоша, придёт и с двояшкой в одно сольётся. Так и будут жить: ни себе ни людям не в радость. Одна Баба-яга будет радоваться, что несчастных на свете прибавилось. Она ж сама несчастная, вот и радуется, что её полку прибыло. Всё чужие несчастья со своими сравнивает, дура старая, перебирает их, как бусины на нитке, помнит их, хранит да копит... Тьфу!

– Что ты всё бранишься да ругаешься, Васька? И что за слова у тебя такие? То кулёма, то дурафья! Вроде и непонятно, а обидно!

– Слова как слова. Книжки больше читай, если домой вернуться исхитрится. А пока слушай и на ус мотай!

– Откуда у меня усы?

– Говорится так, балда ты стоеросовая! Вон ягоши тронулись, давай за ними! Поторапливайся, кулёма! Да тихо, смотри, чтобы ни одна ветка не хрустнула!

Баба-яга мешала в котле половником и злилась. Что бы такого ещё туда подбросить? Отобранная у Филимона мышь давно там – вон хвост из варева торчит... Где проклятые ягоши шляются? Обедать пора!

Заворошился в углу паук Терентий, старинный дружок. Баба-яга тут же вынула у него из паутины пару недоеденных мух и отправила их в котёл. Помешала, попробовала. Маловато для навару... Тараканов подложить, что ли?

– Эй, бабка! – позвали снаружи.

Баба-яга выскочила на крыльцо, как молоденькая.

Вот они, стоят перед избушкой. Задрав головы, смотрят на неё, свою хозяйку: Неряха, Разява, Бестолочь и Разиня. Все одинаковые, как на подбор – любо-дорого посмотреть... А это с ними кто?

– Явились не запылились! Вас только за Смертью посылать! Ну да мы с ней подружки, сама на чашку мухоморного отвара забредёт... А это у вас кто?

– В лесу нашли: брела куда глаза глядят да слёзы вытирала, – доложил Разиня. – Вот только немая она, совсем ничего не говорит. А слышать – вроде слышит.

– Плачет – это хорошо, – осклабилась Баба-яга. – Это даже замечательно! Это я люблю! А ну, заходите, дармоеды! Да смотрите, грибы не рассыпьте!

Бестолочь тут же споткнулся о собственную ногу, шлёпнулся и уронил корзинку. Грибы разлетелись по траве.

– Опять всякой дряни набрал? Белых, подберёзовиков да подосиновиков? Учишь вас, дураков, учишь, а толку нет! Ну-ка, всыпьте ему как следует!

Первым Бестолочь ударил Разиня – как положено жожаку. Прочие не отставали. Молодцы, так и надо...

– Мухоморы подбери, а остальное пусть валяется! – распорядилась Баба-яга.

Бестолочь пополз на четвереньках собирать рассыпанное.

– Почему одни мухоморы берёшь? Всё подбирай, всё! А то чем я вас, проглотов ненасытных, кормить буду? Ну а вы чего уставились? Живо в избушку!

Ягоши, толкаясь, полезли на крыльцо. Лестница под ними визгливо скрипела. Разиня тащил за руку найдёныша.

– А ну, стой! Иди сюда! Тебя как зовут?

Новенькая молчала, только волчком смотрела исподлобья.

– Будешь Фуфыра! – решила Баба-яга. – Ишь какая чистенькая да нарядная... А вот нечего из себя невесть что корчить! Надо быть как все! Эй, Бестолочь! Давай сюда корзинку да займись этой фифой! А то вырядилась...

Бестолочь утёр нос рукавом и принялся мазать новенькую грязью. Не тут-то было: девчонка яростно отбивалась: кусалась, брыкалась, выворачивалась. Справиться с ней удалось только втроём – вместе с Разиней и Раззявой.

– Сойдёт, – кивнула Баба-яга. – Пока хватит. Эх вы, недотыкомки! Ничего путём сделать не можете, всё за вами переделывать приходится... Ну да это потом. А сейчас живо все в избу! Вон уже остальные бегут-торопятся.

Ягоши расселись вокруг стола. Сглатывали голодную слюну, потихоньку переглядывались и перелягивались. Баба-яга взялась покрепче за хват, крикнула от натуги и грохнула на стол котёл с варевом. Достала обгрызенную ложку и оглядела всех по очереди.

– А ну-ка... Ты!

– Сиди, не высовывайся! – выкрикнул Раззява.

– Правильно! – Баба-яга сунула ему в рот ложку варева и тут же наотмашь стукнула его пустой ложкой по лбу.

– Ты!

– Всё равно ничего не получится! – отозвался Неумеха.

– Так! – Ложка исчезла у него во рту, потом звонко впечаталась в лоб.

– Ты!

– Не радуйся – плакать бы не пришлось! – отчеканила Неряха.

– Так! – подтвердила Баба-яга, орудуя ложкой.

Следующей оказалась Фуфыра.

– Никому не верь! – сказала Баба-яга. – Повтори!

Новенькая молчала, угрюмо глядя из-под спутанной чёлки.

– Ты что, и правда немая? Ладно, на первый раз покормлю. Ешь!

Ложка ткнулась новенькой в плотно сжатый рот. Девчонка дёрнула головой и боднула ложку. Похлёбка из мухоморов, мышей и мух выплеснулась на грязную столешницу.

– Ах ты, поганка! – завопила Баба-яга. – А ну, пошла вон! Кыш за печку!

Девчонка скатилась со скамьи и юркнула в тёмный запечный угол – прямо к пауку Терентию.

– Жрать захочешь – сама вылезешь! – буркнула Баба-яга и обвела взглядом ягош.

– Ты! Нет, ты!

Неумеха сник, а Рохля радостно выкрикнула:

– Все люди – сволочи!

«Стук!» – подтвердила ложка.

Варя с куклой сидели в кустах на краю поляны и шёпотом совещались.

– Ты подойди, вызови Бабу-ягу да разговором её займи, – учила Васька. – А я тем временем в окно загляну. Да вежливо говори, слышишь? Тихо, покорно, во всём ей поддакивай. Яга, она послушных любит. Всё запомнила, что сказать надо?

– Ага. Вот только страшновато...

– А ты бояться – бойся, а что надо – делай. Ну, пошли?

– Пошли, – сказала Варя и для храбрости подёргала себя за косу.

– Потом встречаемся во-о-он там, у кривой берёзы!

Избушка и в самом деле оказалась на курьих ногах: крепких, с жёлтыми когтями. Единственное окошко – маленькое, немытое – уставилось на Варю, словно злобный глаз. Стало ещё страшнее – так что живот скрутило.

– Избушка-избушка, – сказала Варя сиплым от страха голосом и

откашлялась, – повернись к лесу задом, а ко мне передом!

Избушка заскрипела и повернулась. Из щелей между брёвнами посыпался мох.

Крыльцо, на нём выдолбленная из бревна ступа. Вот отворилась низкая дверь... А вот и сама хозяйка!

Баба-яга оказалась совсем не страшной. Маленького роста, чумазая, в лохмотьях. На голове повязан грязный платок непонятного цвета. Из-под него торчат седые патлы.

«Прямо бомжиха какая-то...» – мелькнуло в Вариной голове.

– Здравствуй, бабушка! – сказала Варя и поклонилась.

– Здравствуй и ты, девица! По своей воле пришла или поневоле?

– Поневоле, бабушка! Девчонка сбежала, а я её искать послана. Не пробегала она тут?

– Ну пробегала, положим...

– Не у тебя ли она, бабушка?

– А если у меня?

– Отдай мне её, бабушка! Если без неё вернусь, то меня со свету сживут!

– А если она мне самой нужна?

– Да зачем она тебе, бабушка?

– А на всякий случай! Вдруг пригодится.

– Какой от неё толк? Маленькая, вредная, противная...

– Твоя правда, вредная она. Да и упрямая вдобавок... – пробурчала Баба-яга.

– Ну так отдай мне её!

– Так ведь я тоже вредная и упрямая! Вот и посмотрим, кто кого переупрямит!

Варя лихорадочно соображала, как быть дальше. Надо время тянуть, говорила кукла. Окошко с другой стороны, сейчас Васька, наверно, уже прилипла острым носом к стеклу, высматривает Ляльку...

– А зовут тебя как, красавица? – вдруг спросила Баба-яга.

– Ва... – начала Варя и вспомнила Васькино предупреждение.

Пришлось изобразить приступ кашля. – Валя! Валея меня зовут.

– Странное какое имечко... Ну заходи: напою, накормлю.

– Некогда мне, бабушка! Ждут меня, да не одну, а с этой мелкой врединой. Отдай мне её, а? Чего тебе стоит!

– Отдать не отдам, а вот продать, пожалуй, можно... – протянула Баба-яга, прищурясь.

– А что возьмёшь за неё?

– Недорого. Зеркальце вот у меня разбилось, новое нужно. Гребешок куда-то заделался. И ещё яблочек давно я не ела, а хочется. Поняла? Зеркальце, гребешок и яблоко!

– Где же я всё это возьму? – пробормотала ошарашенная Варя.

– А где хочешь!

Баба-яга повернулась на пятках и захлопнула за собой дверь – так что с притолоки свалился кусок мха. Окинула взглядом избушку: пустой котёл стоит у печки, ягоши сбились в клубок на полу и заснули.

Паук Терентий шуршал за печкой. Яга шуганула его веником и принялась сматывать паутину в клубок. Потом достала костяной крючок и начала вязать двояшку. Проголодается Фуфыра, вылезет из-за печки, вот тогда и примерку можно устроить. А пока знай вяжи себе да вяжи...

За окном что-то мягко шлёпнулось – не иначе, опять мох из стены вывалился. Надо будет проконопатить... Всё сама, всё сама, ни от кого помощи не дождёшься!

Варя брела к кривой берёзе и плакала. Что делать? Где взять всё, что потребовала Баба-яга? В магазин здесь не сбегает, да и денег нет... Как быть?

– Глаза-то разуй! – взвизгнули под ногами. – Куда прёшь?

– Васька, это ты?

– Нет, не я! – огрызнулась кукла.

Зелёный Васькин сарафан сверху донизу перемазан в грязи, золе и саже. Рукава из белых стали серыми, лицо в грязных разводах. Только глаза-пуговицы победно сверкают.

– Здесь Лялька, за печкой сидит! Сама видела!

– Значит, Баба-яга правду сказала.

– С ней ухо остро надо держать: у Яги каждое слово с двойным дном, – предостерегла кукла. – Что она ещё говорила?

– Что Лялька вредная и упрямая.

– Значит, не вышло у неё Ляльку накормить! Ура-а-а!

– Зря радуешься. Яга за Ляльку выкуп требует: зеркало, гребешок и яблоко. Где я это всё возьму? – Варя хлюпнула носом.

– Не «я», а «мы»! Возьмём! Сядем, подумаем, решим, а потом добудем! Садись думать!

Варя уселась под кривой берёзой, а кукла пристроилась у неё на коленях.

– Слушай сюда! Где выкуп искать, я знаю, а вот добывать его тебе самой придётся. И смотри, здесь тебе не там...

– Да знаю я, знаю!

- Не перебивай старших! Ужом и жабой придётся вертеться...
- Что, прямо в них превращаться? – с ужасом спросила Варя.
Уж и жаба... бр-р-р-р, гадость какая!
- Нет, это просто так говорится, – успокоила кукла. – То есть к каждому свой подход должен быть. А теперь пошли!
- Куда?
- На кудыкину гору! Там яблоня растёт, как раз нужного сорта. Кто пробовал, говорит, яблоки на ней кислоющие, не отплюёшься...
- А как мы её найдём?
- А мы её и искать не будем! Нам Лешего надо найти. Если с ним поладим, то он нам дорогу укажет. Пошли шустрой!
- Тогда полезай сюда! – Варя подхватила куклу и сунула её в капюшон толстовки. – Сиди там и говори, куда идти!
- Прямо давай! – распорядилась Васька. – Во-он туда, видишь?

Кудыкина гора оказалась невысокой и не очень крутой. Хоть в этом повезло... Бабушка Жанна как-то взяла Варю с собой в поход. Тогда пришлось подниматься по сыпучему склону, цепляясь за что попало. Здесь можно было хвататься за ветки. Колючие, в смоле, еловые ветки – надёжные, как дружеские руки. Только держись крепче и не обращай внимания на уколы и царапины. Лезь вперёд и вверх, не отступай, когда получишь веткой по лицу, – только успевай зажмуриваться...

И тут вдруг склон закончился.

Ноги у Вари сами собой подогнулись, и она шлёпнулась на засыпанную хвоей землю. Васька выпрыгнула из капюшона и осмотрелась.

– Ну, здесь уже недалеко! Пошли, некогда рассиживаться! Леший, он обычно на опушке бродит, лес свой сторожит.

Варя с трудом поднялась и побрела дальше.

Леший сидел на пеньке и подсчитывал убыток.

– Восемь деревьев да по пять белок... Да ещё семь деревьев по три белки... Да ещё белка... А всего будет... Тьфу ты, опять сбился!

Стал загигать пальцы – тоже не помогло.

– По пять белок да восемь деревьев, это будет...

Пальцев не хватало.

– Здравствуй, дедушка! – раздался чей-то звонкий голос.

Леший вздрогнул и окончательно сбился со счёта.

– Здорово и тебе, коли не шутишь! Выходи, где ты там!

Из-за ёлок вышла девчонка в несурзных коротких портках.

– Ты кто? – спросил леший. – Чего здесь ходишь?

– Зовут меня Валея, – ответила девчонка. – А пришла я к тебе помощи просить.

– Ступай своей дорогой, без тебя тошно.

– А что случилось, дедушка?

– Не твоё дело!

– А вдруг я тебе помогу?

– Да чем ты мне поможешь? Разве что... А ну, распотешь меня!

Прогони тоску-печаль!

– Это как? – опешила Варя.

– Ну расскажи что-нибудь! Спляши там, спой...

– Не отказывайся! – шипела Васька из капюшона. – С Лешим ссориться нельзя, обратной дороги не найдём! Пой, да что-нибудь такое, чтобы ему понятно было!

Чтобы Лешему было понятно?

Тут Варю осенило. Она откашлялась и запела про Водяного и его подружек – пиявок да лягушек.

Леший заухал, словно филин, захопал огромными ладонями.

– Во здорово! Точно, живёт, как поганка! Поганка он и есть! Видел, что Боровой в карты ко мне заглядывает, а не сказал! Вот и обыграл он меня, жулик! Ну, с Боровым-то я посчитаюсь, а Водяному эту самую песенку спою. Его ж задразнят потом все: и жабы, и лягушки, и пиявки! Узнает, почём фунт лиха! Вот и не буду с ним водиться! Пусть сам с собой в карты играет на пиявок! А дальше там как поётся?

– А дальше опять про поганку. Да ты подпевай, дедушка!

Леший заухал так, что в лесу отозвалось эхо.

– Здорово-то как! Попомнит меня Водяной! Ещё бы с Боровым поквитаться... Ты только подумай: восемь деревьев да по пять белок, а ещё семь деревьев по три белки, да ещё белка – это ж на сколько белок он меня нагрел!

– Всего на шестьдесят две белки.

– Ты это откуда взяла? А Боровой говорил – сто семнадцать белок-то, – подозрительно спросил Леший.

– Ниоткуда не брала. Просто посчитала.

– Как это?

Пришлось набрать шишек и объяснять. Леший оказался понятливый.

– Вот оно что! Теперь он меня не обсчитает! А то ишь, моду взял меня дурить...

– А во что вы с ним играете, дедушка?

– Да в подкидного дурака, на белок! Они шустрые, им легко туда-сюда бегать. То к нему, то ко мне. Некоторые так и сидят на границе с бором, ленятся. На другое дерево перескочат, вот они уже и у Борового. Или у меня, кто там сегодня выигрывает... Так что тебе за помощь нужна, красавица?

– Бабе-яге яблока захотелось, вот она меня за ним и послала.

– И нашла же ты с кем связаться – с Бабой-ягой! Посиди здесь, а я сбегаяю.

Леший крутанулся на одной ноге и исчез.

– Убёг? – Васька выглянула из капюшона. – Ну и здорово же вы с ним пели! Я чуть животик не надорвала, так смеялась потихоньку. А нам сейчас почти к Водяному в гости: не к нему самому, а к русалке. Они всегда заодно, да и живут рядом. Больше нам нигде гребешка не добыть...

– А как его добывать?

– Вот придём и посмотрим! Послушаем, подумаем, авось чего придумаем.

Рядом возник Леший – как из воздуха сгустился, только смолой и грибами повеяло.

– Вот тебе яблоко, красавица! Заходи ещё, spoём!

– Спасибо, дедушка! – Варя спрятала зелёное, даже на вид кислое яблоко поглубже в карман. – А где Водяного найти?

– Во-о-он туда иди. Видишь тропинку? Она тебя куда надо выведет.

– Не вижу, дедушка.

– Ох, горе с тобой. Вот тебе еловая шишка, да не простая, а катючая. Куда она покатится, туда и ступай. И на что тебе Водяной сдался, жулик окаянный?

– Дело к нему есть.

– Ну раз так... Только ухо остро держи, в песне-то всё правильно поётся. Нечего с Водяным водиться: утопит – недорого возьмёт. Вот и будешь у него в прислугах век коротать.... Эх, жисть моя жестянка, да ну её в боло-о-ото-о-о! Ух-ха-ха-ха-а-а-а!

По всему лесу прижимали уши зайцы, прятались в дупла белки, сворачивались клубком ежи: лесной хозяин опять гуляет.

Быстро шагая вслед за катючей шишкой, Варя старалась не глядеть по сторонам. Как назло в глаза так и лезли красные ягоды в траве – земляника, наверно... В животе было пусто, хотелось пить, а в ухо тарахтела Васька:

– Главное, близко к русалке не подходи! Утопить запросто может. Умат у неё чуть, только на такие шутки и хватает. Они, русалки, побрякушки всякие любят, как сороки. Чтобы блестящие, и чтобы таких ни у кого больше не было. Соберутся вместе и давай одна перед другой хвастаться. Потом переругаются, подерутся, друг другу космы зелёные повыдергивают и расплывутся кто куда. А назавтра уже всё забудут: память у них как у рыб – короткая...

– И что я с ней делать буду, с русалкой? Как разговаривать?

– Языком! С Лешим песни пела, и с русалкой поговоришь! Не дрейфь! Яблоко добыли? Добыли! И всё остальное добудем! Вон уже она, речка.

Варя ощупала яблоко в кармане. Вот оно: гладкое, твёрдое – никуда не делось.

– Васька, а куда эта речка течёт?

– Они все в реку Смородину впадают.

Смородина? Что-то Варя про эту реку слышала, но вспоминать некогда.

– Далеко ещё?

– Пришли! Разуи глаза: вон она сидит, русалка-то! Под ивой!

В книгах и мультиках русалки были красивые. А здесь на берегу непроглядно-чёрного омута под старой ивой сидело существо, ничем на тех русалок не похожее.

У этой, настоящей русалки было зелёное лицо с плоскими рыбьими глазами. Из массы зелёных волос торчал чешуйчатый рыбий хвост. Тонкая рука медленно водила по волосам блестящим гребешком.

– Ты смотри, близко к ней не подходи. Помнишь, что Леший говорил? Она вроде сидит себе и сидит, а потом бросается, как щука на добычу. И Водяной такой же... – шептала Васька. – Русалка любит эти, как их... Во, вспомнила! Compliments! И ещё говорить с ней надо о всяких побрякушках, она их тоже любит. А то и внимания не обратит, хоть на голове стой... Эх, жалко, у тебя ничего такого нет.

Ничего «такого» у Вари и правда не было. Она вспомнила, как высмеивала Алину Макарову, всегда увешанную всякими фенечками, и томную Дашу Потапову, с её вечными разговорами о модах и косметике. Гламурные курицы – так их называли Варя с подружкой Соней

Воеводиной. А сейчас Алинины фенечки ох как пригодились бы. И Дашино умение болтать о тряпках тоже... Как бы говорила с русалкой Даша? Вот её, Варю, Леший называл красавицей. Хоть и ясно, что это не так, а всё равно приятно...

– Здравствуй, красавица! – сказала Варя и улыбнулась изо всех сил.

Русалка молча смерила её взглядом.

– И ты здравствуй, – сказала она равнодушно. – Чего тут бродишь?

– Да вот ищу кое-что...

– Потеряла, что ли?

– Терять не теряла, а хочу найти. Гребешок ищу.

– Гребешок у меня есть, да самой нужен.

– Да уж, с такими волосами без него не обойтись! Роскошные, будто на рекламе шампуня, а цвет какой великолепный!

Про шампунь русалка не поняла, а от всего остального расцвела и заулыбалась, кокетливо скосив глаза.

– Правду говоришь! Без гребешка никак. Вот косоплётками бы ещё разжиться... У тебя лишних нету?

– А это что такое?

– Ленточки это – ну, чтоб косы плести.

– Да ведь ленты давно никто не носит!

– А что ж тогда носят? – жадно спросила русалка.

– Вот! – Варя перекинула через плечо косу и сняла с неё пушистую красную резинку.

– Фу-у-у... – разочарованно протянула русалка. – Да её и не разглядеть. Ленты широкие должны быть да яркие. А бусики есть у тебя? На бусики я бы поменялась, гребешок у меня ещё один имеется....

– Есть бусики, есть! – завопила Васька, выпрыгивая из капюшона, и бросилась к русалке. – Вот смотри, какие красивые! Давай меняться!

Варя не успела ни рта открыть, ни пошевелиться. Русалка мгновенно изогнулась и сцапала Ваську.

– Вот и ладно! Всё моё будет!

Васька визжала и вырывалась, но хватка у русалки была как у бульдога.

– Ты что мне всучить задумала? Негодящие бусики совсем, короткие. А сарафан ничего, хороший. Из него столько косоплётков нарезать можно... И не визжи, мелкая, а то утоплю!

– Выручай! – завопила Васька.

Варя застыла на месте, лихорадочно соображая, что делать.

– Ну и забирай её, подумаешь! У меня кое-что получше есть!

Васька мгновенно умолкла, а русалка озадаченно уставилась на Варю.

– Вот, видала? – Варя вынула из кармана флакончик.

– Ну и что? – в голосе русалки было нетерпение.

– А вот что! – Варя сняла крышку с флакончика и выдула огромный радужный шар. Он поплыл над омутом, переливаясь всеми цветами радуги и отражаясь в чёрной воде. Русалка заверещала от восторга.

– Ещё! Ещё!

Варя выдула гирлянду пузырей и подставила ладонь. Когда набралась полная горсть, подкинула их и поймала самый большой на кончик пальца.

– Видала? У меня есть, а у тебя нет! Только подумай, какие бусики можно сделать!

– Дай сюда! – закричала русалка.

– Ещё чего! Я тебе – это, а ты мне что дашь?

– Забирай свою визгливую!

– Отпусти её, тогда отдам!

Русалка отшвырнула Ваську в траву – только мелькнул зелёный сарафан – и ловко поймала брошенную Варей крышку с петелькой-насадкой. Принялась дуть, раздувая щёки, и заголосила:

– Ничего! Ничего не выходит! Почему-у-у-у?

– По кочану! – Варя покрутила флакончиком. – Без этого ничего не выйдет, поняла?

– Отда-а-а-ай! Обманщица! Утоплю!

– Ты догони сначала, щеголиха хвостатая! – дразнилась Васька. – Ишь, бусики ей мои нехороши... А кто первый начал? Ага, так тебе и надо!

– Отда-а-а-ай! – Русалка разревелась.

– Не отдам, а поменяю, – отрезала Варя.

– На что? – деловито поинтересовалась русалка, вытирая слёзы.

– На гребешок!

– Что-о-о? Ишь какая хитрая! Такого гребешка ни у кого больше нет!

– А бусики хочешь? Таких точно ни у кого нету. Первая красавица будешь!

– Ты ей не верь, – горячилась Васька. – Сама видишь, что это за пройда чешуйчатая!

– Значит так, – сказала Варя. – Ты кладёшь гребешок на ту кочку. Я своё кладу вот здесь, где стою. Считаю до трёх, и бежим – каждая за тем, на что меняемся. Чур, менка без переменки! Согласна?

– Перламутровый гребешок-то... – промямлила русалка.

– Ну как хочешь, я не навязываюсь. Пошли?

– Пошли! – пискнула Васька.

– Согласна я, согласна! – завопила русалка. – Вот смотри, кладу гребешок, видишь?

– Раз! Два! Три!

Плавать с рыбьим хвостом удобно, а на суше он большая обуза. Когда русалка добралась до заветного флакончика, Варя уже скрылась в чаще – с гребешком в кармане и Васькой в капюшоне толстовки.

Катючая шишка не останавливалась. Наконец Варя подхватила её, сунула за пазуху и плюхнулась на землю – отдохнуть. Ноги гудели, хотелось есть и ещё больше – пить. Но первым делом надо было побеседовать с Васькой.

– Вась, а Вась...

– Чего? – мрачно отозвалась кукла.

– Вылезай, поговорить надо.

Васька выпрыгнула из капюшона и потупилась.

– Слушай, Васька, ты на меня не сердись. Не собиралась я тебя бросать. Просто нужно было, чтобы русалка чем-нибудь другим заинтересовалась. А то бы она тебя не отпустила.

– Это ты на меня не сердись, – тихо ответила кукла. – Знала же, что к русалке близко подходить опасно, и вот так опростоволосилась. Думала, отдам ей свои бусы за гребешок, да и дело с концом. Ага, как же... Забыла, что она не только жадная, но и хитрая, хоть и глупа как пробка. Азартная я слишком, вот в чём дело.

Это всё от перчинки, что в меня замотана. Эх... Ну ладно, пошли дальше, что ли?

– Пошли! – обрадовалась Варя.

– Так подсаживай меня обратно! – скомандовала Васька. – А ну, гребешок покажи... Ух ты! Перламутровый, да с резьбой! Пусть только Баба-яга скажет, что он ей не по нраву!

– А что, и такое может быть? – испугалась Варя.

– От Яги всего можно ждать, на то она и Яга! – заявила Васька. – Давай, поторапливайся, кидай шишку! Нам теперь к болоту, к кикиморе в гости!

Кикимора любовалась собой в зеркальце: любовалась и наглядеться не могла.

– Хороша! Ой, хороша-то как!

Намазала нос и щёки болотной тиной, поправила на голове рваную косынку и ещё похорошела.

Что бы такое на себя напялить? Шубку из лягушачьих шкурок или накидку из жабенят? Надоели... Чего-то новенького хочется. Яркого.

Шапочку хочется! Шапку! Яркую-яркую! Красную!

Кусты на краю болота раздвинулись, и показалась девчонка – в красной шапке с заливчатским козырьком!

От такой удачи кикимора тихо запищала.

Варя увидела низенькую скрюченную старушонку – тощую, пучеглазую, длинноносую. Сидит посреди зелёной лужайки – видно, на солнце греется. Большая голова на тонкой шее повязана какой-то тряпкой, а из-под неё торчат маленькие рожки, словно козы. Одета в лохмотья, перемазана грязью – и с зеркальцем в руке!

– Здравствуй, деточка! – ласково сказала старушонка.

– Здравствуйте, – вежливо ответила Варя. Назвать это существо бабушкой язык не повернулся.

– Ты где такую шапочку взяла?

– Мама подарила, – сказала Варя. И это была чистая правда.

– У тебя мамочка есть, а я сиротинушка бедная, разнесчастная! Некому мне шапочку подарить. Сижу вот одна на болоте, комаров слушаю! Иы-ы-ы-хы-ы-хы-ы-ы! – загнусила кикимора и вытерла глаза уголком косынки. – Подари мне шапочку, а? Сделай доброе дело, порадууй старушку!

Варя закусил губу. Отказать несчастной бабке стыдно, а отдать бейсболку просто так нельзя: Лялька у Яги, в избушке на курьих ножках...

– Не смей отдавать! – шипела в ухо Васька. – Здесь тебе не там!

Варя потрянула головой.

– Отдать не могу, а поменяться можно!

– На что, на что меняться? – всполошилась кикимора.

– На зеркальце!

– Бессовестная ты! Последней утехи старушку лишить хочешь! Старших уважать надо, уступать им – тебе что, не говорили такого? В кои веки человека увидела, и то нахалка невоспитанная попалась! Иииы-ы-ы-хы-ы-хы-ы-ы!

– Какая есть, – ответила Варя. – Так будем меняться или как?

– Будем, будем! – всхлипнула кикимора. – Раз уж ты такая бессердечная, уступить старушке не хочешь... Иди сюда, забирай

зеркальце, а то у меня ножки ходят плохо – старость не радость, о – хо – хонюшки...

Варя шагнула вперёд и взвизгнула от боли: Васька вцепилась ей в волосы.

– Куда прёшь, сущеглупая? Прямиком в трясину! Увязнешь, и поминай как звали! Эта хныкса шапку заберёт, и только её и видели, а ты останешься тонуть себе потихоньку!

– Да там же трава растёт, цветы всякие... Какое это болото?

– Самое настоящее! Брось камень – только булькнет!

– Больно умная! – зло сказала кикимора.

– Конечно, умная! – подбоченилась Васька. – Хочешь меняться – иди сюда, к нам!

Кикимора метнула злобный взгляд на Варю и заковыляла, переваливаясь с ноги на ногу.

Вблизи кикимора оказалась ещё противнее. От неё разило тинной. Полились длинный нос шмыгал и морщился, что-то вынюхивал. Выпученные глаза слезились, а взгляд так и прыгал туда-сюда, ни на чём не останавливаясь.

– Ну, давай шапку-то! – Кикимора помахала зеркальцем.

– На! – Варя протянула ей бейсболку.

– Мало! Давай ещё что-нибудь в придачу!

– Ах ты!.. – пискнула Васька и от злости подавилась.

– Давай-давай! А то ничего не получишь!

Что ещё отдать противной старушонке? Варя пошарила по карманам. Яблоко и гребешок. Ни завалывшейся монетки, ни конфеты, ни пуговицы. На шее бабушкин кожаный шнурок, а на нём... Ура!

– Вот! – Варя вытащила из-под футболки куриного бога.

Кикимору перекосило.

– Убери! Убери сейчас же! – от визга у Вари заложило уши.

– Ага, как же! – завопила Васька. – Давай зеркальце, сквалыга! Давай сюда и проваливай в своё болото, пока мы добрые! А то сейчас как глянем на тебя через дырку!

Кикимора швырнула Варю и зеркальце, и бейсболку, подхватила подол и бросилась бежать по болоту. Вместо ног у неё оказались птичьи лапы: с тремя пальцами и длинными когтями. И бежала на этих лапах кикимора чуть ли не впереди собственного визга.

– Чего это она? – растерянно спросила Варя.

– Как «чего»? Ты ж её напугала до смерти. Куриный бог – лучшее средство, чтобы от кикиморы избавиться – ты что, не знала? Вот она и дала дёру. Пока не уйдём, так и будет в болоте сидеть. Пошли, некогда рассиживаться!

Выбирались из болота след в след: Васька впереди.

– Я легче! – заявила кукла. – А ты за мной, да не отставай. Хоть самая трясина там, куда кикимора убежала, да всё равно ухо остро надо держать.

Тропка вилась всё дальше и дальше, катючая шишка не останавливалась...

– Стой! Тихо! – прошипела Васька. Она вылезла из капюшона прямо Варю на плечо, вытянулась столбиком и посмотрела вперёд из-под руки. – Ой, беда какая! Беги, прячься! Вон туда!

В голосе куклы был такой ужас, что Варя бросилась в чащу, ни о чём не спрашивая. Забилась в кусты и только тогда осмелилась посмотреть, от кого же убегала.

По тропинке шло Непонятно Что. Вроде мужчина: с бородой, в полосатых штанах. Но поверх штанов надета юбка с оборкой по подолу. Щёки – там, где не растёт борода, – густо нарумянены. Глаза и брови подведены до висков, в левом ухе серьга. Волосы расчёсаны на прямой пробор, справа коротко острижены, слева – заплетены в длинную косу.

– Васька, что это за чучело?

– Сама ты чучело, – прошептала кукла. – Это Горе-Злосчастье. Сиди мышью за веником.

– Это как?

– Цыц! Нишкни! Молчи, не шевелись! – Васька больно дёрнула Варю за ухо.

Чучело остановилось и стало озираться. Глаза у него были пустые, а взгляд такой тяжёлый, что Варя сжалась в комок и закрыла лицо руками. Васька в капюшоне еле слышно бормотала:

– ...уходи, Горе, за сине море, за тёмный лес, за светлый огонь, а нас не тронь! Крепко моё слово, крепче булата ярого, крепче камня Алатыря! Сгинь, Горе, с нашего пути, дай нам пройти!

Горе-Злосчастье потопталось ещё немного и побрело дальше. Там, где оно прошло, засохла трава, а с еловых веток осыпалась рыжая мёртвая

ХВОЯ.

– Фу-у-у... Пронесло беду стороной. Отсиделись! – прошептала кукла.

– Откуда оно взялось, Васька?

– Да кто ж его знает... У Горя-Злосчастья свои пути-дороги, только лучше с ним не встречаться. А уж если встретился, нельзя ему на глаза попадаться, а то ни пути, ни удачи не будет. Всё через пень-колоду пойдёт, десять раз будешь дело начинать и так ничего и не сделаешь. Чего бы ни хотел, за что бы ни брался, всё бедой обернётся – да такой, о какой и не слыхивал, с какой и не совладаешь.

– А почему оно такое несуразное? В штанах и в юбке, с бородой и размалёванное. А волосы... – Варя не удержалась и хихикнула.

– Да потому что Горе-Злосчастье не «он» и не «она», а «оно»! Вот поэтому у него всё так и есть: и штаны, и юбка, и борода, и коса! – Кукла явно крепилась, но не выдержала и залилась тоненьким смехом. – Ой, не могу! Чучело, как есть чучело! Хоть и дурафья ты, а верно подметила!

Обижаться на Ваську было невозможно. Варя вспомнила размалёванное Горе-Злосчастье и расхохоталась до слёз. Так и смеялись вдвоём с куклой, пока из сил не выбились.

– Это мы со страху, – выдавила Васька, икая от хохота. – Страх, он смехом избывается, так и хозяйка говорит... Ой, не могу-у-у-у! Как вспомню эту рожу... Ха-а-а-ха-ха-ха!

От смеха и правда полегчало. Даже пить и есть хотелось куда меньше. Вот только живот от хохота заболел. Ваське, той всё было нипочём. Отсмеявшись, она поудобнее устроилась в капюшоне и скомандовала:

– Вперёд! Гляди веселей!

Сил обижаться на нахальную куклу не осталось. Только на то, чтобы брести за катючей шишкой и вполуха слушать Васькину трескотню:

– Ты что ж молчала про куриного бога? А откуда он у тебя?

– Бабушка подарила.

– Она ничего зря не делает! – подытожила кукла.

– Думаешь, она знала, что Лялька пропадёт?

– Знать не знала, а вот защиту на всякий случай дала. Куриный бог – вещь полезная... А ну, покажи-ка его!

Варя вынула камешек из-под майки и перетащила его по шнурку назад, к Ваське.

– Ого, сердолик! Да яркий какой, прямо апельсиновый!

– И что? – мрачно спросила Варя.

– Как «что»? С ним горе – не горе и беда – не беда. Во всём поможет, от всего защитит. Куриные боги, они разные бывают. Белый добрее делает, зелёный – богатство приносит. А оранжевый как фонарик светится, от зла защищает и силы придаёт. Как раз то, что нужно!

– Слушай, Васька, откуда ты это всё знаешь?

– Так умная, вот и знаю! Был бы у тебя грецкий орех в голове, глядишь, и ты поумнее была бы...

Варя не стала ввязываться в спор с языкатой куклой. Хочет считать себя умнее, пусть так и думает.

– А если на кикимору сквозь дырку в камне посмотреть, что будет?

– Не знаю, – призналась Васька. – Кикиморы, они всё равно куриного бога как огня боятся. Это я так сгоряча ляпнула, не подумавши. Ну, ей и так хватило... Вон как рванула – только её и видели! Пусть теперь в болоте раздумывает, что бы с ней такое было...

Катючая шишка не останавливалась, а успевать за ней было всё труднее и труднее. Во рту пересохло, ноги гудели от усталости, в животе бурчало.

– Васька, а как обратно добираться будем?

– Куриный бог нам поможет! Слушай и запоминай: надо взять его, посмотреть сквозь дырку и сказать вслух своё желание, да сначала обдумать хорошенько. Потом сжать куриного бога в кулаке крепко-накрепко...

– И что?

– И то! Что попросишь, то и получишь!

– А если попросить, чтобы ничего этого не было? Чтобы Лялька никуда не пропадала, а вместо этого мы с ней оставались бы дома, бабушку дожидаться?

– Не будет такого! – отрезала кукла. – Что случилось, тому и быть. Никто этого не изменит, и не надейся. Топай давай! Баба-яга небось все глаза проглядела.

Варя вытерла пот со лба и зашагала дальше.

Избушка на курьих ножках стояла всё там же, на поляне. Переминалась с ноги на ногу, поскрипывала брёвнами.

– Васька, я боюсь! – прошептала Варя.

– Я тоже боюсь! Ну и что? Бояться – бойся, а что надо – делай! Зови Ягу!

Баба-яга лихо орудовала крючком. Ещё немного, и двояшка готова: прозрачная, сетчатая. Паук Терентий шебуршал в углу, восстанавливал паутину, шипел – ругался, наверно.

– Эй, Бестолочь! А ну, тащи сюда Фуфыру! Примерка будет.

Бестолочь полез за печку и с рёвом вылетел обратно: проклятая девчонка его укусила.

– Бабушка! – позвали снаружи.

– Бестолочь ты и есть! – рявкнула Яга. – А ну, все за мной, живо!

Когда заскрипела низенькая дверь и из неё гурьбой повалили ягоши, Варя стало тошно от страха. Уж больно они были одинаковые. От этого казалось, что их куда больше, чем на самом деле. Баба-яга среди них смотрелась выше и страшнее.

– Вот, бабушка, смотри! Всё принесла: и гребешок, и яблоко, и зеркальце. Отдавай мелкую вредину, а?

– Ишь какая шустрая, – буркнула Баба-яга. – Сначала проверить всё надо. Рохля, скажи ей!

– Никому не верь! – выкрикнула ягоша.

– Поняла? Разиня, неси всё сюда!

Ягоша полез вниз по кривым ступенькам.

– Васька, что делать? – прошептала Варя. – Отдавать или как?

Разиня уже стоял перед ней. Лицо у него было неподвижное, а глаза пустые. Он протянул грязные руки, сложив ладони чашечкой, и Варя волей-неволей положила туда всё добытое для Яги.

– Васька, я ведь правильно сделала? – тихо спросила Варя, глядя ягоше вслед.

– Увидим, – прошептала кукла из капюшона.

Баба-яга с довольной улыбкой перебирала подарки.

– Ишь ты, а гребешок-то перламутровый... Ну а теперь... как тебя там?

– Валя! – голос у Вари сорвался.

– А теперь, Валя, иди на все четыре стороны!

– А девчонка как же?

– А девчонка у меня останется.

– Ты же обещала!

- А ты и поверила, дурёха? Неумеха, скажи ей!
- Никому не верь! – выпалил ягоша.
- Поняла?
- Отдавай девчонку! – закричала Варя.
- Ага, щас! – Баба-яга показала кукиш. – Уноси ноги, пока цела!
- Уходи! – прошипела из капюшона Васька.
- Отдай девчонку!
- Сама напросилась, – сказала Яга. – А ну, взять её!

Ягоши горохом посыпались с крыльца: все одинаковые, пустоглазые, страшные...

– Беги! – завопила Васька. – Беги, тебе говорят! Беги да не оглядывайся!

Варя бросилась бежать со всех ног – прямо в чашу, глотая слёзы на бегу, слыша сзади злорадный хохот Бабы-яги.

Отсмеявшись, Яга крикнула:

– Ко мне, паршивцы! А ну, живо!

Ягоши стайкой потрусили на зов. Баба-яга погляделась в зеркальце и подмигнула своему отражению.

Варя бежала не разбирая дороги, куда глаза глядят. Оказавшись на полянке, упала ничком на пружинистую хвойную подстилку и разревелась в голос.

– Слезами горю не поможешь! – сказали ей прямо в ухо.

Васька вылезла из капюшона и стояла рядом.

– Замолчи, Васька, без тебя тошно.

– Некогда ссориться. И реветь тоже некогда, – ответила кукла. – Поднимайся, пошли.

– Куда? – Варя утёрла слёзы.

– Обратно, к избушке на курьих ножках.

– Ляльку выручать?

– Ага.

– А как? Ты что-то придумала?

– Тут придумывать нечего – тут решиться надо...

Варе стало ещё страшнее.

– На что решиться, Васька?

– Это моё дело, – отрезала кукла. – А твоё дело – ноги унести вместе с

Лялькой.

– Ты что задумала? Пока не расскажешь, никуда не пойду!

– А что тут рассказывать? – буркнула Васька.

– Всё выкладывай, иначе с места не сдвинусь!

– В общем, так. Подождём избушку. Все выскочат наружу, тут хватай Ляльку и беги изо всех сил. Потом достань куриного бога и скажи ему, что хочешь дома оказаться – живой и невредимой, вместе с Лялькой. Помнишь, как с куриным богом разговаривать?

– Ага. А избушку как поджечь? У нас ни спичек, ни зажигалки.

– Без них обойдёмся. – Васька подозрительно хлюпнула носом. – У меня уголёк имеется. Вот тут. – Кукла постучала себя по груди. – От него ка-а-ак полыхнёт: ничем не затушить.

– А ты как же?

– А никак. Не будет меня. Уголёк – это моё сердце, поняла? Разве без сердца живут?

– Нет... – тихо сказала Варя. – Не живут.

– Вот так. Потом хозяйка новую куклу сделает, лоскуты у неё есть. Да только это уже не я буду. Я-то давно при ней, с тех времён, когда она ещё у бабушки своего жила. Хозяйка девчонкой была, когда меня сделала. Уголёк из домашней печки – в нём знаешь какая сила заложена!

– Откуда мне знать, Васька?

– Вот! А хозяйка знает! Недаром Премудрой прозывается.

Варе показалось, что земля уходит у неё из-под ног.

– Что ты такое говоришь, Васька!

– А ты что, дурафья, не знала? Василиса Премудрая – она Премудрая и есть. Да вот внучка, видно, не в бабку удалась.

Варя так и осталась сидеть с раскрытым ртом.

Бабушка – Василиса Премудрая. Лялька – у Бабы-яги. Ваське придётся погибнуть, чтобы Варя с Лялькой смогли вернуться домой. С ума можно сойти...

– Васька... – тихо позвала она. – Васька, не надо, а? Ну пожалуйста...

– Думаешь, мне погибать охота? – сердито ответила кукла. – Да как ни крути, иначе не выходит. Уж я думала-думала, чуть орех в голове от натуги не треснул. Никак по-другому не получается. Уголёк только я могу раздуть, поняла? Никому другому он не дастся. Меня ведь хозяйка не просто так к Ляльке приставила, а беречь и охранять. Ты ж сама слышала. Ну а я не справилась. Из-за моего недосмотра дитё в Навь... тьфу, в Заречье угодило. Значит, моё дело обратно его вернуть. Вот и всё. Посижу ещё чуть-чуть, с духом соберусь и пойду. Ты меня обними покрепче, ладно? А то уж очень мне страшно...

Варя прижала к себе куклу изо всех сил. Хотелось плакать, но было стыдно перед Васькой.

– Ладно, отпускаяй, – распорядилась кукла, помолчав. – Всё помнишь, что надо сделать?

– Помню, – ответила Варя севшим голосом.

– Вот и ладно. Смотри, сделай всё точь-в-точь. Хоть и дурафья ты скудоумная, а на тебя вся надежда. Ладно, пошла я...

Ухватить бы Ваську за перемазанный тиной, золой и сажеей сарафан, удержать. Да ведь не удержишь. Никто её не остановит, это сразу видно.

Были у Вари до сих пор подруги: Соня Воеводина, Кристина Полторацкая, Юля Киреева. А сейчас вдруг стало ясно: не подруги это были – приятельницы. А подруга – вот она: тряпичная кукла Васька. Сварливая, неугомонная, бесстрашная, верная. И вот теперь ей конец – из-за её, Вариной, глупости! И ничем здесь не помочь, ничего не сделать.

Нет, сделать. Всё сделать, чтобы спасти Ляльку, вернуться с ней домой. Иначе всё будет напрасно: и хождение по Заречью, и Васькина гибель...

Варя стиснула в кулаке куриного бога, закусил губы, чтоб не разреветься, и взглянула вслед кукле.

Кусты на опушке раздвинулись, и на поляну вышла бабушка.

Варя поморгала, закрыла глаза, открыла их снова.

Бабушка была в тех же джинсах и рубашке в красно-белую клетку, что и утром. На носу неизменные очки. Бабушка как бабушка, только на поясе меч – наверняка тот самый. Следом показался кот Василий – в ошейнике, утыканном металлическими шипами, хвост хлещет по бокам.

– Стой! Назад! Назад, Васька! – шёпотом закричала Варя.

Васька оглянулась, пискнула и бросилась бежать – но не к Варе, а к избушке на курьих ножках.

Бабушка оглядела поляну, избушку и улыбнулась – да так, что Варю прошиб холодный пот. Как следует не разглядеть – слишком далеко, – но бабушкины глаза наверняка позеленели. Захотелось спрятаться, и Варя поползла в кусты: боком-боком, как виденный на море краб.

Бабушка сунула в рот два пальца – большой и указательный – и свистнула так, что ветки на елях заходили ходуном, а с крыши полетела солома. Избушка закудаhtала, переступая с лапы на лапу.

– Ага, не любишь... – сказала бабушка довольным голосом и свистнула в четыре пальца.

С избушки сорвало крышу.

– Эй, Яга, выходи! – крикнула бабушка. – Выходи, а то хуже будет!

– А вот этого не видела? – Из приоткрытой двери высунулась грязная рука Бабы-яги, сложенная в кукиш.

– Отпусти детей! – в бабушкином голосе была ярость. – Отпусти и иди куда хочешь!

– Каких таких детей? – Баба-яга выскочила на крыльцо и подбоченилась. Ягоши высыпали наружу и столпились вокруг неё.

– Всех! – отчеканила бабушка.

– Новенькую забирай, а ягоши мои!

– Нет, всех!

– Да зачем они тебе? Они и родителям были не нужны. Иначе ко мне бы не попали, сама знаешь.

– Знаю. Всё равно отпусти.

– И не подумаю!

– Последний раз говорю: отпусти детей!

– За кого вступаешься? Сейчас они тебе покажут! – усмехнулась Баба-яга. – А ну, ребята, ату её!

Ягоши ссыпались с крыльца и бросились в атаку.

– Давай, Василий! Давай! – закричала бабушка.

Кот вышел вперёд, уставился на бегущих ягош и громко замурлыкал. Передний – самый высокий, с тёмными волосами – остановился, будто с разбегу налетел на препятствие, широко зевнул, стал тереть кулаками глаза и осел на траву.

Остальные сделали по нескольку шагов на заплетающихся ногах и тоже свалились.

– А-а, и ты здесь, предатель проклятый? – рявкнула Яга. – Ишь, морду какою отъел на чужих харчах! Я ли тебя не кормила, я ли тебя не холила! И

где твоя благодарность?

– А кто мне вот эту лапу кочергой перебил? – прошипел кот. – Кто меня прогнал на все четыре стороны: старый, мол, стал, вали отсюда, дармоед? А?! Другая у меня теперь хозяйка, за неё кого хочешь в ключья порву!

– Ну держитесь теперь! – Баба-яга схватила помело и покрутила им над головой.

Стая ворон закрыла небо над поляной.

Бабушка сорвала с себя очки, отшвырнула их прочь и стала такой же молодой и прекрасной, как тогда, когда Варя за ней подглядывала. Только сейчас на бабушке был не шёлковый сарафан, а сияющая кольчуга. И на голове у неё оказался не усыпанный жемчугом венец, а островерхий шлем.

Бабушка выдернула из ножен меч, и он блеснул сталью.

– Смелые и верные! Ко мне! – звонко крикнула бабушка и свистнула так, что с ёлок посыпалась хвоя.

Вороны пикировали на бабушку, долбили огромными клювами по шлему, добирались до глаз. Бабушка отмахивалась мечом, прикрываясь окольчуженным локтем. Василий «свечкой» прыгал вверх, сбивал ворон передними лапами, драл их когтями. От вороньего грая закладывало уши.

Из леса галопом вылетел осёдланный конь – белый, как любимые бабушкины розы. На воронью стаю из поднебесья обрушился белый сокол, и от ворон только перья полетели.

– Ах вот ты как? Все на одного, да? – Ба-ба-яга стояла на крыльце с помелом в руках. – А ещё родня называется! Ты ж сама Кощеева дочка, Василиса!

– Зря ты это сказала! – Бабушка уже была в седле. – Конiec тебе, Яга!

– Это мы ещё посмотрим! – Баба-яга прыгнула в ступу и взвилась над поляной.

– Аииииии! – яростно завизжала бабушка, и её белый конь встал на дыбы.

Баба-яга ринулась на неё сверху. Помело в руках Яги стало мечом – кривым, воронёным, отливающим синевой, и с этим мечом скрестился бабушкин – прямой и светлый. А дальше всё свилось в вихрь, мечущийся по поляне. Там ничего было не разглядеть: только мелькали блики на мечах, звенели и лязгали сталкивающиеся клинки да резал уши свирепый визг – непонятно чей.

Сердце у Вари колотилось так, словно хотело выскочить наружу. Ладони от страха стали холодными и липкими.

«Сделай всё точь-в-точь. Надеяться больше не на кого», – сказала Васька. А Ваську подвести нельзя. И бабушку, которая сейчас насмерть дерётся с Ягой – из-за неё, Вари, дерётся... И папу с мамой нельзя подвести. И Ляльку, которая ждёт помощи.

Варя изо всех сил ущипнула себя за руку.

– Вылезай, дурафья скудоумная! Поторапливайся, кулёма! – прошептала она. – Давай, шевели ногами!

К избушке на курьих ножках Варя побежала по краю поляны, прячась за кусты. В траве серыми кучками лежали ягоши. А вдруг они очнутся и

бросятся на неё? Что тогда?

Да ничего. Очнутся, кинутся – вот тогда и можно бояться. Только некогда будет: драться придётся. А пока давай прибавь скорости! Вот уже она, избушка, рукой подать...

На крыльце появилась знакомая фигурка: синие шорты, футболка с ярким попугаем – та самая, папина, сингапурская...

Лялька!

Варя взбежала на крыльцо, сгребла сестру в охапку и увидела у неё на плече Ваську. Кукла сидела, придерживаясь за Ляль кины спутанные кудри. Глаза-пуговицы победно сверкали – не хуже, чем зелёные камни в бабушкином венце, – а острый нос был задран, как у задавалы Шишкиной из параллельного класса.

– Видала? Вот она, Лялька наша! Живая, невредимая! Упрямство, оно полезно бывает. Баба-яга послушных любит, а Лялька у нас кремень – вся в бабушку. Ну, что уставилась? Давай живо, ноги в руки и бежать!

Тут за спиной грохнуло, словно лопнул огромный воздушный шар. Варя кубарем слетела с крыльца вместе с Лялькой и приземлилась так жёстко, что на минуту потеряла сознание.

Очнулась Варя от того, что Васька теребила её за ухо.

– Перестань, ухо оторвёшь!

– Ничего, тебе к лицу будет!

– Лялька в порядке?

– А то! Поднимайся, пошли. Тяжёлый денёк сегодня выдался. Да ещё бусы рассыпались. Вот, несколько штук только подобрать успела. На, сунь в карман, а то у меня карманов нету.

Всю поляну покрывала мелкая тёмная пыль. Ни ворон, ни белого коня, ни сокола не было. И Бабы-яги тоже не было. Только сидел, обернувшись хвостом, рыжий кот Василий. А рядом с ним лежала бабушка – без шлема и кольчуги, лицом в почерневшую от пыли траву, с мечом в руке.

Всё это Варя разглядела куда позже: когда добежала, волоча за собой Ляльку, перевернула бабушку на спину и убедилась, что она дышит.

– Явилась наконец, – зло сказал кот Василий. – Хозяйка из-за тебя головой рисковала, а ты... А ну, пошла очки искать, пока я по-настоящему не разозлился!

Варя хотела было огрызнуться, но передумала. Встала на четвереньки и

принялась искать.

Очки искали все – кроме кота Василия. Он не отходил от хозяйки. Искали все, а нашла Лялька. Подбежала к Варя, подёргала её за рукав толстовки и сказала:

– На!

Совсем недавно Лялька не говорила ни слова. «Это всё бабушка», – подумала Варя.

Василий при виде очков сменил гнев на милость, хотя на Варю по-прежнему косился.

– Вася, очки на бабушку надеть или не надо?

– Дома наденет. Пока себе на шею повесь.

– Вася, а ты правда кот Баюн?

– Ну да.

– А как же ты у Бабы-яги жил?

– Вот так и жил. Жил-жил, а потом стареть стал. Раньше-то я целую рать усыпить мог: так и валились воины, как трава под косой, упадут – до нового месяца спят. Сейчас уже не тот. Вот Баба-яга меня и выгнала. Иди, говорит, дармоед, на все четыре стороны. И кочергой... А Василиса меня подобрала, к себе взяла, лапу вылечила.

– Так на картинке кот Баюн чёрный, только глаза жёлтые...

– А всю чёрную шерсть Василиса вычесала. Песню пела да своим гребешком хрустальным вычёсывала. Новая шерсть рыжая выросла. Я Василису никому в обиду не дам, кого угодно за неё в клочья порву. Так что ты меня лучше не серди. Кончай болтовню.

Кот зашипел, зафыркал и вдруг стал расти, увеличиваться на глазах. Вот он уже со Снежка величиной, вот с пони, на котором Варя каталась в зоопарке...

– Что смотришь? Сажай всех на меня, да сама садись! Домой пора, Василису лечить. Время дорого. А ножны где? Без них никак нельзя! Ищи!

Ножны нашлись в траве. Варя осторожно провела пальцем по сияющему клинку, вложила меч в ножны и стала, надрываясь, усаживать бабушку верхом на кота. Бабушка не сидела, не держалась – падала. Варя усадила позади неё Ляльку, сунула под мышку меч, села сама и обхватила бабушку за талию. Лялька, стиснутая между бабушкой и сестрой, тихо захныкала.

– Держись, сейчас домой поедем! Васька, ты где там?

– Здесь я, здесь! – отозвалась кукла из капюшона. – Давай доставай куриного бога! Помнишь, как с ним разговаривать надо?

– Помню!

Вынув куриного бога из-под майки, Варя собралась с духом и ещё раз повторила про себя нужные слова. Посмотрела сквозь дырку в оранжевом камне и сказала:

– Хочу, чтобы мы все сейчас же оказались дома, живые и невредимые!

Варя изо всех сил сжала куриного бога в кулаке. Камень засветился, засиял оранжевым светом. Кот Василий прыгнул вперёд и вверх – туда, в это тёплое сияние...

...и приземлился у калитки бабушкиного дома.

Все свалились на траву, придавив кота, – он уже был обычного размера. Лялька заплакала. Василий с мявом шарахнулся из-под кучи-малы, прыгнул через забор и был таков.

– Васька, что теперь делать? – спросила Варя, вытирая потное чумазое лицо.

Кукла молчала. Только блестели зелёные глаза-пуговицы да воинственно торчал острый нос.

«На тебя вся надежда», – вспомнила Варя. Все так говорили, каждая в своё время: и Васька, и бабушка, и мама. И подвести их никак нельзя.

Куриный бог развалился пополам. Упал с кожаного шнурка в траву, лежал там, еле видимый, и слабо поблёскивал. Ужасно хотелось есть, а ещё больше – пить. Но было некогда. Бабушкино лицо оставалось бледным до прозрачности. Надо бежать за помощью.

– Сиди здесь! – сказала Варя Ляльке.

Малявка серьёзно посмотрела на сестру, подобрала с земли Ваську, прижалась крепче к бабушке и кивнула.

Хоть бы дед Илья был здесь! Больше ничего не приходило Варе в голову, пока она бежала к дому под коричневой крышей.

Бежать пришлось недалеко. Илья мчался ей навстречу, гулко топая кроссовками. Следом нёсся кот Василий: шерсть дыбом, хвост трубой.

– Ну, дела! – только и сказал Илья. Он легко, как пушинку, поднял бабушку на руки и понёс в дом.

Тут Варя разревелась. Так и пошла вслед за Ильёй: вся в слезах, ведя за руку Ляльку.

– Подбери нюни! – пробасил Илья. – Давай стели постель, Василису уложить надо. Малая пока на кухне посидит. Василий, займись!

Кот потёрся об исцарапанные Лялькины ноги и пошёл на кухню, призывно мяукая. Лялька отправилась за ним, прижимая к себе Ваську.

Бабушку уложили в кровать. Илья вытащил из кармана огромный мобильник и ткнул корявым пальцем в кнопку вызова.

– Алёха, быстро воды! Живой, конечно... Некогда, потом расскажу... Нет, не я – Василиса. Да живая она, живая! Даже не раненая. Всё, ждём!

Илья распахнул окно и уставился в небо.

Ждать пришлось недолго. В окно ввалился жужжащий клубок и завис над столом. Повисел и распался. Из него вывалился кувшин, который ловко поймал Илья. А пчелиный рой потянулся обратно, на лету собираясь в плотный ком. Только несколько пчёл-разведчиков летали вокруг: выискивали, можно ли здесь пожить.

Илья отковырял залитую воском пробку.

– Ну-ка, поддержи!

Кувшин оказался серебряным. Внутри у него шипело и булькало. На гладком боку чьи-то искусные руки навели чернью узор. Понизу плелись травы, из них росло развесистое дерево, а по обеим сторонам от него стояли ветвисторогие олени. Рога у них сливались с древесной кроной, на них сидели птицы, прыгали весёлые белки...

– Давай сюда!

Илья успел усадить бабушку в постели, обложив подушками. Взял кувшин и потихоньку стал её поить, сосредоточенно вытягивая губы трубочкой.

Бабушка глотала живую воду, давилась, кашляла и снова пила. Лицо у неё чуть порозовело, веки дрогнули. Она открыла глаза – зелёные, будто малахитовая шкатулка, точно как у Ляльки. Посмотрела невидящим взглядом, моргнула, увидела Илью с Варей и улыбнулась.

– Все... живы? – бабушкин шёпот был еле слышен. – А Лялька где?

– Все живы-здоровы, все здесь! И Лялька тоже! Беги, приведи, – подтолкнул Варю Илья. – Ты-то как, Василисушка?

– Я... ничего... Хуже бывало. – Глаза у бабушки стремительно синели. – Где Лялька?

– Ты здесь ещё? – рывкнул Илья на Варю. – А ну живо, одна нога здесь, другая там!

Варя стремглав бросилась на кухню. Лялька стояла коленками на стуле и ела мёд столовой ложкой прямо из глиняного бочонка. Кот Василий сидел на подоконнике и умывался.

– Пошли! – Варя вытащила перемазанную Ляльку из-за стола и

поволокла за собой.

Из комнаты доносился бас Ильи:

– Василисушка, что ж ты меня с собой не позвала? Я бы им обеим ноги повывёргивал: и Бабе-яге, и избушке ейной! По брёвнышку бы её разнёс!

Тихий бабушкин ответ Варя услышала, уже открывая дверь:

– Нет, Илюша, мой недосмотр, мне и разбираться. Да и времени не было... А очки мои где?

При виде Ляльки с Варей бабушка улыбнулась так, что в комнате словно стало светлее.

– Девочки мои! Живые, здоровые! Варюша, спасительница ты наша! Что бы мы без тебя делали!

– Это всё Васька, – Варя шмыгнула носом. – Она говорила, что делать надо, я и делала.

– Мы с ней огонь, воду и медные трубы прошли, – слабым голосом сказала бабушка. – Васька у нас молодец. Поговорить любит, ну да с кем этого не бывает.

Варя протянула бабушке очки. Та протёрла их краешком простыни, водрузила на переносицу...

...и стала привычной бабушкой. Тяжёлая коса исчезла, сменилась сединой и короткой стрижкой, глаза посинели окончательно. Между бровями появились три морщинки...

– Ничего, поживём ещё! – сказала бабушка и подмигнула.

– Поживём! – прогрохотал Илья и засмеялся так, что на кухне зазвенела посуда.

С ним засмеялись все. И Варя, и бабушка, и Лялька. Кот Василий – и тот улыбнулся. В углу за шкафом кто-то заливался тоненько, прыскал от смеха и вновь хохотал.

– Проша, выйди к нам! – позвала бабушка. – Хватит таиться! Выходи, тут все свои!

Из – за шкафа вылез давешний мохнатый старичок и смущённо потупился.

– Это Прохор, наш домовый! – представила его бабушка. – Тебе, Варюша, надо с ним поближе познакомиться. Домовой – хозяйке первый помощник... А я пока спать буду, спа-а-ать...

Бабушка свернулась клубочком под одеялом и стала совсем маленькой. Подложила ладонь под щеку и закрыла глаза.

Илья приложил палец к губам и махнул огромной ручищей. Все на цыпочках вышли из комнаты. Варя неплотно прикрыла дверь – вдруг бабушке что-нибудь понадобится – и перевела дух.

– Я пойду, Варюша, – гулкий шёпот Ильи разнёсся по всему дому. – Если чего нужно будет – прибегай! А Василисе отдохнуть надо, отоспаться. Ты её не буди, пусть спит. Уж очень много сил она потеряла. Сон что мёд: от ста болезней лечит.

– Спасибо вам, дедушка, – только и могла сказать Варя.

Илья погладил её по голове, потрепал Лялькины спутанные кудри и ушёл.

Стало ясно, что самое главное только начинается.

Отмыть и накормить Ляльку. Умыться. Поесть. Покормить Василия. И всё время чутко прислушиваться: как там бабушка? Дышит? Не проснулась?

Очень не хватало Васьки: болтливой, бранчливой и надёжной. Утешало одно: Васька здесь, рядом. А что сейчас говорить не может – подумаешь, беда какая!

Перемазанная до неузнаваемости Васька сидела на подоконнике, поблёскивала глазами-пуговицами и молча соглашалась. В этом Варя была твёрдо уверена.

Домовой Прохор оказался толковым и работающим. Любил, правда, поворчать, но Варе это было нипочём после путешествия с Васькой. Вот только с кухонными приборами дело у него шло туго. Варя битый час объясняла ему, как пользоваться мультиваркой. Прохор соглашался, кивал, тряс бородой, но вместо омлета у него получилось что-то несъедобное. Хорошо, в холодильнике остались котлеты и кастрюля с грибным супом. С голодухи Варя съела столько, что сама удивилась. А потом так и заснула за столом, уткнувшись головой в собственный локоть.

Проснулась она от шума воды в ванной. Оказалось, это Лялька взялась постирать Ваську. Кукла плавала в пене, из которой торчал один только нос, и казалась очень довольной.

– Молодец! – сказала Варя и погладила сестру по щеке. Почему-то рассердиться на вредную мелочь не получилось. Лялька улыбнулась в ответ до ушей, и Варе стало тепло и спокойно.

– На! – сказала Лялька и протянула ей кук-лу – сушить.

Бабушка проспала до вечера. Потом проснулась, выпила ещё живой

воды и уснула опять.

Варя уложила Ляльку спать, посидела рядом, пока та не заснула. А потом на цыпочках прокралась в бабушкин кабинет – туда, где на столе рядом с ноутбуком лежал меч. Оглянулась по сторонам и вынула клинок из ножен.

Меч был деревянным. Полированное дерево блестело не хуже стали, но оставалось деревом. Точно так же, как в тот день, когда Варя впервые увидела меч в руках у бабушки.

– Положь и больше не трожь! – сказал хриловатый голосок сзади.

Это был домовый Прохор.

– Почему, Проша?

– Этот меч только в хозяйских руках собой делается. Всем другим деревяшкой показывается. Что уже видела, то и в другой раз увидишь.

Лучше на кухню пойдём, покажешь, как с этой, как её... хлебопечкой обращаться.

С хлебопечкой у Прохора дело пошло веселей.

– Хлеб – всему голова! – радовался домовый. – А там, глядишь, и с мули... мульти... тьфу ты, пропасть! Как её там?

– С мультиваркой, Проша!

– Во! И с ней поладим. Раньше-то проще было. Горшок у нас был спицательный: муравлённый, заговорённый. Скажешь: «Горшочек, вари!» – он себе и варит. И кашу, и щи, и кисель, и студень. Всем был хорош, только разбился. Вот я и отвык от муханизации.

– От механизации, Проша!

– Да ну тебя, к словам-то цепляться... – домовый обиженно засопел.

– Я и не цепляюсь, Проша, – Варя не хотела обижать Прохора. – А как думаешь, что на утро приготовим?

– Блины! – решил домовый. – С вареньем да со сметаной. Сковорода у меня – ух какая! Старинная, чугунная! Настоящая стряпухина радость.

– А в саду что делать будем?

Прохор яростно затряс бородой.

– Я ж тебе не дворовой какой-нибудь, не сарайник, не банник! Я домовый-доможил, всему в доме хранитель, хозяйке помощник! Ты уж не обессудь, сама смотри, где полить, а где прополоть.

– Ладно, – вздохнула Варя.

Утром на столе оказалась огромная стопка блинов – кружевных, с пылу с жару. Варя с Лялькой наелись от души и домовому оставили.

– Варюша! – раздался бабушкин голос.

На кровати у бабушки сидел кот Василий и громко мурлыкал. Ляльке Василий позволил себя погладить, а на Варю зашипел и замахнулся лапой.

– Ты на него не обижайся, – пояснила бабушка. – У кошек память долгая, а Вася за меня горой. Ничего, посердится и перестанет.

Василий фыркнул, соскочил с кровати и ушёл.

Выглядела бабушка куда лучше, чем вчера, и голос звучал почти как обычно. Лялька с недосохшей Васькой в руках полезла к ней на кровать.

– Поздорову ли, Василисушка? – бас Ильи заполнил весь дом.

– Лучше, Илюша. Как там наши?

– Все за тебя волнуются. Марья Моревна обещала навестить, как только выберется.

– Нечего за меня волноваться, так всем и скажи. А Марье спасибо. Принеси-ка мне ноут из кабинета, Варюша...

Ноутбук был помечен той же эмблемой: лягушка, держащая стрелу. Бабушкины пальцы запорхали по клавиатуре. Варю очень хотелось подсмотреть, что же там, на мониторе, но почему-то было стыдно.

Из двери выглянул Прохор в фартуке, ахнул и заторопился на кухню. Оттуда сейчас же потянуло вкусным блинным духом. Засвистел на плите чайник. На расписанном яркими розами подносе Прохор внёс стопку блинов и огромную чашку с чаем, с поклоном предложил гостю. Илья принялся пить чай из блюдечка, заедать блинами.

– А ты, Василисушка?

– Я погожу пока. Живой водой сегодня обойдусь, а там увидим.

Стопка блинов исчезла в два счёта. Илья перевернул чашку на блюдце, встал и поклонился.

– Спасибо этому дому! Пойду я собираться, Василисушка. Ребята ждут. Если что нужно – скажи. Оседлаю Бурушку, съездим в Осинкино, привезём.

– Спроси у Прохора, Илюша. А я, наверно, ещё посплю...

Прохор взволновался. Перерыл все шкафы и холодильник, слазил в погреб. Потом взялся диктовать Варю список для закупок. Варя писала и думала, что с таким количеством продуктов можно добраться до Сингапура. Ну или до Северного полюса.

– Езжай, дитяtko. За хозяйкой и малой я присмотрю. Бурушка у Ильи – зверь, быстро обернётся, – напутствовал Варю Прохор.

– Ну что, готовы? – донеслось с улицы.

Варя выскочила на крыльцо и обомлела.

Седые кудри Ильи скрыла чёрная бандана. Широченные плечи обтянула проклёпанная косуха. На ногах красовались огромные берцы – тоже все в шипах и клёпках. А рядом с Ильёй блестел чёрный байк.

– Дедушка, – пролепетала Варя, – а что это за мотик?

– Настоящий «харлей», – гордо сказал Илья и хлопнул по кожаному сиденью. – Неприличен другой добру молодцу. Поюзанный, конечно, да я чай и сам не молоденький. Вот тебе шлем. Надевай, поехали.

Обмирая от восторга и страха, Варя надела шлем, взгромоздилась на сиденье и намертво вцепилась в кожаный пояс Ильи: весь в бляшках, клёпках и кольцах.

– Держишься? Вот и ладно. Ну, Бурушка, давай! Иээээээээххххххххх!

Илья ударил по газам. Варя показалось, что байк заржал и встал на дыбы.

– Видели добра молодца сядучи, да не видели добра молодца поедучи, – сказал одобрительно Прохор и помахал вслед клетчатым кухонным полотенцем.

Бурушка и в самом деле оказался зверем. До Осинкина домчались мгновенно. При виде Ильи в байкерском обличье магазинчик быстро опустел. Варя с выражением читала список вслух, Илья расплачивался и укладывал пакеты.

– Всё! – сказала Варя.

– Поехали! – прогремел Илья, и только пыль взвилась следом.

Вечером бабушка уже встала. Надела спортивный костюм, вышла в сад, а потом они с Ильёй допоздна о чём-то тихо беседовали.

Ксюша Бубликова непременно подслушала бы их разговор... Варя хищно прищурилась, – точно как она, – поправила невидимые очки, подкралась на цыпочках к двери и наострила уши.

– Ох, Илюша, ну и наломала я дров. Вроде Премудрой называют, а вышла дура душой. – Бабушка шмыгнула носом.

– Что ты, что ты, Васили сушка! Зачем на себя наговаривать?

– А как это иначе называется? Варя сама ещё ребёнок, ей ласка нужна.

А я с ней как со взрослой. Лишний раз не похвалю, по голове не поглажу, только требую. Ну вот и дотребовалась. Чуть девчонок не потеряла. Если бы не Варя...

Бабушка окончательно расплакалась, дед Илья принялся её утешать, а Варе вдруг стало невыносимо стыдно.

– Дура ты, Бубликова, – прошептала Варя. – Отвали, поняла? Отвали, а то как врежу!

Бубликова скукожилась и куда-то делась. А Варя отправилась на кухню, к Ляльке – читать ей вслух про Чудо-дерево.

Домовой Прохор перебирал гречку, слушал и умилялся:

– Надо же, как у тебя ловко получается! Червячки да точки, а вместе слова выходят.

– Проша, а ты что, неграмотный?

– Где уж мне, – закручинился домовой. – Хозяйство не пускает. То одно, то другое... Василиса учила меня, учила – никак! Если что новенькое приготовить надо, так она мне вслух прочтёт, а я и запомню. Хочешь, торт «Наполеон» испеку?

– Вот бабушка поправится, можно будет и испечь. А давай попробуем, может, я тебя читать научу?

– Что ты! Василису не зря Премудрой называют, и то у неё не получилось.

– Спорим, у меня получится?

– На что спорим? – деловито поинтересовался Прохор.

– А вот на этот самый «Наполеон»!

– Ладно, если выучусь – испеку, да не простой, а в тридцать три слоя! А если не выучусь?

– Тогда... тогда я что-нибудь испеку! Вкусное!

– По рукам!

Варя нырнула в кухонный шкаф, достала пакет с печеньем и высыпала его в миску.

– Вот, видишь? Печенье «Алфавит» называется – всё из букв. Вот это «а». Найди все такие же печеньки!

Прохор стал увлечённо рыться в миске и проглядел, как ушёл Илья. Варя отправилась его проводить.

– Василису береги! – сказал Илья. – Нас много, а она такая одна.

– Кого «нас», дедушка?

– Как кого? Богатырей! Ну, счастливо вам оставаться. На рассвете уеду.

Илья скрылся в темноте, а Варя ещё долго стояла, слушала летнюю ночь. Потом закрыла калитку и пошла домой.

Бабушка уже спала. И Лялька спала – в кухне, с недоеденным блинчиком в кулаке. Прохора видно не было. На столе лежало разобранное на две кучки печенье – и в той, что справа, были только буквы «а»!

Варя отнесла сонную Ляльку в постель, подоткнула ей одеяло. На подоконник из сада бесшумно запрыгнул кот Василий, взглянул на Варю исподлобья и устроился на Лялькиной подушке.

Варя взяла фонарик и пошла в комнату, где стояли книжные шкафы.

Утром бабушка выпила не только живую воду, но и чай. И яблоко съела. Варя накормила грустного Снежка, полила розы, похвалила Прохора за выполненное задание, обсудила с ним обед. Потом набралась смелости и пошла к бабушке.

Бабушка сидела в постели, обложенная лоскутами зелёного шёлка, и шила новое платье для Васьки. Сама Васька была тут же. Лялька гладила её по голове, о чём-то с ней шепталась. Кукла не отвечала, но по глазам-пуговицам было видно, что она всё понимает. Кот Василий сидел на подоконнике и за всеми приглядывал.

– Вот и ты, Варюша! Мы по тебе соскучились, – сказала бабушка и улыбнулась.

От волнения у Вари пересохло в горле.

– Бабушка, можно с тобой поговорить? – спросила она и почувствовала, как горят щёки.

Бабушка отложила шитьё. Глаза у неё слегка позеленели.

– Можно, конечно. Лялюша, ты пойдёшь пока в сад, ладно? Вася, присмотри за ребёнком.

Варя закрыла дверь за сестрой и котом, глубоко вдохнула и спросила:

– Бабушка, ты ведь правда Василиса Премудрая?

– Конечно, – спокойно ответила бабушка. – Только знаешь что, Варюша? Ты спрашивай, а я отвечать буду, если смогу. Не на все вопросы ответить можно. Не мои это тайны. Вот так. И вообще, любопытной Варваре нос оторвали. Понятно?

– Я вчера специально сказки читала. Там написано, что Василиса Премудрая – дочь Кощея Бессмертного... И Баба-яга то же самое сказала.

– Баба-яга обычно врёт. Но тогда не соврала.

– Так в сказке про Царевну-лягушку правда говорится? Там написано, – Варя зажмурилась, вспоминая, – «Василиса Премудрая хитрей, мудрей

своего отца уродилась. Он за то осерчал на неё и велел ей три года лягушкой быть».

– Всё правда, – коротко ответила бабушка.

– А какой он, бабушка? Где он сейчас? Расскажи!

– Тяжело мне о нём вспоминать, Варя. Расскажу, только чтобы потом не переспрашивать, идёт?

Варя только и смогла кивнуть.

– Он там, в Нави обитает. Где ж ему быть, как не там? Иногда пытается сюда, на другой берег прорваться. Но ребята начеку, мимо них не пройти. Какой он? Сложно сразу объяснить... Несчастный он. Потому что никогда никого не любил. Даже в то, что есть на свете любовь, не верил. И сейчас не верит, конечно. Умный он и холодный. Холодный, как тот лёд, что никогда не тает. Знает много, а вот меня так и не узнал по-настоящему. Всё говорил: «Что ты вечно с книгами? Кого ты из себя корчишь? Умнее родного отца хочешь стать? Иди, вышивай! Или танцевать учишься, авось хоть этому выучишься – тут большого ума не надо! А то кто тебя замуж возьмёт? Скажут женихи: больно умная, кому такая нужна! Так никому и не понадобится». Танцевать-то я научилась, да и вышивать тоже. А с книгами расстаться не захотела. Вот он меня в лягушку и превратил. Посиди, говорит, непослушная дочь, в болоте, поквакай. Авось лишний ум из головы повыветрится... Вот так, а дальше всё в сказке написано.

– Бабушка, а как тебя называли, когда ты маленькой была?

– Как-как... Васькой, конечно. Как же ещё? – Бабушка чуть-чуть улыбнулась.

Варя быстро перелистала в уме страницы прочитанной вечером книги и поняла, что про Кощея больше спрашивать не надо. Но другие вопросы не давали покоя, висели на кончике языка.

– Баб, а как ты узнала, где нас искать?

– Помнишь, Ляля себе подвеску выбрала, глаз малахитовый? У меня вторая такая есть. Если человек с такой подвеской в беду попадёт, во второй малахит чернеет. А одна подвеска другой дорогу к себе показывает.

– А Бабу-ягу ты что, правда... убила?

– Нет, – спокойно ответила бабушка. – Убить только живое можно, а Баба-яга— нежить, всё равно что мёртвая. Гнилая она вся изнутри. Вот и лопнула от моего меча, как перезрелый гриб-дождевик, всё вокруг гнилой пылью засыпала. Убить её нельзя, а вот победить можно – правда, на время только. Потом пыль вместе соберётся, и опять Баба-яга будет белый свет коптить: ни себе ни другим не на радость.

– А с ягошами что теперь будет?

– Проснутся и дома очутятся. Там их уже двойшки дожидаются. Те не зря из паутины связаны: наденутся на ягош, как сеть.

– Так они на всю жизнь ягошами и останутся? – с ужасом спросила Варя.

– Всё от них самих зависит. Кто сил да ума наберётся, вырастет из сети и разорвёт её в клочья. А кто не сможет или не захочет, так всю жизнь и проживёт, как Баба-яга задумала.

Варю передёрнуло.

– А дед Илья куда уехал?

– Муромец-то? На реку Смородину, к Калинову мосту. На заставу богатырскую, куда ж ещё. Алёшу Поповича сменить. Тяжёлая там служба, только богатырям по плечу. Нежить с того берега пробраться пытается: кто силой, а кто хитростью. Так что без отдыха никак.

– А какая нежить, бабушка?

– Всякая, – в бабушкином голосе звякнула сталь.

– А помнишь, вы с дедом Ильёй уехали? Тогда тоже нежить пробиралась?

– Циклоп заблудился, – неохотно сказала бабушка. – Ну, ребята меня и вызвали. Сами они долго не разговаривают: сразу меч да булаву в ход пускают. А циклоп, он хоть немного, но человеческую речь понимает. Значит, с ним договориться можно. Да только богатыри наши греческого языка не разумеют. Циклоп – гора горой, ты же на картинках видела. Да и глуховат – они такие, циклопы. До него ещё докричаться надо. Вот я голос и сорвала, зато циклоп живой ушёл. Он же не виноват, что таким на свет появился. Пусть в своей пещере живёт, а людей в покое оставит.

– А к нам тогда твой сокол прилетал, да?

– Нет, Лютень меня в Заречье ждёт. Они с Сивером на наш берег перейти не могут.

Это Финист-Ясный сокол по дороге свернул словом перемолвиться...

Тут Варя пришла в голову такая мысль, что ей стало нехорошо.

– Бабушка... Ведь если ты Кошечкина дочка, значит, я Кошечкина правнучка?

– Ну да, – спокойно подтвердила бабушка.

– Ой... – вырвалось у Вари.

– Не «ой». Неважно, чья ты дочь, внучка или правнучка. Главное – кто ты есть. А самое главное – что ты делаешь.

В дверь поскрёбся домовый Прохор:

– Не надо ли чего, хозяйка?

– Нет, Проша, спасибо. Хватит на сегодня, Варюша. Усталая.
– Отдохни, бабушка. За Лялькой мы с Прохором приглядим.
– Спасибо, Варвара-краса, длинная коса. – Бабушка погладила Варю по голове, чмокнула в макушку. – Спасибо, моя хорошая. А я и правда усну, пожалуй.

Варя на цыпочках вышла из комнаты и бесшумно закрыла за собой дверь.

Впереди почти целое лето – здесь, в Дружинине, с бабушкой. Вот здорово!

Часть третья

Ярилин день

Вскоре бабушка окончательно поправилась, и всё пошло по-прежнему. Только добавились занятия с Прохором.

– Вот грамоте выучусь, – рассуждал он, – все как есть поварские книги прочитаю! А то я всё по старинке... Говорят, такой торт есть – «Графские развалины» называется. Ещё полено какое-то, вроде как шоколадное... Ты про полено это не слыхивала?

– Нет, Проша! Мама готовые торты покупает, ей на кухне крутиться некогда.

– Вот и Василисе тоже некогда... А домовый-то на что? Ну так какие там ещё буквы есть?

– Вот смотри, Проша, это буква «о».

– Круглая, как сито?

Лялька сидела рядом, смотрела, как Прохор выбирает из миски печенки с буквой «о».

Смотрела-смотрела и сама вытащила пару печенек.

– О! – сказала она и сунула поджаристую букву в рот.

– Правильно, молодец! – ответила Варя и погладила малявку по голове.

Прохор глянул на Ляльку и тоже захрустел печенюшкой.

– «А» знаю, «о» знаю. Давай другие буквы, вон их там сколько!

Варю осенило. Надо, чтобы Прохор что-нибудь прочёл! Сам прочёл!

– Вот это «к». Найди ещё!

Букву «к» домовый нашёл немедленно. И тут же съел.

– А это «ш».

– Ага, на вилку похожа!

«Ш» оказалась особенно поджаристой и хрустящей.

Варя покопалась в миске с печеньем, выложила слово. Постучала незаметно по столу – на счастье – и сказала:

– Читай!

– Каааааааа... шаааааа... Каша... Каша! Ура-а-а-а! Ка-а-ша-а-а!

Прохор запрыгал от восторга. Легко, как кот, взбежал по стене и повис на занавеске.

– Читаю! Грамоту знаю! Триста лет неграмотный жил, а теперь читать

умею! Ура-а-а-а! Будет тебе «Наполеон», моё слово твёрдо!

– Проша, ты молодец, но букв ещё много!

– Ничего, эти выучил, и остальные выучу, лиха беда начало! Ох и удивится Василиса! А то неудобно: хозяйка премудрая, а домовой у неё неграмотный. На добром наученье благодарю покорно!

Прохор съел печенюшку и сказал:

– Хватит, а то облопаюсь на радостях!

С утра бабушка сидела за вышивкой. Огромный куст на белой канве расцвёл яркими розами, рядом со скамьёй легла тень, и рисунок стал совсем живым...

– Баб, – спросила Варя, – а когда вышивать будем учиться?

– Хоть сейчас! – Бабушка открыла дверцу шкафа.

Варя ожидала, что они будут вышивать вдвоём. Даже приглядела себе нарисованное дерево за скамьёй. А получила пяльцы: два кружка, вложенных один в другой. И квадрат ткани с простеньким рисунком – бабочкой.

– Смотри, стежок идёт вот так – видишь? Ряд за рядом, а потом обратно. Попробуй сама.

– А можно вместе с тобой, баб?

– Научись на простом, потом и за сложное возьмёмся.

Нитка не слушалась, стежки получались разной длины. Потом дело пошло на лад, и Варя сосредоточенно посапывала, орудуя иглой.

Бабушка напевала что-то себе под нос, из окна дышало летом и сиренью... Здорово!

– Баб, готово, посмотри!

– Сначала хорошо, а вот отсюда пошло вкривь и вкось. Распарывай и давай сначала.

Второй раз получился удачнее. Но бабушка перевернула пяльцы и сморщила нос.

– Узелки! На хорошей вышивке узелков не бывает, запомни! Перепарывай.

Очень хотелось обидеться и уйти. Но было понятно, что обижаться не на кого. К тому же бабушка показала, как закреплять нитку без узелка, и это оказалось совсем не сложно.

Потом бабушка ушла заниматься с Лялькой, а Варя упорно продолжала вышивать. Вот одно крыло готово, а на другом осталось вышить только пару красных пятнышек, по четыре крестика каждое...

– Варюша, полдничать пора! Ну-ка, покажи, что там у тебя получается... Молодец! Бабушкина внучка, сразу видно. И изнанка хороша. Пойдём, там у Прохора сырники остывают.

На следующий день бабочка была готова, даже тонкие усики вышиты стебельчатым швом.

Бабушка внимательно осмотрела работу с лица и с изнанки, одобрительно кивнула и дунула на неё.

Яркая вышитая бабочка вспорхнула с канвы, покружила под потолком и вылетела в окно.

– Вот видишь? – сказала бабушка онемевшей от удивления Варя. – Значит, всё правильно сделано. А были бы узелки, так не полетела бы. Как летать, если ты привязана?

– А... а что с ней теперь будет?

– Захочет – вернётся. Бабочка вольное существо, никто ей не указ.

– Как сокол, да, баб?

– Сокола приручить можно, а бабочку – нет. Пусть летит.

– Баб, а теперь будем вместе вышивать?

Синие бабушкины глаза блеснули за очками.

– Будем! Только уговор: работу распределяю я. Договорились?

– Договорились, – вздохнула Варя.

Вместо дерева у скамьи досталось вышивать лужу на дорожке.

– Это проще, – пояснила бабушка. – Всего семь оттенков. Дерево – целых тринадцать. Пока лужей займись. Она, кстати, в очень важном месте.

«Да что может быть важного в луже?» – подумала Варя, но вдела нитку в иголку и принялась за дело, стараясь не сталкиваться локтями с бабушкой.

– Баб, а почему здесь эта лужа?

– Потому что прошёл дождь, полил всё. Теперь пахнет мокрой землёй, розами. Листья промытые блестят, трава так и лезет... Хорошо!

Бабушка мечтательно прищурилась. Ясно: предвкушает, как будет отдыхать в вышитом парке.

Варя чуть не лягнула: «А я знаю, что ты можешь уходить в картину!», но вовремя прикусила язык. Было стыдно признаться, что подглядывала.

Вышивать лужу Варя закончила через два дня. Она и правда оказалась в важном месте: сразу бросалась в глаза. В ней отражалось дерево, играл солнечный свет. А ещё через день на краю лужи оказалась бабочка – та самая, с красными пятнышками.

– Баб, смотри, она вернулась!

– Я же говорила, – улыбнулась бабушка. – Видишь: сидит, пьёт. Полетала и возвратилась.

– Баб, а научишь, как куклу сделать? Такую, как Васька, хорошо? Без неё я бы там пропала, в Заречье.

– Чтобы такую куклу сделать, большое уменье нужно. Давай пока с простого начнём: с мотанки.

– С какой Таньки?

– С мотанки, – терпеливо повторила бабушка. – Её не шьют, а мотают. Она простая, но силы в ней много. Дай-ка во-о-он тот пакет... А теперь смотри.

В ловких бабушкиных пальцах мелькали разноцветные лоскутки, тянулись нити.

– Ножницы даже не трогай! – приговаривала бабушка. – Только руками, поняла? Вот, готово!

На ладони у неё сидела маленькая смешная кукла – в пёстрой юбке и с длинной косой.

– Теперь нужно будет ей подарок сделать и что-нибудь приятное сказать. Тогда она работать будет и наше желание исполнит. Сейчас мы ей бусы дадим... Смотри, какая ты у нас красавица! – Бабушка показала кукле зеркало.

– Бабушка, а почему она без лица? Ни глаз, ни рта, ни носа?

– Так полагается, Варюша! Достаточно в этом доме глаз, других не нужно.

Вечером Варя дождалась, когда Лялька уснёт, и принялась мотать свою первую куклу. Получилась она слегка кривобокой, но весёлой и нарядной. Варя прошептала кукле на ухо своё желание и устроила её жить в тумбочке.

Из-за Дядькиного дня рождения Прохор вконец захлопотался. Утром так и заявил:

– Ничего не поделаешь, хозяйка, придётся подмогу звать! Уж больно много народу соберётся!

Бабушка приподняла бровь, но легко согласилась:

– Как скажешь, Проша!

– А кто будет, баб? – встряла в разговор Варя.

– Любопытной Варваре нос оторвали, – в который раз отшутилась бабушка.

– Ба-а-а! Ну серьёзно!

– Серьёзно? Ребята с заставы приедут, кто вырвется. Марья, Финист. Подружек и приглашать не надо, сами явятся. У нас давний уговор.

– Ба, а ты разве знала, что мы с Лялькой приедем?

– Не знала. А подружки ко мне каждый год приезжают – кто может, конечно.

– А какие у тебя подружки, ба?

– Обычные. Принцессы как принцессы.

– Ну ба-а-аб! Правда?

– Конечно!

– Что, и Белоснежка приедет?

– Нет, не приедет.

– А Золушка? Она ведь тоже принцесса, раз за принца замуж вышла.

– Не такие у меня подружки, Варюша, чтобы мачехе прислуживать или гномам обеды готовить. И от фей-крёстных они ничего не ждут, сами за дело берутся. Недаром про них сказки сложены. Фантагиرو армией командовала и войну без единого боя выиграла. А Сфортуна^[3] саму Судьбу победила.

– Круто! А как же она с Судьбой справилась?

– Как-как... Умом и отвагой! Не каждая решится собственную Судьбу в горном ручье выкупать.

– Почему, баб?

– Ох, почемучка. Вот сама её и спроси. Захочет – расскажет.

– Баб, а зачем твоим подружкам Лялькин день рождения?

– Вообще-то день рождения у меня, – сверкнула улыбкой бабушка. – Мы с Лялькой в один день родились. Ну, я пораньше немного...

Поджаристый оладушек комом встал у Вари в горле.

Скоро бабушкин день рождения, а она и не знала об этом! И подарка никакого не приготовила! И взять его неоткуда!

– Баб, а сколько тебе исполняется?

– Много! Сколько ни есть лет, все мои! Спасибо, Проша, оладушки просто объеденье.

Бабушка вытерла губы салфеткой, отодвинула стул и отправилась в кабинет, прямая и стройная, как свеча. На ходу обернулась и спросила:

– Ты уже придумала, что Ляле подарить?

– Н – н-н-нет... А зачем? Она же всё равно ничего не поймёт. И не запомнит... Она ж ещё маленькая.

Бабушка только фыркнула в ответ. Но глаза у неё позеленели.

Варя читала Ляльке про Дюймовочку, а сама лихорадочно

придумывала, что бы такое подарить бабушке. Ничего толкового в голову не приходило. Ляльке можно фенечку сплести, бисер есть. А бабушке что?

Сказка кончилась, и Лялька потащила сестру за новой книгой. Подвела к шкафу и сказала:

– Дай!

Варя достала с полки книжку про Золотого петушка, и Лялька вприпрыжку убежала на веранду – рассматривать яркие картинки. Лягушки глазели из-за стекла, словно что-то понимали и одобряли. Подсказывали...

Лягушки!

Варя помчалась к себе в комнату. Вытащила из тумбочки коробку с бисером и принялась подбирать нужные цвета.

Зелёный разных оттенков, золотистый, перламутрово-серый, коричневый. Пара чёрных бусинок для глаз.

Руки не сразу вспомнили знакомые движения. Варя подёргала себя за косу, чтобы успокоиться, и начала всё с самого начала. Нанизывая бисеринки на проволоку, мысленно поблагодарила Юлю Кирееву за науку. Лишь бы хватило времени и терпения...

Вечером, когда бабушка купала Ляльку, Варя оглянулась на дверь и шепнула:

– Проша, глянь-ка, что у меня есть...

– Ну и ну! – Прохор хлопнул себя по бокам. – Ай да искусница! Не первую сотню лет на свете живу, а такого не видывал! А ну, дай поддержать!

Бисерная лягушка как раз уместилась в ладони домового: толстенькая, с чёрными глазами-бусинами и крапчатым брюшком.

– Слушай, а чего это она такая насупленная да сердитая?

– Не знаю, Проша. Вроде по схеме плела. Как думаешь, бабушке понравится?

– Ещё бы!

– Правда?

– Истинная правда!

– Понимаешь, у неё этих лягушек целый шкаф...

– Ну и что? А такой, да ещё от любимой внучки – нету! Дорог не подарок, дорога любовь! А ещё желание порадовать да внимание! Не бойсь, всё путём! Ну-ка, погодь...

Прохор шмыгнул за плиту и исчез: как раз вовремя, чтобы обдумать услышанное.

Любимая внучка – значит, бабушка её, Варю, любит?

– Вот, смотри!

На мозолистой ладони Прохора сидела Варина лягушка – с крохотной короной на голове.

– Ой, Проша! Вот здорово! А как она держится?

– Как-как... Секрет!

– Варюша, ванная свободна! – позвала бабушка.

– Ты только не проболтайся, Проша! Ладно?

– Конечно! А то не будет этого, как его... ну, про суп что-то и про рис...

– Сюрприза?

– Во, правильно! Суприса не будет!

– Будет, Проша! Обязательно! А ты что подаришь, а? Или тоже секрет?

– Секрет! – Прохор подмигнул и исчез за плитой.

После лягушки сплести простенькую фенечку – плёвое дело. К изумрудно-зелёному бисеру Варя добавила три бусины из Васькиного ожерелья, которые так и остались лежать в кармане толстовки. А потом они с Лялькой низали Ваське новые бусы: из лилового бисера, зелёного и золотого. Оставшиеся три бусины из кармана пошли туда же. Лялька сама надела кукле новое ожерелье и сказала:

– На!

– Носи на здоровье! – добавила Варя.

Кукольные глаза-пуговицы блеснули в ответ.

Под утро Варя приснилось, что они с Лялькой садятся в самолёт – лететь в Сингапур, к папе. Озабоченная мама роется в сумочке, ищет билеты. Лялька крепко держится за Варину руку, прижимает к себе Ваську в новом сарафане. Рядом взлетает огромный лайнер, моторы режут так, что уши закладывает...

Варя проснулась, но рёв никуда не делся. Наоборот, он приближался и нарастал, как волна.

И на гребне этой волны во двор влетел чёрный байк.

Дед Илья приехал! Варя выпрыгнула в окно как была – в пижаме.

Байкер был куда меньше и тоньше огромного Ильи. Вот он стащил глухой шлем, встряхнул густыми рыжими волосами...

Байкер оказался женщиной! Да к тому же пожилой: в буйной рыжей гриве светилось много седины.

– Марьюшка! – Навстречу гостье бежала бабушка, а на крыльце стоял взъерошенный со сна Прохор с огромным подносом в руках. На подносе лежал вчерашний пирог с капустой.

– Проша, – вполголоса спросила Варя, – это кто приехал?

– Как кто? Марья Моревна, прекрасная королева. Они с хозяйкой подруги давние, да и служили вместе.

– В Рубежной страже, да?

– А то где же? – Прохор приосанился и засеменил навстречу гостье с пирогом наперевес.

На королеву байкерша совсем не походила. Чёрный комбинезон с «черепашкой», наколенники, налокотники... Но осанка у неё была королевская, это точно. Она отломил кусочек пирога, сунула в рот.

– Спасибо, Проша! Давно я твоих пирогов не едала.

– Для добрых гостей, Марья Моревна, всё, что есть в печи, всё на стол мечи!

Варе вдруг стало неловко стоять в пижаме. Но тихонько улизнуть к себе не получилось.

– Марьюшка, это Варя, моя внучка!

– Привет! Так это ты в Заречье побывать успела?

– Д-д-да... – выдавила Варя и уставилась себе под ноги.

Неужели бабушка рассказала подруге, каким ветром Варю занесло в Навь? И про то, как она изводила Ляльку?

– Молодец девчонка! С Бабой-ягой не каждый справится.

В голосе Марьи Моревны не было насмешки, и Варя осмелилась на неё взглянуть.

У прекрасной королевы оказался короткий вздёрнутый нос. Раскосые глаза, жёлтые, как у кошки, с веерами морщинок чуть не до висков. Скуластое лицо усыпано веснушками, точно у Катьки Артемьевой – она тоже рыжая, только стриженная под мальчишку. А у Марьи Моревны рыжая грива до лопаток.

– Молодец! – повторила гостья и погладила Варю по голове. – Бабушкина внучка, сразу видно.

– Пойдём, Марьюшка, пойдём! Чаю с дороги выпьешь.

– Да я и поела бы чего-нибудь...

– Проша, есть чем гостью дорогую накормить?

– Обижает, хозяйка! Конечно.

– Да я шутя, Проша, не принимай близко к сердцу... – виновато сказала бабушка.

Прохор фыркнул и исчез на кухне.

Тут из дома вышел кот Василий. Подошёл к Марье Моревне, потёрся об её высокие ботинки. Подобрался, прыгнул и полез по комбинезону вверх, как по дереву. Улёгся у Марьи на плечах рыжим меховым воротником и замурлыкал басовито.

– Здравствуй, здравствуй, Васенька. – Марья Моревна почесала коту за ухом. – Как живёшь – можешь?

Василий принялся бодать гостью пушистым лбом, тереться об её шею. Бабушка рассмеялась, погладила кота, и все трое отправились на кухню – оттуда уже тянуло жареной ветчиной. А Варя улизнула к себе, одеваться.

– Баб, а Марья Моревна – она кто? – спросила шёпотом Варя, когда гостья ушла отдохнуть с дороги.

– Как – кто? – приподняла бровь бабушка. – Ну вот ты переговорщик, а она?

– А-а... Она сакмагон – ну, следопыт по-нынешнему. В степи никто от неё не уйдёт. Марья сутками может из седла не вылезать, а следы лучше всех читает... Пошли, совет держать будем!

Совет собрался на веранде, вокруг плетёного диванчика, на котором устроилась бабушка. Кот Василий тоже пришёл, хоть и делал скучающую морду.

– Ну что, Проша, как у нас дела? Что завтра дорогим гостям подавать будем?

– Пирог! Всякие: просыпные, защипные и подовые. Косые, долгие и вислые! С капустой, с рыбой, с картошкой! С маком, с вишней и с яблоками! Пора, хозяйка, вызывай подмогу! Работы много, знай успевай поворачиваться.

Бабушка вышла на крыльцо и хлопнула в ладоши.

– Мамки, няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь! К Прохору под начало отправляйтесь! Из воли его не выходите, во всём ему подчиняйтесь!

В воздухе замелькали тени. Зашептались, захихикали невидимые помощницы, шурша подолами.

– Все за мной, на кухню! – Прохор воинственно выпятил бороду. – Да не галдеть и по сторонам не зевать! Живо у меня!

– Баб, а мне что делать? – не утерпела Варя.

– На подхвате быть! Дела всем хватит. Праздник много труда требует.

Варя порадовалась про себя, что подарки уже готовы.

Байк так и остался стоять под кустами сирени. Спереди на нём был нарисован пёс: пятнистый, с висячими ушами и длинными крепкими

лапами. Морда у пса была такая, словно он приглядывается и принюхивается к летящей под колёса дороге. Ужасно хотелось залезть в седло, подержаться за руль...

Но смелости хватило только погладить нарисованного пса.

– Молодец! – прозвучал низкий хрипловатый голос.

Марья Моревна подошла совершенно неслышно, как из воздуха сгустилась.

Рука у Вари отдернулась сама, словно нарисованный пёс её укусил.

– Молодец, что в седло не лезешь, остерегаешься. Он у меня с норовом, кому попало в руки не даётся. Сядет кто чужой и окажется... далеко окажется, в общем. Ну-ка... Свои, свои! – Она похлопала по рулю. – Вот теперь можно. Садись!

На Марьином байке сиделось как на лихом коне, который вот-вот заржёт и поскачет невесть куда, только пыль столбом из-под копыт. От него пахло бензином и кожей, а от Марьи Моревны – странными духами с густым травяным ароматом. Наверно, так пахнут дальние странствия с приключениями...

– О! Голова садовая! – Марья хлопнула себя по лбу и принялась шарить по карманам. Вытащила что-то маленькое, зажала в кулаке и зашагала к дому. Любопытство погнало Варю следом.

– А сидишь ты ничего, с толком, – одобрительно сказала Марья Моревна. – Кровь, она сказывается. Верхом ездить хочешь?

От восторга у Вари перехватило горло. Получилось только кивнуть.

– У меня тут конюшня неподалёку. Если бабушка отпустит, можешь со мной поехать, поучиться.

– Отпустит, конечно!

– А падать не боишься?

– Нет! – Варя затрясла головой от возмущения.

– Не зарекайся! – предостерегла Марья Моревна. – Падать тот не боится, кто уже падал, поднимался и опять в седло лез. Ну, посмотрим...

Бабушка несла из дома в сад стопку пластиковых стульев. Лялька тащила за ней пластиковую табуретку.

– Василиса, прости, чуть подарок передать не забыла. Ящерка не придет, форс-мажор у неё: шахту залило малахитную. Вот, тебе отвезти велела.

В бархатной коробочке оказалась брошка: на тонком стебле ажурный лист, выточенный из зелёного камня, и маленький алый с золотом цветок. В сердцевине у него горел, сыпал искрами прозрачный камешек.

– Красота-а-а... – восхищённо протянула Марья Моревна.

– Красота, – согласилась бабушка. – Нигде больше таких мастеров нет, как в горе у Ящерки. Завтра же надену! А пока пошли всё на лужайку таскать.

Пластиковые столы, кресла и стулья носили все, даже Лялька. А Марья Моревна перетаскивала и раскладывала на земле какие-то огромные щиты.

– Баб, а что это такое? – шёпотом спросила Варя.

– Танцпол.

– Танцы будут, да?

– Конечно!

Варя чуть не хихикнула, но удержалась.

– Баб, а Марья Моревна не надорвётся? Эти штуки вроде тяжёлые.

– Не надорвётся. Она же поляница удалая. Сила у Марьи немереная, не всякий богатырь её одолеет.

– А что... – начала было Варя и прикусила язык. Бабушка точно пошлёт в книгу посмотреть, что такое поляница, да ещё так глянет... – А что у неё за духи такие? Вроде травой пахнут.

– Это и есть емшан-трава, полынь. В степи знаешь как полынью пахнет, особенно в жаркий день, аж голова кружится... – Бабушка прикрыла глаза. – Запах в волосы въедается, в одежду, долго-долго держится. Эх, давно я в степи не была... Составляй столы в ряд, заговорились мы с тобой. Да сбегай в кухню, скажи Прохору, что нам обедать пора.

Кухня стала огромной – такой, что конца-краю не видно. Столов и плит – не сосчитать. Невидимые руки просеивают муку, месят тесто, чистят картошку – и всё так быстро и сноровисто, что бабушка наверняка осталась бы довольна. Болтовня и хихиканье сливаются в неразборчивый гул, а посреди всего этого расхаживает Прохор.

– Проша, нам бы пообедать...

– Сейчас-сейчас... Эй, болтушки, не лениться там у меня! Пельменей сварим, вот и ладно будет.

– А на праздник только пироги будут, да?

– Пироги всякие, ну там ещё что по мелочи... Надо, чтобы гости довольны остались. На заставе добры молодцы щи да кашу варят сами, тут большого уменья не надо. Дичину добудут – мяса нажарят. Вот пирогов там в заводе не бывает, а хочется небось пирожка-то! У нас и поедят в охотку, и с собой возьмут. Захотят, мы и пельмешков им сварим, у меня впрок много нащипано да наморожено.

Пельмени у Прохора были на славу. Ели их и с маслом, и с горчицей, и со сметаной. Потом Ляльку уложили спать и отдохнули сами. Потом все вместе расставляли и накрывали столы, натягивали тент...

Ночью над домом кружила летучая мышь. Огромная, чёрная: выныривала из темноты и опять в ней растворялась. Бесшумно парила над домом, заглядывала в окна. Потом полетела навстречу полной луне и исчезла.

На рассвете тихо тренькнул будильник. Варя выскользнула из постели, положила рядом с Лялькиной подушкой фенечку. Кот Василий приоткрыл жёлтый глаз, глянул сердито и опять уснул. Васька в новом сарафане сидела на подоконнике, независимо вздёрнув нос.

С бисерной лягушкой в кулаке Варя на цыпочках прокралась в бабушкин кабинет. Там на столе рядом с ноутбуком стоял поднос, а на нём – невозможной красоты пирог.

Сверху на пироге разместился целый город. Дома, сады, крепостные стены – всё из румяного, с блестящей корочкой теста, расписано яркой цветной глазурью... Прохор постарался, больше никому!

И точно, на пироге красовалась сахарная надпись: «Ат Прошы». Варя пристроила свою лягушку рядом. Получилось очень даже ничего.

Послышались лёгкие шаги, запахло ландышем – вошла бабушка. Вошла и остановилась на полушаге, глядя на стол. Постояла, взяла бисерную лягушку, подержала её на ладони. Погладила по пятнистой спинке, прижала к щеке...

– С днём рождения, баб... – пробормотала Варя.

Бабушка вздрогнула и посмотрела на внучку так, словно в первый раз её увидела – откуда-то издалека.

– Спасибо, Варюша. Спасибо, хорошая ты моя.

– Тебе нравится? – осмелела Варя.

– Очень! Это ты сама сделала?

– Ну да. Меня Юля научила, она в кружок ходит. Тебе правда нравится? А то Прохор говорит, что лягушка сердитая и насупленная.

– Так это мой портрет. Вот такая я и была, когда в болоте сидела. Это кикиморе в болоте хорошо, а мне там плохо было.

– Извини, баб... Не хотела напоминать. У тебя вон сколько разных лягушек, вот я и...

– Всё хорошо, Варюша! – Бабушка крепко обняла Варю. – Всё хорошо.

Тогда я такой была, а сейчас я другая. Без неё, без лягушки тогдашней, и меня сегодняшней бы не было. Нельзя её забывать и не надо. Так что будет она у меня жить-поживать.

– Её к мобильнику подвесить можно! – облегчённо затараторила Варя. – Или к сумке – брелок называется!

– Пока она у меня на тумбочке посидит! – объявила бабушка. – А это чудо Прохор, конечно, сотворил?

Бабушка поправила очки и присмотрелась к пирогу повнимательнее.

– Варюш, а что у тебя по русскому языку? Помнишь, как «жи-ши» пишется?

Раньше Варя дулась бы несколько дней, а сейчас едва удерживалась, чтобы не расхохотаться.

– Так это не я, баб! Это Прохор написал!

– Не может быть! Он же не умеет!

– Я его научила! – Варя прыснула от смеха, глядя, как взлетела бабушкина бровь. – Конечно, пока он ошибки делает, но мы будем дальше заниматься.

– Ну, чудеса! Сколько я ни билась, так и не сумела, а ты – раз, и готово!

– Баб, он очень старался. И переживал, что читать не умеет. Говорил, стыдно ему: мол, хозяйка премудрая, а домовой у неё неграмотный.

– Молодцы вы у меня! – подвела итог бабушка. – Научишь потом из бисера плести?

– Конечно, баб! Ой, смотри, смотри!

Во дворе стояла большая красная машина с открытым багажником, а в нём рылись две старушки: одна повыше, другая пониже.

Бабушку как ветром сдуло. Только что стояла тут, рассматривала через очки творение Прохора – и вот бежит со всех ног навстречу приехавшим.

– Чао, белла! – защебетали старушки.

– Чао, рагацци! – Бабушка бросилась их обнимать.

«Чао!» – постоянно слышно, когда бабушка Жанна со своими студентами по скайпу разговаривает. Это вроде бы по-итальянски...

– Варюша, иди сюда, знакомиться будем!

Волосы у старушек были голубоватые, тщательно уложенные, а глаза – молодые и весёлые. Старушки улыбались и кивали, пока бабушка говорила что-то щебечущее и непонятное. Когда она умолкла, Варя набралась храбрости и сказала:

– Буон джорно!

– О! – воскликнула та старушка, что повыше.

– Браво! – поддержала её вторая, похлопала Варю по плечу и разразилась потоком щебета.

– Баб, – шепнула Варя, – а что это значит?

– Что ты молодец. Приходи вместе с Лялей завтракать.

Лялька сидела в кровати и рассматривала фенечку.

– С днём рождения! – Варя легонько подёргала розовое Лялькино ухо. – Расти большая!

Мелкая разулыбалась и полезла обниматься.

К завтраку приехала ещё одна подружка: маленького роста, в очках с толстой оправой. Они с бабушкой уморительно кланялись друг другу – раз за разом, как заводные, – а потом рассмеялись.

«Интересно, кто это?» – подумала Варя.

– Идите сюда! – позвала бабушка. – Хино-тян, это мои внучки!

Чёрные волосы с густой проседью, за стёклами очков раскосые блестящие глаза – чем-то гостья походила на бабушку. Она ласково погладила Ляльку по голове и улыбнулась Варе.

– А когда принцессы приедут? – шепнула Варя бабушке на ухо.

– Так вот же они! – Бабушка показала на пьющих кофе старушек.

Что принцессы оказались немолоды, с этим ещё кое-как можно было смириться. Но с тем, что одеты они в джинсы и футболки... Принцессы без роскошных платьев с длинными шлейфами, без венчающих пышные причёски корон – нет, это просто невозможно!

Варя так и сказала бабушке – шёпотом.

– Варюша, так это настоящие принцессы. Таким все эти финтифлюшки особо не нужны. Когда надо – наденут. Захотят, и без них обойдутся. Они всегда настоящие: в бархате, джинсах или в лохмотьях. И в кольчуге тоже! Настоящая принцесса – это внутри, понимаешь?

Варя поняла. Но всё равно была безутешна.

– Васириса-тян! – голос у новой гостьи звенел как колокольчик.

Она поклонилась и протянула бабушке длинную узкую коробочку, поблёскивающую чёрным лаком. Любопытные принцессы тут же прибежали посмотреть – с чашками кофе в руках.

Бабушка поклонилась в ответ и открыла коробочку. Там оказался веер: большой веер с шёлковой кистью-подвеской, вывязанной хитрыми узлами.

Веер легко раскрылся в бабушкиных руках. На нём оказалась нарисована целая картина: река, по ней плывут лодки со складчатыми

парусами: большие и маленькие. На лодках человечки в широкополых шляпах, сквозь облака проглядывает солнце...

Стоило бабушке взмахнуть веером, как потянуло прохладой, влажным речным ветром. Принцессы восхищённо защебетали. А Хинотян взяла за руку Ляльку и направилась к своей машине: низкой и чёрной. Все потянулись следом.

В багажнике машины оказался дракон. Почти настоящий: красно-золотой, с грозно выпученными глазами и огромными перепончатыми крыльями. Вытаскивали его все вместе, но вытащить удалось только Марье Моревне.

Дракона уложили на траве. Он оказался длиннее машины. Лялька ходила вокруг него и сияла от восторга.

– Будет ветер посильней, запустим полетать красавца, – сказала бабушка. – Спасибо, Хино-тян! Давно мы воздушных змеев не запускали. Видишь, Лялюша, к тебе в гости дракон прилетел!

Тут зашуршали крылья, метнулась тень, и к ногам бабушки упала красная роза. А следом с неба стремительно спикировал сокол. Врезался в землю и встал на ноги – человеком.

– С днём рождения, Василиса! Я вперёд полетел, а ребята сейчас подъедут.

– Спасибо, Финист! Девочки, айда красоту наводить!

– Пошли! – Варя взяла за руку Ляльку.

Малявка едва не свернула себе шею, оглядываясь на дракона.

Варя наскоро переделалась в любимый джинсовый сарафан с вышитыми цветами. Надела на подпрыгивающую от нетерпения Ляльку сингапурскую футболку – ту самую, папину, с драконом. Лялька подхватила куклу, и все втроём побежали на веранду. Там на них набросились принцессы: щебеча что-то непонятное, надели на Ляльку невероятной красоты бусы из разноцветных стеклянных ягод. А ожерелье из полосатых, как карамельки, красно-белых бусин протянули Варе.

Пришлось опять вспомнить бабушку Жанну и её разговоры по скайпу.

– Граacie, милле граacie, – удалось произнести Варе.

Принцессы заулыбались, а Варя на минуту задумалась.

Лялька так и светится от радости. Сингапурская футболка, летучий дракон, бусы, а впереди ещё целый день праздника... Завидно?

Нет. Почему-то совсем не завидно. Весело. И щекотно внутри, словно там сплошные пузырьки, как в лимонаде. Что ещё сегодня будет?

Ух, интересно!

Варя надела ожерелье, и оно ласково прилегло к коже.

Зафырчал мотор. Во двор въехал чёрный внедорожник деда Ильи, но вылезли из него незнакомые люди. Высокий кряжистый мужик с седеющей бородой и двое других, на вид помоложе. Одеты все с бору по сосенке: кто в джинсы и футболки, кто в потёртый камуфляж.

– Вот и мы, Василисушка! – раскатистым басом сказал бородатый.

– Принимай гостей, хозяйка! – поддержал один из тех, что помоложе, потряхнув светлыми кудрями.

– Добро пожаловать, гости дорогие! – Бабушка стояла на крыльце, и у Вари перехватило горло от восторга.

Длинное, до полу платье делало бабушку ещё выше и стройнее. Блестели очки, шевелюра сияла на солнце, как серебряный шлем. А на платье цвела любимая бабушкина сирень. Лиловые грозди покрывали подол, рассыпались по светлой ткани там и сям, добирались до плеч.

– Добрым молодцам привет! А Илья что не приехал?

– Спину потянул! – хохотнул светлокудрый. – Ехал на заставу, тут фура на дороге. Колесо спустило, домкрата у горе-шофёра не оказалось. Ну, Илья фуру и приподнял, а она гружёная оказалась. Водитель небось решил, что ему померещилось, а Илья до сих пор пчелиным ядом лечится.

– Нашёл, Алёха, над чем зубоскалить! – сердито сказал бородатый. – Давай подарок неси!

На крыльце мгновенно оказались все: и принцессы, и Марья Моревна, и Хино-тян. Даже кот Василий бесшумно появился из-под кустов сирени, и Прохор из кухни прибежал.

– Вот! Это тебе от всех нас, Василисушка!

Бородатый сдёрнул грубую ткань с чего-то похожего на кукольный домик, и оттуда ударило таким светом, что Варя зажмурилась.

Когда удалось открыть глаза, оказалось, что в руках у бородатого птичья клетка, а в ней сидит кто-то похожий на пушистого цыплёнка. Только у этого цыплёнка были горящие чёрные глаза, на голове золотистый хохолок и несколько длинных пёрышек вместо хвоста. И сиял этот цыплёнок так, что глазам было больно смотреть.

Принцессы восхищённо завизжали. Марья Моревна прищурилась. Хино-тян не сводила глаз с клетки, и на лице у неё был восторг.

Бабушка только руками всплеснула:

– Неужто добыли жар-птицу, добры молодцы?

– А то кого же! – гордо ответил кудрявый. – Только он маленький совсем, птенец-то. Сказано его кормить горящими угольками, тогда красивый вырастет и петь будет. А потом будем ему золотые яблоки

привозить, жар-птицы их любят.

Клетку отнесли в дом и прикрыли полотенцем: пусть птиц обживается.

– Прошу к столу, дорогие гости! – Бабушка спустилась с крыльца.

– Нет, так не пойдёт! – заявил бородатый. – Сначала танец с именинницей! Проша, где там у тебя эта штука новомодная?

Прохор обернулся мигом. Приволок большой ящик с торчащей сбоку ручкой и жестяной трубой, похожей на цветок выюнка. Что-то нажал, покрутил ручку и полилась музыка.

Бородатый подтолкнул локтем кудрявого, тот – другого, самого молодого на вид, горбоносого, с тонкими щеголеватыми усами. Он вышел вперёд, поклонился бабушке, обхватил её за талию, и они закружились, полетели, заскользили по настилу.

Бабушкин подол порхал, закручиваясь на поворотах, гроздь сирени на платье то прятались в складках, то выныривали наружу, блестели на солнце очки...

«Непременно на бальные танцы пойду!» – решила Варя.

Музыка умолкла. Пара остановилась, и все заплодировали.

– Ура-а-а! – грянули богатыри.

– Виват! – поддержали принцессы.

– Банзай! – закричала Хино-тян.

Бабушка окинула взглядом гостей, улыбнулась и сбросила очки. Они повисли на серебряной цепочке, и...

И всё вокруг изменилось.

Исчезли морщины и седина. Все стали молоды.

И сияющие драгоценностями красавицы принцессы в бархатных платьях.

И Марья Моревна с огненной гривой волос под кожаной шапочкой, в тунике, штанах и сапожках из тонкой кожи.

И Хино-тян в расшитом пионами кимоно, со сложной причёской, украшенной резными шпильками.

Добры молодцы тоже щеголяли яркими нарядами. Бородатый был одет проще всех, но на шее у него блестел золотом витой обруч, даже на вид тяжёлый.

Молодая прекрасная бабушка оглядела гостей, улыбнулась и объявила:

– К столу!

Бородатый взял её под руку, а Лялька тут же оказалась рядом.

– Что нос задираешь? Зазналась? – спросил из-под ног знакомый голосок.

В тени от розового куста обнаружилась Васька.

Варя подхватила её на руки, крепко-крепко прижала к себе.

– Васька! Это ты!

– Нет, не я! – съехидничала кукла. – Ума-то у тебя не прибавилось, я смотрю. Ох, надо бы тебе грецкий орех в башку засунуть, да вот не придумаю, как... Отпусти! Хорошо, костей нет у меня, а то бы переломала...

– Это я от радости, – пристыженно сказала Варя. – Уж очень по тебе соскучилась.

– Я тоже, – призналась кукла. – Мы ж с тобой огонь, воду и медные трубы прошли. А теперь вроде и рядом, а не поговорить, словечком не перекинуться. Ещё бы тут не соскучиться.

– Васька, а сейчас ты почему разговариваешь? Мы же дома, не в Заречье.

– Потому что у хозяйки день рождения, да она ещё и очки сняла. И вообще...

– Что «вообще»?

– День сегодня такой, особенный. Ярилин день, макушка лета. Да ещё Василисе жар-птицу подарили. Они ведь в Ирии живут.

– Где-где они живут?

– Ох, глуподырая! Ты что, про Ирий не слыхивала?

– Да не бранись ты, Васька! Хоть ради праздника. Что это такое?

– Страна такая – у Латырь-горы, что за Рифейскими горами. Туда птицы на зиму улетают. Там всегда лето. Деревья там растут невиданные, а на них птицы гнездятся: Сириин, Алконост и Гамаюн, поют голосами неслыханными. Вот там жар-птицы и живут, золотые яблоки клюют, светом Ирия горят. Бывает, и к нам, в Явь, залетают...

– Ох, Васька, ну ты и сочиняешь!

– Чистую правду говорю, балда ты долговязая! – оскорбилась кукла.

– Ну отчего ты сразу кипятишься!

– Отчего-отчего... Сказано было тебе, беспамятной! От уголька, что в меня замотан!

– Варюша, где ты там! – позвала бабушка.

Варя подхватила куклу и побежала на зов.

Гости сидели за столом: ели, пили, смеялись и разговаривали. Вокруг стола похаживал нарядный Прохор, а в воздухе плавали блюда и кувшины.

Невидимые руки подавали и раскладывали еду, убрали ненужную посуду. Прохор вполголоса, а то и одними жестами распорядился, и всё делалось по его велению. Варя тут же получила тарелку с ломтями разных пирогов и стакан чего-то золотистого, пузырящегося.

– Ох и хорош же у тебя мёд, Васили сушка! – Горбоносый вытер усы. – Ещё!

К нему тут же подплыл по воздуху серебряный кувшин, и в подставленный кубок полилась золотистая струя.

– И мне! – подхватила принцесса в вишнёвом платье.

– И мне, пожалуйста! – присоединилась Хино-тян.

– Васька, – шепнула Варя кукле, – а почему они все по-русски говорят?

– По-своему они говорят, балда! Только теперь ты их понимаешь, вот и всё.

– А почему? – Варя решила не обращать внимания на Васькины манеры.

– Потому что потому! Хозяйка без очков – раз. И день сегодня такой – два!

– А очки здесь при чём, Васька?

– В них она обычный человек, и всё вокруг неё обычное. Без очков ей в Яви не прожить. Снимает Василиса очки – сама собой становится, и вокруг чудеса из-под спуда пробиваются. Всё, что к нам в Явь извне пришло, видится таким, каково оно и есть. Эх ты, смотреть – смотришь, а понимать – не понимаешь!

Чтобы всё это усвоить, пришлось съесть пирога с яблоками и мёдом запить.

– Слушай, а Лялька где? – спросила Варя надувшуюся куклу.

– Да вон она! От подарка оторваться не может. Приклеилась к своему дракону, а обо мне и думать забыла. – Васька подозрительно хлюпнула носом.

Лялька и в самом деле сидела на траве, рядом с лежащим драконом: ела пирог и время от времени тыкала им в драконью морду – делилась.

– Да ты что, Васенька! Как тебя забудешь! Просто Лялька ещё маленькая, вот всё новое ей и интересно.

– Правда? – с надеждой спросила кукла.

– Конечно! А мы с тобой наговоримся, пока Лялька не спохватится.

– Умеешь ты утешить, – признала кукла. – Спасибо тебе. И за бусики спасибо, уж больно они мне глянулись. Да ещё старые бусины туда же нанизали...

– А что, не надо было? – испугалась Варя.
– Обязательно надо! Бусины это не простые...
– А какие?
– Любопытной Варваре нос оторвали! – огрызнулась Васька. – И так я слишком много наговорила.

– Василиса, вроде ветерок поднялся, – сказал Финист. – Ну что, я пошёл?

– Конечно! Порадуй именинницу.

Финист-Ясный сокол подошёл к лежащему дракону, поднял из травы привязанную к нему тонкую верёвку. Намотал её на руку и побежал.

Варя так и не увидела, как Финист превратился в птицу. Только что бежал по земле человек в синей, расшитой золотом рубахе. И вот уже сокол летит вверх, забирая всё выше и выше, к солнцу.

Дракон зашевелился, пополз по траве.

И взлетел под радостный Лялькин вопль.

Сияло солнце, ветер дул всё сильнее, и в небе парил, танцевал алый дракон. Мерно взмахивали перепончатые крылья, извивался длинный хвост, большие выпученные глаза строго смотрели вниз...

Все гости повскакали из-за стола, задрали головы и любовались драконьим полётом.

– Вот это да! – сказал бородатый. – Вот подарок так подарок!

– Дракон радуется, что будет жить у тебя, Тацуко! – сказала Хино-тян Ляльке и улыбнулась.

– Баб, – тихонько спросила Варя, – а почему она так Ляльку называет?

– Потому что у драконов и людей бывают дети. Они зеленоглазые и черноволосые, как Ляля. А Тацуко и значит «дитя дракона».

– Значит, Лялька у нас дракончик? – хихикнула Варя. – Это по-китайски, да?

– По-японски, – серьёзно ответила бабушка. – Хиноко из Японии.

– А почему ты её Хино-тян называешь?

– Мы давние подруги, мне можно. А тебе её полагается называть Хиноко-сан. Заруби себе на носу.

– Хорошо. А иначе она обидится, да?

– Не обидится. Но это невежливо.

– Она тебя вообще Васирисой назвала, и то ничего!

– Нету в японском языке звука «л», вот и всё. И обижаться тут не на что.

Дракон пошёл на посадку. Финист- Ясный сокол врезался в землю и стал человеком во взмокшей синей рубахе.

– Умаялся, – кратко пояснил он, сматывая верёвку.

– Спасибо, голубчик! – Бабушка поднесла ему кубок мёду.

– Потом ещё полетаю, – пообещал Финист и жадно выпил. – Ух, уморился! Теперь пирожка бы...

– Так пойдём! – Бабушкина рука указала на ломящийся от блюд и тарелок стол.

Красный дракон опустился на траву, вольготно раскинув крылья и хвост. Лялька устроилась рядом и тихо с ним разговаривала на своём языке. Хинок мелкими шажками подошла к дракону и поклонилась.

– Спасибо, Тацу-сан! Это было прекрасно, – тихо сказала она.

– Может, потанцуем? – спросила принцесса в вишнёвом платье.

– Тарантеллу? – предложила вторая, в голубом.

– Тарантеллу, девочки! – поддержала бабушка. – Эй, игрецы-молодцы! Сыграйте!

Невесть откуда грянула музыка.

Принцессы танцевали так, что на месте было не удержаться. Стреляли задорными взглядами, белозубыми улыбками.

– А ну, Рубежная стража! – гаркнул бородатый. – Покажем, что и мы не лыком шиты!

– Эй, посторонись! – На танцпол выскочили горбоносый и светлокудрый.

– Алёха, жги! Чурила, не выдавай! – кричал бородатый.

– Добрынюшка, а ты что же?

– Не искусен я в танцах заморских, Василисушка. Сама знаешь.

Варя сама не поняла, как оказалась рядом с принцессами, но танцевала до тех пор, пока музыка не умолкла. Рядом отплясывали Прохор с Васькой: только бусы звенели да шуршал шёлковый сарафан.

– Эх, ходи изба, ходи печь, хозяину негде лечь! – Прохор лихо стучал каблуками.

– Имениница, тряхни стариной! – голос Добрыни без труда перекрыл смех и разговоры.

Бабушка улыбнулась и хлопнула в ладоши:

– Игрецы-молодцы, сыграйте, как, бывало, на пирах игравали!

Зазвучала совсем другая музыка: плавная, завораживающая. И под эту

музыку бабушка поплыла по танцполу.

Танцевать рядом с ней не хотелось – хотелось только любоваться, не отводя взгляда. Музыка вела бабушку за собой, а примолкшие гости смотрели и насмотреться не могли.

Тут бабушка озорно подмигнула и взмахнула рукой. Рядом появилось озеро. Взмахнула другой рукой – по озеру поплыли белые лебеди.

Музыка умолкла, и всё исчезло. Только бабушка стояла посреди танцпола.

Гости яростно зааплодировали.

– Ну, Васили сушка, супротив тебя плясуний нету! – сказал Добрыня.

– Спасибо на добром слове! – улыбнулась бабушка. Оглянулась на принцесс, обмахивающихся веерами, и спросила: – А где мой веер?

– Сейчас, баб! – Варя побежала на веранду.

Изящная коробочка поблёскивала на солнце чёрным лаком. Варе захотелось полюбоваться рисунком, и она осторожно раскрыла веер.

Рисунок оказался другим: заснеженная сосна, а рядом девушка под зонтом. Но прохладу веер нагонял всё так же исправно. Варя сложила его и развернула опять. Теперь на плотной бумаге с золотой искоркой был нарисован водопад в горном ущелье. Взмах веера – и сразу потянуло свежестью бегущей воды.

Чудеса!

Отдавая веер бабушке, Варя шёпотом спросила:

– Баб, а какая принцесса свою Судьбу победила?

– Та, что в голубом платье, – Сфортуна.

– Можно с ней поговорить?

– Почему же нельзя?

– А как к ней обращаться? – Варя вспомнила бабушкины наставления.

– «Ваше высочество». А потом – как она скажет.

Варя собралась с духом, подошла к сидящей под тентом принцессе и сказала:

– Ваше высочество, можно с вами поговорить?

– Конечно! – Принцесса улыбнулась и стала ещё краше.

– А как вы свою Судьбу победили? – с трудом выговорила Варя.

Принцесса задумалась.

– Знаешь, самое трудное было решиться. Потом всё куда легче. Когда я свою Судьбу разыскала, ох и страшна же она была! Грязная, нечёсаная, в лохмотьях... А уж злющая! Я ей вежливо: «Здравствуйте, синьора моя

Судьба!» А она как зарычит: «Зачем притащилась? Понадобисься, я тебя и так разыщу! Хоть на дне морском спрячься, никуда ты от меня не денешься!»

– А вы что?

– А я её затащила в ручей и хорошенько вымыла. Как ни вопила она, как ни вырывалась, отмыла начисто, весь кусок мыла извела. Потом одела во всё новое и красивое, причесала и вылила на неё целый пузырёк духов! Судьба сразу иначе заговорила. «Спасибо, – говорит, – умница. Когда у человека злая Судьба, он постоянно всем вокруг на неё жалуется да бранит её последними словами. А от этого она ещё злее становится. Думаешь, легко так жить, когда тебя постоянно бранят да укоряют? Мало кто додумается, что надо самому свою Судьбу краше сделать. Теперь и у тебя, и у меня всё хорошо будет».

– Круто... – прошептала Варя.

– Пошли танцевать, красавицы! – прозвучал весёлый Алёшин голос.

Летний день катился по небу золотым колесом и прикатился к вечеру. Незаметно подкрались сумерки.

– А что, стража рубежная! Споём? – спросила Марья Моревна.

– Споём! Заводи, Марьюшка! – отозвался Добрыня.

Марья Моревна тряхнула рыжей гривой и низким грудным голосом запела про Белого Оленя Золотые Рога. Богатыри подхватили, и песня унесла за собой всех: и слушателей, и певцов:

Прянул Олень, увидавши стрелка,
Конь богатырский шатнулся слегка...

Голоса то расходились, то сливались в один, и этот голос гудел, словно огромный колокол.

Плёткой стрелок по Оленю стегнул,
Крепкой рукой самострел натянул,
Да опустилась на гриву рука:
Белый Олень, погубил ты стрелка!^[4]

Потом пели про реку Каялу, про далёкий поход... Много ещё пели.

Когда стемнело, богатыри собрались разводить костёр.

– Подождите, ребята! – Марья Моревна пошептала с бабушкой и убежала. Через пару минут вернулась и снова что-то шепнула ей на ухо.

– Барабанщики, вперёд! – Бабушка хлопнула в ладоши.

Рассыпалась барабанная дробь, и в такт ей вокруг Марьи Моревны запорхали огни. В её ловких руках крутились, летали цепи с горящими шарами на концах.

– Ух ты-ы-ы-ы... – только и смогла пробормотать Варя.

– Ага... – подтвердила Васька откуда-то снизу. – Да возьми ты меня на руки, долговязая! А то мне и не видать ничего.

Варя подхватила Ваську, посадила себе на плечо.

– Супротив Рубежной стражи искусников не найдётся! – гордо сказал Добрыня.

– Увы, не для меня высокая честь служить в Рубежной страже, – прозвучал тихий голос Хинок. – Но кое-что умею и я, недостойная...

Пылающие шары догорели. Хинок вышла вперёд, оглядела зрителей и лукаво улыбнулась. Из широкого рукава кимоно она достала круглый веер. Запрокинула голову и выдохнула в тёмное небо фонтан огня. Струя пламени рассыпалась брызгами высоко в небе, огненные клубки полетели вниз, а Хинок ловко отбивала их веером, не давая упасть на землю.

– Вот здорово... Как она это делает? – шепнула Варя Ваське.

– Да кто ж их, оборотней, знает...

– Каких ещё оборотней?! – изумилась Варя.

– Всяких разных! Ты что, не знала? Кицунэ она, лиса-оборотень. Такие ещё и не то могут.

Ну и ну! Вот это подруги у бабушки! Принцессы, богатырка – поляница, лиса – оборотень... Только позавидовать можно!

Огненные шары под ударами веера полетели на приготовленные дрова, и занялось весёлое пламя.

– Вот разгорится как следует, – тархтела Васька, – и будем вокруг костра плясать, а потом через огонь прыгать!

Прибежал Прохор – с железным совком и каминными щипцами.

– Угольков набрать, жар-птица кормить пора! – объяснил он.

Гости собрались у костра. Огненные блики плясали на лицах, вспыхивали на бархате, шёлке, золотом шитье, драгоценных камнях – и на бабушкиных очках тоже. Кот Василий глядел на огонь, и зрачки у него стали как щёлочки. Лялька гладила его, что-то шептала на ухо.

Варя хотела спросить у принцессы в вишнёвом платье, как это – армией командовать, но тут раздался тихий оклик Алёши:

– Добрыня! Гляди!

– Вижу, – прозвучал короткий ответ. – А ну, стража Рубежная! К бою!

Кто-то схватил Варю за плечо, отшвырнул от костра. И тут же всё окружающее заслонил широкий принцессин рукав. Яростно вертя головой, Варя умудрилась выпутаться из голубого бархата и огляделась.

Из-за широченных богатырских спин ничего не видно. Пришлось привстать на цыпочки и задрать голову.

Богатыри стоят у самого костра с мечами наперевес. Плечом к плечу с ними Хинок и Марья Моревна. В руках у кичунэ длинное копьё с бамбуковым древком, а лук поляницы натянут так, что тетива с наложенной стрелой касается правого уха. Рядом кот Василий – шерсть дыбом, хвост столбом, глаза горят.

Из тьмы вырастает, приближается к костру всадник. Чёрный плащ сливается с темнотой. Под опущенным капюшоном не видно лица. Вороной конь ступает беззвучно, словно плывёт. Так же беззвучно парит над ним огромная летучая мышь...

А навстречу всаднику идёт бабушка – одна, без оружия.

– Алёха, узнай, как он сюда добрался, – вполголоса сказал Добрыня.

– Исполню.

Всадник остановил коня. Бабушка встала перед ним, сложив на груди руки.

– Ну здравствуй, дочка, – прозвучал из-под капюшона скрипучий голос.

– И ты здравствуй, отец, – ответила бабушка.

– С днём рождения!

– Спасибо.

– А мне на твоём празднике места нет?

– Разные у нас с тобой дороги. И друзья разные.

– Это правда. Ну так отзови своих псов.

– Псов здесь нет. Есть воины из Рубежной стражи.

– Ты по-прежнему с ними якшаешься?

– Я по-прежнему с ними служу.

– Ну так передай, что моего пути им не перекрыть. Мы ещё встретимся – и с тобой, и с ними.

Всадник повернул голову, окидывая взглядом всех, кто стоял у костра. Развернул коня и исчез в темноте. Только осталось пятно вымерзшей травы – там, где он стоял.

Почему-то Варе показалось, что всадник заметил её у принцессы за спиной: заметил и усмехнулся под капюшоном.

– Плохие вести, Василисушка, – мрачно сказал Добрыня. – Пора нам на заставу.

Бабушка молча кивнула.

– Я здесь переночую на всякий случай, – сказала Марья Моревна.

– И я, – добавила Хинок.

– Собирайтесь, девочки, – сказала бабушка принцессам. – Ребята вас до развилки проводят. Никого не гоню, да опасно здесь, сами видите.

– А ты? – Принцесса Фантагино спрятала в богато вышитом рукаве тонкий кинжал.

– Моё место здесь.

– А внучки как же?

– Справимся. Им скоро в Сингапур улетать.

– В Сингапур? – Хиноко вынула из рукава изящную коробочку. – Тогда возьми мою визитку. Мы с драконом как раз оттуда.

– Спасибо, Хино-тян!

– Главный офис у меня в другом месте, а там филиал, – добавила кицунэ. – Бываю только наездами, но ради твоих внучек тут же примчусь. А это тебе, Варя-тян! – Она протянула снятую с шёлкового шнура подвеску. – Эта вещь поможет нам разговаривать.

– Спасибо! – прошептала Варя.

– Ты верный друг. – Бабушка поклонилась, и Хиноко ответила ей поклоном. – Пойдёмте в дом, Прохор уже заждался, наверное.

Бабушка надела очки, и все пошли к дому: три пожилых женщины, две девочки и кукла Васька.

Взревел в темноте мотор, мелькнул свет от фар. Мелькнул и исчез.

– Уехали, да, баб? – спросила Варя и покрепче сжала Лялькину руку.

– Уехали, – эхом прозвучали бабушкины слова.

Жар-птиц спал в клетке. Сидел на жёрдочке, сунув голову под крыло, и светился, словно огненный клубочек.

Притихший домовый предложил чаю, но все отказались.

– Покараулю до рассвета, – сказала Марья Моревна и растворилась в темноте.

Кицунэ с бабушкой долго сидели на веранде и вполголоса беседовали. Варя уложила Ляльку, дождалась, когда Хиноко ушла спать. Тихонько подошла к бабушке и увидела, что она плачет.

– Ба-а-аб! Не надо плакать! Всё хорошо, все живы-здоровы. Не плачь, пожалуйста! Я тебя очень-очень люблю. Не плачь!

– Всё, уже не плачу. – Бабушка шмыгнула носом. – Я тебя тоже люблю, Варюша. Очень-очень. Посиди со мной немножко, Варвара-краса, длинная коса.

Варя обняла бабушку, прижалась к ней, и бабушка обняла её в ответ.

– Баб, а как он сюда пробрался, Кощей?

– Не знаю. Похоже, новую дорогу нашёл. Ребята позвонят, когда разберутся.

– А зачем он приходил? Тебя повидать?

– Если бы знать, Варюша! Понимаешь, отец и сам счастья не ведает, и чужого счастья, радости чужой не переносит. Вот и явился неведомыми путями, чтобы праздник испортить.

– Ну и пусть, а ты всё равно не плачь! А то получится, что Кощей своей

цели добился.

– Я уже не плачу, Варюша. Вот только неспроста он меня навестить пришёл.

С тёмного неба метнулась тень – метнулась и врезалась в землю. Варя не успела испугаться, а Финист уже поднимался на веранду.

– Василиса, вот, ребята просили передать. Они эту бумажку ещё по дороге сюда на почте забрали – там, в Осинкино. А потом то одно, то другое... Забыли, в общем. Сейчас по дороге в бардачке обнаружили и спохватились. Тоже мне, нашли голубя почтового, растяпы... Ну всё, я полетел?

– Лети, путь тебе добрый. Ребятам спасибо скажи. В празднике самое главное – гости, а уж таких гостей, как у меня, днём с огнём поискать. Лети, догоняй.

– Я другой дорогой. Мы тут с ребятами кое о чём поразмыслили... Слетаю, проверю.

– Понятно. Лети, дело не ждёт.

Финист коротко кивнул. Ударился оземь, взмыл в вышину и сразу исчез в темноте, только сверху долетел хриплый клёкот.

– И тебе!.. – отозвалась бабушка и помахала в небо.

– Что там, баб?

Бабушка не стала поминать любопытную Варвару. Просто посветила телефоном, прочла написанное на смятой бумажке и сказала:

– Мама скоро за вами приедет. Вот, телеграмму прислала: «Квартиру нашла зпт скоро буду зпт как только куплю билеты зпт сообщу тчк Скучаем зпт целуем». Почтальонша болеет, наверное, вот телеграмму и передали с ребятами.

– Баб, – тихо сказала Варя, – а можно мне остаться подольше?

– Я бы и рада, Варюша. Но как же быть? Они там скучают по вам с Лялей.

– А так я буду по тебе скучать. Очень-очень!

– Я тоже. Но мама и папа – это главное.

– А может, ты к нам приедешь? То есть прилетишь?

– Всё может быть, Варюша. Поживём – увидим.

– Баб, а можно мне к Марье Моревне поехать? Она обещала меня верховой езде научить.

– Она может, да. Мало кто так верхом ездит, как Марья. Нет такого коня, чтобы её не послушался. В седле сидит, как клещ, и усталости не знает.

- Так отпустишь, ба?
- С одним условием: Марью во всём слушаться. Она зря ничего не говорит и не делает. Обещаешь?
- Честное слово, баб!
- Тогда собирай рюкзак. На рассвете выезжать.

Солнце только всходило, когда Варя устроилась в седле байка впереди Марьи Моревны. От счастья в голове словно лопались пузырики, как в лимонаде. Даже то, что бабушка ещё никогда не выглядела такой озабоченной, не мешало этому счастью.

На дорогу домовой Прохор приволок целый мешок пирогов, как Марья Моревна ни отнекивалась.

– Проша, я от твоих пирогов растолстею и в «черепашу» не влезу! А с чем пироги-то?

– С капустой, Марья Моревна! Тут на всех: и вам с Варей, и Филе, и Тохе! Им привет передавайте!

– Хорошо, Прошенька!

– Ты без меня занимайся смотри, – добавила Варя. – Печенье там в шкафу на полке. Книжку попроче возьми и читай, договорились? Бабушка тебе посоветует, с какой начинать.

– Буду-буду, – уверял Прохор. – Мне же ещё с мультиваркой разбираться, инструкцию читать.

– С мультиваркой, Проша!

– Да хоть как её назови, а разбираться надо!

– Баб, а ты без меня с Лялькой справишься?

Бабушка улыбнулась.

– Справлюсь, Варюша. Ты же ненадолго. Уж больно случай редкий, нельзя упускать. Ну, езжайте, путь вам добрый.

– Крепче держись! – сказала Марья Моревна и ударила по газам.

Байк рванулся с места как бешеный. Ветер бил в лицо, и Варя волея-неволей закрыла глаза. Ветер трепал волосы, свистел в ушах. Варя не сразу поняла, что больше не слышит рёв мотора. Она осторожно приоткрыла один глаз...

И увидела далеко внизу дорогу, лес, речку. А прямо перед собой – развевающуюся рыжую гриву и острые лошадиные уши.

Байка больше не было. Был рыжий конь, который по воздуху нёсся к встающему над землёй солнцу.

От страха и восторга хотелось завопить, но получилось только пискнуть.

– Держись! – голос Марьи Моревны прорвался сквозь свист и вой ветра. – Уже скоро!

Земля стремительно приближалась. У Вари заложило уши. Верхушки деревьев мелькнули совсем рядом, и конские копыта глухо застучали по дороге.

– Молодец, Вихорь! – Марья Моревна потрепала коня по шее, тот всхрапнул и оглянулся на хозяйку. – Мигом домчал. И ты молодец, Варвара. Хорошо в седле держишься. Вижу, толк из тебя будет. Сегодня же и начнём.

Варя только и смогла кивнуть в ответ.

Дорога привела к домику, похожему на бабушкин, только меньше и скромнее. Ни сада, ни цветников вокруг. Марья Моревна нагнулась с седла, открыла ворота. Конь танцующей походкой вплыл во двор, и тут же навстречу выбежал маленький старичок с соломой в бороде. Увидел всадниц, ойкнул и пропал с глаз долой.

– Филя, выходи! – позвала Марья Моревна. – Не прячься, тут все свои! Мы тебе пирогов привезли!

– А с чем пироги-то? – спросил скрипучий голосок из ниоткуда.

– С капустой! Помнишь, какие у Прохора пироги?

Старичок появился прямо из воздуха и подхватил конские поводья. Марья Моревна спешила и сняла с седла Варю.

– Это Филя, мой конюшенный, – представила она старичка. – А это Варвара, Василисина внучка, учиться к нам приехала.

– Ну что ж, дело хорошее, – отозвался старичок. – Немного таких наездниц, как Василиса.

– Иди с Филей на конюшню, – сказала Варя Марья Моревна, – что он скажет, то и делай. Я домовому обед закажу и приду.

– А ездить сегодня будем? – спросила Варя.

– Прежде чем на лошади ездить, нужно её на себе повозить! – буркнул конюшенный. – Расседлать, выводить, почистить, корму задать... Пошли!

Филя оказался неразговорчивым. Только и знал, что сыпать распоряжениями:

– Здесь расстёгивай! И здесь тоже! Снимай седло, я уберу! Возьми поводья! Да не бойся ты! Вихорь нравный, но не кусается. Теперь води его по двору.

– Зачем? – пискнула Варя.

– Затем! Остыть коню надо. Хоть он и огненный, а всё же конь. Давай-давай, пошевеливайся!

Варя вздохнула и зашагала по двору, а рыжий красавец тронулся за ней.

Водить коня пришлось долго. Варя успела устать, соскучиться и рассердиться. Потом Филя принёс странную на вид щётку и буркнул:

– Вот тебе скребница, почистиь его хорошенько.

– Как? – только и смогла сказать Варя.

– Во как! – Филя принялся орудовать щёткой так, что Вихорь затанцевал на месте и довольно заржал. – Возьми вон ведро, переверни да залезь на него, а то не достанешь.

Только Варя дотянулась скребницей до блестящей конской спины, как Вихорь стукнул копытом по ведру. Оно полетело в сторону, Варя шмякнулась на утопанную землю, а на морде у Вихря появилось что-то вроде ехидной улыбки.

– Ты что это над девчонкой измываешься? – Филя шлёпнул коня по крупу. – К тебе с добром, а ты? Смотри у меня!

– Вставай, вставай! – добавила неслышно подошедшая Марья Моревна. – Пусть он видит, что тебя такими штучками не проймёшь. Дочистишь, и пойдём завтракать.

Варя шмыгнула носом, встала и перехватила скребницу поудобнее.

На завтрак оказалась гречневая каша со шкварками.

– Не ждали вас! – оправдывался домовой Тоха. – А нам с Филей на двоих такое в самый раз: без затей и вкусно.

– Ладно, ничего, – неожиданно покладисто отозвалась Марья Моревна. – Только чтоб на обед было всё как надо. Неохота перед Василисой позориться. Пойдём, Варвара!

– Куда?

– Как куда? На конюшню. Ты учиться хотела или нет?

Сейчас Варя хотела только одного: спать. Но противоречить Марье Моревне язык не поворачивался. Пришлось идти.

– Со двора никуда! Время сейчас опасное, – наставляла по дороге Марья Моревна. – К лошадям одна не подходи, пусть Филя рядом будет. Ну или я... Лошадь неуверенность человеческую сразу чувствует, а уверенности у тебя пока взяться неоткуда. Есть люди: как их ни учи, всё равно бояться продолжают, вот лошадь верх над ними и берёт. Я таких в своей школе не держу.

– А где эта школа? – спросила Варя и тут же подумала, что учиться там всё равно не придётся: впереди Сингапур и совсем другая жизнь.

– Далеко, – отрезала Марья Моревна. Помолчала и добавила: – Здесь у меня лошади-старички на пенсии живут. Других, помоложе, сюда отдыхать привожу. Детей учить нелегко. У кого угодно голова кругом пойдёт, и у

лошадей тоже. Им тоже отпуск нужен, перезагрузка! А то и брыкаться будут, и кусаться – точно как люди!

Варя представила, как брыкается и кусается строгая математичка Аделаида Львовна, и рот у неё сам собой разъехался до ушей.

– Молодец, – одобрила Марья Моревна. – Так и надо к лошадям подходить: с улыбкой. Они это знаешь как любят! Больше, чем сахар.

Тут их нагнал запыхавшийся домовый Тоха и подал Марье блюдце с нарезанной морковкой.

– Ссыпай в карман! – распорядилась Марья. – Будешь лошадей угощать.

Филя ждал у дверей конюшни: принаряженный, почти без соломы в бороде. Рядом с ним стоял... нет, не Вихорь, а смешной толстенький пони – серый, с пушистой чёлкой, схваченной бантом.

– Знакомься, это Плюшик. Дай ему морковки, – сказала Марья. – Нет, прямо держи ладонь, пальцы не сгибай! Вот так, правильно. А то может укусить нечаянно.

Губы у Плюшика были мягкие и тёплые, а глаза – хитрые, но добрые.

– Филя, седлай! Варвара, ты смотри и учись.

Ремешки, пряжки, странные вещи с непонятными названиями: потник, подпруги, что-то ещё... Варя смотрела во все глаза и всё больше запутывалась.

– Садись! – скомандовала Марья. – Подержи его, Филя!

Варя забралась в седло, и Филя повёл пони по кругу.

– Спину держи! Колени, колени плотнее! Что ты сидишь, как кот на заборе? – не умолкала Марья.

Про кота услышать было почему-то особенно обидно. Но обижаться было некогда.

К вечеру Варя едва держалась на ногах. Только и хватило сил посмотреть, как Марья Моревна стреляет в мишень из лука. Филя-конюшенный сидел рядом на тюке соломы и рассуждал сам с собой:

– Вот уж свезло так свезло! То всё один управлялся, а теперь помощница появилась. У всех конмальчики, а у меня кондевочка! Своим расскажу, так не поверят!

– А кто это – конмальчик, Филя?

– Это такой подручный на конюшне. Он и ездить учится, и делает, что ему скажут. На все руки, в общем. А ты молодец, усердная да шустрая. И на коне сидишь хорошо, толк из тебя будет.

– А почему тогда Марья Моревна ругалась? Какого-то кота на заборе

вспоминала?

– Это старое конюшенное присловье, на него обижаться нечего.

– Да я и не обижаюсь, Филя.

– Вот и умница!

– А галопом когда поскачем?

– Ты что! – удивился конюшенный. – Какой пока галоп? Шагом, только шагом. Потом рысью. Далеко ещё до галопа... Был бы здесь сейчас Гектор-иноходец, он бы тебя иноходью прокатил.

– А иноходец – это кто?

– Такой же конь, как и все прочие. Только он – как у людей левша. Люди обычно всё правой рукой делают, правильно?

– Ага!

– Вот, а левши наоборот – левой. Так и иноходец: у него то две правые ноги шаг делают, то две левые. Другие лошади так не умеют. Выучить их можно... то есть выездить, но будет то, да не то. Иноходь – это... это...

– Талант, да? – подсказала Варя.

– Во-во!

– Ужинать! – позвал Тоха-домовой.

Заснула Варя, едва положив голову на подушку. И приснилась ей строптивая гнедая кобыла из пятого денника по кличке Герань.

Всю ночь над домом кружила летучая мышь – чёрная, огромная. Повисала на краю крыши, заглядывала в окна, хрипло пищала. А потом исчезла, растаяла в предутреннем тумане.

Проснулась Варя на рассвете. Села в кровати, протёрла глаза. Вспомнила, что впереди целый день, который можно провести с лошадьми, и захотелось сразу же бежать на конюшню.

Варя торопливо натянула шорты, футболку и толстовку, подошла к окну – вдруг там дождь?

Дождя не было, а за невысоким забором маячил в тумане великолепный конь вороной масти. Вчера в конюшне Варя его не видела. Но два денника стояли пустыми... Может, он потерялся? Или сбежал, а сейчас вернулся?

В кармане с вечера осталось несколько ломтиков морковки. Варя вылезла в окно и побежала к воротам.

Конь был совсем рядом. Стоял, потряхивал чёрной гривой, косил глазом. Варя пошла к нему, протягивая морковку на ладони. Вороной всхрапнул и попятился.

– Иди сюда, – вполголоса сказала Варя и поцокала языком, как Филя-конюшенный. – Тебя как зовут? Морковки хочешь? Ты потерялся, да?

Варя шла за конём всё дальше и дальше. Шкура у него отливала

синевой, и синий огонь поблёскивал в глазах, еле видных из-под чёлки. Вот он фыркнул и остановился у торчащего из травы высокого пня. Варя похлопала красавца по шее, влезла на пень. Набралась смелости, представила себе, будто садится на смиренного Плюшика, ухватилась за жёсткую гриву и забралась вороному на спину.

– Пошли домой! – Варя толкнула конский бок коленом.

Вороной тронулся с места, перешёл на рысь. Ворота были уже совсем рядом, но конь резко свернул в сторону и прибавил ходу. Торжествующе заржал и понёсся вскачь.

– Стой! – закричала Варя. Конские копыта больше не касались земли. Вороной нёсся по воздуху – вверх, к висящему в небе тёмному облаку.

Распахнулась дверь. Она ещё не успела грохнуть о бревенчатую стену, а Марья Моревна уже оказалась во дворе – с луком в руках и колчаном за плечами.

– Пригнись, стреляю! – крикнула она. – Эй ты, нечисть! Вниз, живо!

Варя сжалась в комок и увидела, как стрела распорола правое конское ухо.

– Прыгай! – донёсся голос Марьи Моревны. – Прыгай, я тебя поймаю!

Спрыгнуть Варя не успела. Конь исчез, и она камнем рухнула вниз.

Мелькнуло что-то чёрное. Варю подхватили мощные когти. Огромная летучая мышь понесла её вперед, вверх – нырнула в тёмное облако и пропала.

Часть четвёртая

Кощеева правнучка

Летучая мышь неслась сквозь тьму неведомо куда – только шуршали перепончатые крылья да изредка слышался злобный писк. Толстовка потрескивала от Вариной тяжести и хватки когтей. Страшно было подумать о том, что она может порваться. Варя болталась в воздухе и изо всех сил старалась не заплакать.

Вокруг стало стремительно светлеть. Мышь снижалась...

...когти разжались, и Варя упала на каменный пол.

– Вставай! – сказал знакомый скрипучий голос. Помолчал и добавил: – Вставай. И запомни на будущее: я дважды приказов не повторяю.

Варя поднялась на ноги и увидела высокого старика в тёмной одежде. На груди у него была широкая золотая цепь с массивной подвеской в виде летучей мыши. В складках плаща тускло поблёскивал золотой пояс, а на нём висел меч с усыпанной кроваво-красными камнями рукояткой.

– Молодец, Нетопырь, – сказал старик кому-то, кого Варя не видела. – Хорошо сделано.

– Рад служить, Хозяин! – пискнул маленький человечек, выступая из тени.

Он оказался вдвое ниже старика, с крохотными глазками, приплюснутым носом-пяточком и огромными перепончатыми ушами. Правое ухо было разодрано и перепачкано запёкшейся кровью.

Разорванное ухо! Метка от стрелы Марьи Моревны!

Стало ясно, куда унесла Варю сквозь облако летучая мышь.

Варя вытерла рукавом перепачканное лицо и сказала:

– Здравствуй, прадедушка!

Кощей не обрадовался и не удивился.

– Добро пожаловать, – ответил он тем же скрипучим голосом. – Сейчас придёт твоя наставница и расскажет, где ты будешь жить и что делать. Её слушать, как меня, понятно?

– Понятно, – ответила Варя, исподволь рассматривая Кощея.

Было ясно, что он стар, очень стар. Но от него так и веяло силой – могучей, недоброй и равнодушной. В плечах так же широк, как Добрыня. Лицо в глубоких морщинах, запавшие глаза непонятного цвета. Ни усов, ни бороды, даже бровей нет. На лысой голове обруч-корона: две золотые змеи переплелись шеями, грозно смотрят в разные стороны глазами из красных блестящих камней.

– Понятно, – повторила Варя и добавила: – А домой я когда попаду?

– Когда выполнишь всё, что от тебя требуется.

– Кому требуется?

– Мне. Ты слишком много спрашиваешь. Вот твоя наставница, Раттиана фон Раттус, благородная дама из далёких северных земель, она научит тебя хорошим манерам.

Варя увидела высокую сухощавую женщину в сером платье и остроконечном головном уборе с вуалью. На поясе у неё висела тяжёлая связка ключей. Взгляд её маленьких чёрных глаз пронизывал насквозь, тонкие губы поджаты, подбородок надменно вздёрнут.

«Какая противная...» – мелькнуло у Вари в голове.

– Ступай за мной! – проронила женщина и направилась прочь, не оборачиваясь. Голос у неё был тонкий и пискливый.

Варя поплелась следом, лихорадочно соображая, что же делать.

Сбежать? Сразу не получится. Это Заречье, Навь. Бабушка говорила, что Кощей живёт именно там. Выбраться отсюда непросто. Или ждать помощи? Наверняка бабушка и Марья Моревна подняли по тревоге Рубежную стражу...

Женщина в сером остановилась у железной двери в стене и стукнула по ней тяжёлым кольцом.

Дверь открылась. За ней оказался длинный коридор. На стенах горели коптящие факелы, но их было мало, и коридор уходил в темноту.

– Ступай за мной! – повторила женщина в сером. – Ну!

«Я боюсь!» – хотела ответить Варя, но только сильнее стиснула зубы и шагнула через каменный порог.

Никто здесь не должен знать, чего она может испугаться.

Коридор привёл к началу крутой лестницы. Варя скоро запыхалась, а Раттиане фон Раттус хоть бы что, только платье шуршит по ступеням.

– Вот здесь ты будешь жить! – Она распахнула маленькую железную дверь. – Заходи.

Комната оказалась почти пустой. Всея мебели – столик на резных когтистых лапах, маленький шкаф с мозаикой на дверцах да кровать под затканым крылатыми зверями балдахин. Высокое окно с железной

решёткой, за ним серое небо.

– Сейчас принесут приличную одежду, а то на тебя смотреть противно. Твои тряпки нужно будет выкинуть...

– Это не тряпки! – огрызнулась Варя. – В чём ещё ходить летом?

– Если я говорю «тряпки», значит, так и есть, – холодно сказала Раттиана фон Раттус. – Запомни!

Она ушла и закрыла за собой дверь.

Варя бросилась к окну: прочная решётка, земля далеко внизу. Не выпрыгнуть, как тогда в школе. Глухие каменные стены – такие в тюрьме, наверное...

За дверью слышались шаги. Вошла Раттиана, высоко неся голову в остроконечном уборе, и сказала:

– Вот твои служанки! Это Ратильда и Рательда.

Из-за её спины показались две девушки, похожие, как близнецы. Они и на саму Раттиану походили, словно дочери, а то и внучки: такие же остроносые, с чёрными глазами-бусинками.

Узкие бледные лица, острые подбородки. Обе разом улыбнулись, показав мелкие белые зубки. У одной было перекинуто через руку что-то разноцветное – платья, наверно. Другая держала целую стопку ларцов, коробок и коробочек.

Вскоре Раттиана уже смотрела на переодетую в тёмно-синее платье Варю и рассуждала вслух:

– Одежду носить не умеет. Спину не держит. Правда, коса хороша... Ратильда, расплети ей волосы! Рательда, подбери что-нибудь для причёски! Нитку жемчуга подлиннее или золотой шнурок. Попробуем хоть что-то из этого сделать.

Варя была готова лопнуть от злости. Почему эта мымра в сером говорит о ней словно о чём-то неодушевлённом и всё время критикует?

Одна из неразличимых девушек уже расплетала Варину косу, другая держала наготове гребень и открытую шкатулку.

– Я сама! – Варя увернулась от ловких рук служанки.

– Забудь эти слова, – холодно сказала Раттиана. – Здесь ты будешь делать только то, что тебе сказано, или горько пожалеешь о своей непокорности. Правда, времени на сожаления будет немного – если тебе повезёт. Девушки, продолжайте!

От этих слов Варя стало не по себе. Она перестала сопротивляться. Служанки подали ей красные тифельки на каблучках, расчесали и перевили золотым шнуром волосы.

– Я хочу посмотреться в зеркало! – сказала Варя.

– Незачем! – отрезала Раттиана. – Я увидела всё, что нужно. По крайней мере лучше, чем было. Думаю, Кощею Бессмертному понравится. Пройдись... Ну и походка! Смотри не наступи на подол. Это платье стоит троих таких, как ты. Конечно, если ты носила только такие тряпки, – она бросила брезгливый взгляд на Варину одежду, лежащую кучкой на полу, – да ещё и рваные...

– Это Нетопырь, когтями! – огрызнулась Варя.

Раттиана не снисошла до ответа.

– Девушки, выбросьте эти лохмотья в печь! – скомандовала она. Потом оглядела Варю с ног до головы и добавила: – Ступай за мной!

Они вернулись в тот же зал, куда Варю принёс Нетопырь. Там горели факелы, отражаясь в огромном зеркале. У пылающего камина сидел Кощей, а перед ним на столе лежала шахматная доска. Кощей играл сам с собой, вот только шахматы были живые!

Три чёрных пехотинца с копьями загнали в угол белого слона, и он трубил, призывая на помощь. Белый всадник рвался к нему, но его самого держали под прицелом лучники в чёрной ладье. Белая королева заламывала руки, прикрывая собой белого короля, а чёрная королева с двумя чёрными рыцарями была совсем рядом и уже занесла меч...

Варе стало жутко.

Кощей отодвинул доску.

– Подойди ближе, – бесстрастно сказал он.

Варя подошла, путаясь в юбке и стараясь не наступить на подол. Кощей окинул её взглядом.

– Никуда не годится, – заключил он. – Осрамит меня перед гостьей. Раттиана, возьми за неё как следует.

Женщина в сером кивнула.

От злости у Вари перехватило дыхание. Почему эти двое говорят о ней так, словно она не человек, а кукла, да ещё постоянно оскорбляют?

– Какая гостья? – спросила Варя сердито. – Что мне нужно будет делать?

– Раттиана, объясни ей, – бросил Кошей и повернулся к шахматной доске.

Он прикоснулся к чёрному слону, и тот яростно затрубил, сбивая с доски белого воина.

– Мы ожидаем важных гостей. Пожалует сама великая Моргана. Ты должна сделать всё, чтобы гости остались довольны приёмом, – голос Раттианы ввинчивался в уши не хуже голоса математички Аделаиды Львовны.

– Что значит «всё»? – не сдавалась Варя.

– «Всё» – значит «всё»!

– А если я не захочу? Мало ли чего они потребуют, эти гости! И вообще, почему вы мной распоряжаетесь?

Кошей оттолкнул шахматную доску так, что фигуры разлетелись по столу, а несколько упало на пол.

– Ты ещё не поняла? Здесь всем распоряжаюсь я, потому что я сильнее. Все остальные мне подчиняются: беспрекословно и по доброй воле. А те, кто не подчиняется... Раттиана, отведи её, пусть посмотрит! Потом возвращайся сюда – вместе с ней. Эй вы, по местам, живо!

Шахматные фигуры одна за другой возвращались на доску. Белый рыцарь лез вверх, цепляясь за скатерть, и тащил за собой однорукого чёрного пехотинца – вторая рука у того отломилась и валялась под столом.

– На место, я сказал! – Кощей одним щелчком загнал белого слона в угол. Туда уже спешили чёрные копейщики.

Жёсткая рука Раттианы ухватила Варю за плечо и потащила прочь из комнаты. Они долго петляли по тёмным, ведущим вниз коридорам. Раттиана молчала, и от этого молчания Варе делалось всё страшнее. Уж лучше бы она бранилась...

– Куда мы идём? – спросила Варя.

– Никуда. Мы уже пришли. – Раттиана распахнула железную дверь, толкнула туда Варю и вошла сама.

Это был подвал, тускло освещенный единственным факелом. По углам проступали пятна плесени и сырости. И воняло здесь так, что у Вари закружилась голова.

Подвал перегораживала железная решётка, а за ней клубилось что-то тёмное – вроде бы живое. Из-за решётки доносился многоголосый писк.

Раттиана подтащила Варю к самой решётке и сорвала со стены факел.

– Видишь? – проскрежетала она.

Там за решёткой были крысы. Множество крыс. Они лезли друг на друга, просовывали острые морды сквозь решётку, грызли железные прутья...

Варя закричала не своим голосом и бросилась к двери.

– Стоять! – Раттиана мёртвой хваткой вцепилась в Варину руку. – Стой, смотри и запоминай! Те, кто не подчиняется Кощей Бессмертному, попадают туда, за решётку. И больше их никто никогда не видит. Поняла? А теперь пойдём обратно.

Дверь захлопнулась, и Варя побрела следом за Раттианой. Коленки у неё подгибались.

Кощей почти доиграл партию. На доске остались два короля: белый и чёрный. Рядом с ними стоял белый слон с воинственно прижатыми к голове ушами и свёрнутым в кольцо хоботом. В руке у Кощей был тяжёлый золотой кубок.

– Ничья, – сказал Кощей и отхлебнул из кубка. – Ну что, поняла, какова судьба тех, кто мне не подчиняется?

Варя кивнула. Говорить она не могла.

– Тогда выпей. – Кощей протянул кубок Варе.

Варя словно опять услышала Васькины слова: «Если домой вернуться

хочешь, здесь ничего не ешь и не пей. Имени своего никому не сказывай. И никогда – слышишь, никогда! – не оглядывайся».

– Не буду! – ответила Варя.

– Хочешь в подвал, к крысам? – спросил Кощей всё так же бесстрастно.

– Я хочу домой!

– Домой ты попадёшь... может быть. Только если будешь выполнять всё, что тебе скажут, и я буду тобой доволен.

– А что там, в кубке? – спросила Варя, решив потянуть время.

– Вино. Настоящая мальвазия.

– Я маленькая, мне нельзя вино пить!

– Эй, Нетопырь! – позвал Кощей, не повышая голоса. – Принеси воды.

– Слушаю, Хозяин! – пискнул голосок в ответ, и перепончатоухий человечек просеменил к столу с серебряным подносом. На подносе стояли кубок и кувшин – тоже серебряные.

«Что делать? – лихорадочно думала Варя. – Из подвала с крысами не сбежишь, а отсюда сбежать попробую. Имени своего никому не скажу, оглядываться не буду. Но если не буду пить и есть, то и без подвальных крыс с голоду помру. Или сил на побег не хватит... Только бы до реки Смородины добраться, а там богатыри помогут».

– Пей! – Кощей протянул серебряный кубок.

Варя отпила немного воды и поставила кубок на поднос.

– Значит, набралась в подвале ума-разума. А теперь смотри. – Кощей встал, подошёл к камину и сунул руку в огонь.

Пламя лизало Кощевы пальцы. Они засветились вишнёвым огнём, потом алым... Кощей вынул руку из огня и прижал её к столу. Скатерть вспыхнула и тут же прогорела, на дереве остался глубоко выжженный отпечаток ладони.

– Поняла? Я весь такой – железный. Не тебе со мной тягаться. Сделаешь всё, что потребуется. Раттиана, отведи её!

У себя в комнате Варя упала носом в подушку и разревелась.

Ну почему? Почему так получилось? Почему она оказалась здесь, где все ею помыкают и никому нет дела до того, что она хочет?

Наревевшись, Варя вытерла лицо рукавом и задумалась.

Почему она оказалась здесь, можно догадаться. Не зря, ой не зря предупреждала Марья Моревна о том, что нельзя выходить со двора и подходить к лошадям в одиночку... А вот что теперь делать? Неужели придётся подчиняться Раттиане и Кощей? Ничего себе прадедушка! Понятно, почему его собственная дочь не желает с ним общаться. Одни

крысы в подвале чего стоят! Бр-р-р-р...

От воспоминания Варю передёрнуло.

Как-то на перемене Лера Тимофеева спросила: «Хочешь, что-то покажу?» И достала из-под толстовки крысу – белую крысу с красными глазками и длинным голым хвостом... Варя завопила и бросилась прочь. Она бежала по школьному коридору, пока не налетела с разбегу прямо на математичку Аделаиду Львовну и чуть не сбила её с ног. Тогда Тимофееву отправили домой – вместе с крысой – и сказали без родителей не приходить. А Варю потом долго изводили одноклассники. Подсовывали в ранец резиновых мышей, дразнили трусихой – до тех пор, пока она не прыгнула со второго этажа на спор с Сергеевой. Из-за этого ещё маму в школу вызывали...

Сейчас всё это казалось пустяками. Нужно придумать, как вернуться домой – в Дружинино, к бабушке и Ляльке. Придётся для виду подчиняться и Кощею, и Раттиане. Подчиняться и молчать, наблюдать и слушать. И думать, думать...

Несмотря на эти правильные мысли Варю было так страшно и одиноко, что она опять разревелась.

Снаружи бушевала гроза. Ветер выл и ревел, ломился в окно, как живой. Комнату осветило молнией, и стало видно, что в оконное стекло бьётся большая птица.

Варя спрыгнула с кровати и бросилась к окну. Молния погасла, грянули раскаты грома – так, что уши заложило. Гром перекрыл звон разбитого стекла, посыпались осколки.

Вместе с ними в комнату влетело что-то золотистое.

Это оказалось пёрышко. Оно светилось в темноте ярким золотым светом. Варя схватила его, сжала в кулаке. Пёрышко как раз там поместилось, словно спряталось. А на полу лежали ещё и другие перья: серые и коричневые, перемазанные кровью. Кровь была и на осколках стекла, хрустевших у Вари под ногами. И сама Варя тут же успела порезаться.

За окном раздался знакомый клёкот, и его заглушил раскат грома.

Финист-Ясный сокол! Значит, Рубежная стража не дремлет. Они уже знают, где найти Варю, и наверняка помогут сбежать – или выкрадут её отсюда. Вот только Финисту пришлось выбить стекло и порезаться осколками... Лишь затем, чтобы утешить и подбодрить её? Или затем, чтобы передать пёрышко жар-птицы – его-то Варя сразу узнала?

Кулак стало жечь изнутри. Варя разжала руку, пёрышко вылетело, светясь в темноте, юркнуло в туфлю и погасло, словно притаилось. Варя спрятала Финистовы перья под ножку стола, легла – и не заметила, как провалилась в сон.

Утро началось с противного голоса Раттианы фон Раттус:

– Вставай! Вставай немедленно и рассказывай, что здесь случилось!

Варя слезла с кровати и пробурчала:

– Ночью была гроза, ветром стёкла повыбивало. Страшно было – жуть!

– А почему на осколках кровь?

– Ногу поранила. – Варя показала порезанную пятку.

Раттиана окинула комнату брезгливым взглядом и сказала:

– Сейчас придут слуги и уберут этот разгром. А ты пойдёшь завтракать и заниматься.

Она хлопнула в ладоши. Вошли неразлучные, безмолвные Ратильда и Рательда, нагруженные кучей разных вещей.

Умываться пришлось в серебряном тазу, который держала служанка. Вторая лила туда воду из кувшина. Кувшин был тоже серебряным, зато вода – ледяной. Варя покрылась гусиной кожей и разозлилась.

– Это что такое? Не хочу! – Варя оттолкнула что-то вроде кожаного жилета со шнуровкой. Служанки собирались надеть его Варе поверх тонкой рубашки – длинной, до полу.

– Это корсет, – холодно ответила Раттиана. – Будешь носить его постоянно, потому что у тебя плохая осанка. А с плохой осанкой трудно произвести хорошее впечатление.

– Плевать мне на это! – закричала Варя. – Какая разница, кто что подумает? На всех не угодишь!

– Достаточно угодить Кощею Бессмертному, – в голосе Раттианы зазвенел металл. – Ты, кажется, забыла о тех, кого видела в подвале? Девушки, продолжайте!

Корсет служанки затянули так, что дышать стало трудно, а нагнуться – невозможно. Сверху надели фиолетовое платье со шлейфом и длинными широкими рукавами. Волосы Варя опять распустили и перевили нитями мелкого жемчуга. Раттиана окинула её оценивающим взглядом и кивнула.

– Пока сойдёт. Ступай за мной!

Завтрак оказался безвкусной кашей. От того, что есть её пришлось с серебряной тарелки и в устланном богатыми коврами зале, лучше она не стала. Как только Варя проглотила последнюю ложку каши, Раттиана скомандовала: «Пойдём!» – и устремилась к выходу. Торопясь следом,

Варя заметила, что у серого платья благородной дамы из северных краёв тоже есть шлейф, и этот шлейф куда длиннее Вариного.

Петляя вслед за Раттианой по бесконечным полутёмным коридорам, Варя пыталась запомнить дорогу и понимала, что это ей не под силу. Все они были похожи один на другой, вели неизвестно куда, поднимались, опускались, утыкались в лестницы...

«Как в лабиринте...» – угрюмо подумала Варя.

Тут очередной коридор сделал резкий поворот, и Раттиана остановилась перед нишей, в которой стояла ярко раскрашенная статуя странного человека. Вроде бы Варя его когда-то видела...

Одет он был в узкие штаны, полосатую куртку и алый плащ. Красная шляпа с пером лихо сдвинута на затылок. У пояса висела сумка, на ремне через плечо – другая. От взгляда его прищуренных глаз некуда было деться. Большой тонкогубый рот растягивала недобрая улыбка. В руках странный человек держал флейту – так, словно собирался сейчас заиграть.

– Будь ты проклят! – процедила сквозь зубы Раттиана и ударила статую по щеке. – Будь проклят на веки вечные!

В голосе у неё была такая ненависть, что Варе стало страшно.

– Госпожа Раттиана, – вырвалось у неё, – зачем вы так сделали? Кто это такой?

Как ни странно, Раттиана не оборвала её, как обычно, не высмеяла и не стала угрожать, а просто ответила:

– Это страшный враг нашего народа. Всю жизнь он уничтожал нас, где бы ни встретил. Но он давно мёртв, а мы, раттусы, живы! Никто из нас не забудет его и не простит. Он убивал наших братьев по крови, а мы истребим его народ. Нас много, и теперь у нас есть вождь – Кошей Бессмертный. За мои заслуги он пожаловал мне право давать пощёчины этой статуе. Кошей умеет вознаграждать за преданность. Пойдём!

Варя старалась не отстать от Раттианы и на ходу пыталась вспомнить, где же она видела человека с флейтой.

Коридор привёл в зал с большими окнами и зеркальными стенами. Раттиана встала у окна и скомандовала:

– Ко мне!

– Я вам не собака! – оскорбилась Варя.

– Мне всё равно, кто ты, – отрезала Раттиана. – Кто бы ты ни была, ты будешь подчиняться. Ко мне!

«Ну погоди, мымра проклятая, – думала Варя, кипя от ярости. – Порубежники мне помогут. Недаром пёрышко жар-птицы прислали: вот оно, в правой туфле. Я здесь всё равно не останусь, а ты так и будешь

перед Кощеем пресмыкаться!»

Варя стиснула зубы, надменно задрала подбородок, чтобы не потекли наворачнувшиеся слёзы, и пошла вперёд, к Раттиане.

– Направо! Поклонись! Улыбайся, всё время улыбайся! Поклонись ещё раз! Теперь отступай, пяться! Запомни, к королеве спиной не поворачиваются! – сыпала приказаниями Раттиана.

Тут Варя наступила себе на шлейф и упала.

– Вставай, бестолковая! Теперь всё сначала.

Варя ходила, улыбалась и кланялась до головокружения. Потом училась делать реверанс.

Потом проделывала всё сначала, держа на подносе кубок с водой...

К вечеру Варя была едва жива. От усталости подкашивались ноги. Даже то, что в зеркале отражалась девочка, похожая на сказочную принцессу, не утешало. И платье со шлейфом, и жемчуга Варя отдала бы за то, чтобы всё это оказалось дурным сном. Чтобы оказаться в доме Марьи Моревны и услышать её слова: «На лошади сидишь, как кот на заборе!» Это совсем не обижало, ведь было ясно, что Марья Моревна шутит. И учила она тому, чему Варя хотела учиться. А проклятая Раттиана дрессирует её, как цирковую собачку, чтобы она понравилась неизвестно кому!

Ужин был повторением завтрака.

– Тебе надо похудеть! – отчеканила Раттиана. – Талия будет тоньше, и вообще...

– Что «вообще»? – из чистого упрямства спросила Варя.

Конечно, Раттиана не ответила. Отвела Варю в её комнату, ушла и захлопнула за собой дверь.

Первым делом Варя сняла туфли, сжала пёрышко в кулаке и принялась ходить по комнате. Пёрышко светилось и грело. Свет пробивался между пальцами, напоминая о том, что где-то есть Явь – другой мир, где ждут её мама и папа, где стоит бабушкин дом. Там учится читать по буквам-печенюшкам домовой Прохор, там теснятся на полках книги, там кукла Васька охраняет Лялькин сон, сидя на подоконнике...

Ох, если бы тут была Васька! С такой подругой и горе не беда. Подскажет, утешит, поможет. Нужно будет – обзовёт дурафьей или кулёмой, сразу откуда-то и силы возьмутся, и ума прибавится...

Стоп! Что если самой сделать куклу? Вот только нитки где взять? Надо отправляться на поиски. Но сначала засунуть пёрышко обратно в правую туфельку – на всякий случай.

Дверь оказалась не заперта. Варя приоткрыла её, высунула нос в

коридор. Тускло горят редкие факелы, тихо, пусто.

Страшно.

«Бояться – бойся, а что надо – делай!» – вспомнила Варя Васькины слова и вышла в коридор.

Она успела сделать только несколько шагов. Что-то тёмное с писком пронеслось под потолком, метнулось навстречу.

Летучая мышь с разлёта вцепилась Варе в волосы. За ней летела другая, третья – целая стая! В коридоре стало темно от мышей. Понесло палёной шерстью. Варя завизжала, метнулась назад, в комнату, захлопнула за собой дверь и только потом разревелась. Достала пёрышко, подержала его на ладони, погрелась его теплом, полюбовалась. Всхлипнула ещё раз-другой и уснула.

Только тогда пёрышко улетело обратно в красную туфельку – ту, что с правой ноги.

Утром Раттиана фон Раттус была холодна как камень.

– Мне уже рассказали про твои ночные похождения, – ядовито сказала она. – И как? Много ли шагов по коридору ты успела сделать?

– Немного, – ответила Варя. – Я не считала. Но я их сделала!

Раттиана сдвинула брови.

– Ну что ж, – подвела она итог, – ты убедилась, что стража здесь надёжная. Видит и слышит всё, что делается. Когда нужно – вмешивается. Но зачем и куда ты хотела идти?

– Просто погулять. Мне скучно в четырёх стенах. Ни книг, ни рукоделья. Нечем заняться и поговорить не с кем.

– Кощей Бессмертный над этим подумает – если ты будешь как следует выполнять всё, что от тебя требуется. Девушки, войдите! – Раттиана негромко хлопнула в ладоши.

На пороге показались Ратильда и Рательда – как всегда, безмолвные и нагруженные всякой всячиной. На этот раз они принесли раскроенную ткань – тёмно-красный бархат. А ещё корзину с иголками, нитками и булавками.

Началась примерка. Служанки закалывали на Варе куски бархата, ползали вокруг неё на коленях, подгибая и выравнивая подол, тут же намётывали швы...

– Стой прямо! Подними руки! Повернись! – командовала Раттиана. – Какая ты неуклюжая!

Все её придирки Варя пропускала мимо ушей. Куда важнее было

добыть нитки. Вот Рательда – или Ратильда? – вдела нитку в иглу, нагнулась примётывать рукав, не глядя сунула клубок обратно в корзину...

Клубок побалансировал на краю корзины и мягко упал на пол, совсем рядом с широким подолом будущего платья.

– Ай! – Варя дёрнулась и вскрикнула. – Ты меня уколола!

Это была неправда. Зато получилось накрыть клубок подолом.

– Могла бы и потерпеть! – сказала Раттиана. – Вопишь так, словно тебя проткнули насквозь. Девушки, поторапливайтесь!

Варю душила злость, но надо было придумать, как спрятать клубок понадёжнее. Закусив губы, она уставилась в окно и предоставила служанкам колдовать над будущим платьем.

– Ой! Смотрите! – воскликнула Варя, показывая в окно.

И Раттиана, и служанки одновременно повернули головы к окну, а Варя пнула клубок так, что он укатился под кровать.

– Что ты там такое увидела? – недовольно спросила Раттиана. – Незачем было так кричать! «Ай», «ой» – что за манеры?!

– Там что-то пролетело, – наобум соврала Варя. – Вроде бы летучая мышь. И кажется, она что-то несла.

Раттиана и бровью не повела, но стала ещё сильнее торопить служанок.

В зеркальном зале Варя показалось, будто время потекло вспять. Снова осточертевшие придирки и окрики Раттианы, после скудного завтрака по-прежнему хочется есть, проклятый корсет ни на миг не даёт забыть о себе...

Сейчас Варя была бы рада увидеть хоть кого-то из прежней жизни. Даже гламурных куриц – Дашу и Алину. Даже ехидную Сергееву!

– Что ты спотыкаешься, как хромая лошадь! – ворвался в уши противный голос Раттианы. – Ещё раз!

Варя и вправду споткнулась, потому что кое-что вспомнила.

Ника, старшая Дашина сестра, подрабатывает моделью – одежду демонстрирует. Даша тоже в модели собирается, но куда ей! Вот Ника – это да! Ноги от ушей, а улыбка – просто отпад. И совсем не задаётся. Когда отмечали Дашин день рождения в детском кафе, рассказывала девчонкам про работу, как трудно бывает собраться и пройти по подиуму так, чтобы все ахнули.

«Я свою фишку придумала, – словно опять услышала Варя звонкий голос Ники. – Нужно представить, будто у тебя под ногами ковёр разворачивается. Ну, дорожка красная, понятно? Сразу всё как надо – и походка, и улыбка! Вот и идёшь по этой дорожке: самая красивая, самая

изящная, вообще самая-самая! У меня все важные показы так на ура проходят».

Варя вздёрнула подбородок, улыбнулась что было сил, представила, как перед ней разматывается по полу огромный красный рулон, и пошла вперёд, к Раттиане.

Фиг вам всем! Не дождётесь вы моих слёз! Я всё равно, всё равно вернусь домой, что бы вы ни делали! Держать спину, держать улыбку!

Жемчуг в волосах, бархатное платье – это не главное! Главное – внутри!

А теперь реверанс!

Варя поднялась из реверанса и чуть не взвизгнула от радости при виде остолбеневшей Раттианы.

– Ну что ж. Пожалуй, лучше, чем было, – сказала та, поджимая губы. – Бери поднос и кубок. Ещё раз!

В дверь проскользнула служанка, подбежала к Раттиане и что-то прошептала ей на ухо.

– На сегодня всё, – объявила та.

Варя решила.

– Госпожа Раттиана, если больше занятий сегодня не будет, то я хотела бы погулять. И ещё мне нужны книги.

– Понятно, что ты хочешь гулять. Но книги тебе зачем?

– Чтобы не скучать. Я всё время одна.

– Скоро тебе будет не до скуки, – бросила Раттиана. – Ну что ж... Ступай за мной!

Очередной коридор, лестница – и Варя вслед за госпожой фон Раттус вошла в большой зал.

Это оказалась библиотека: шкафы, полные книг и свитков, сундуки – тоже, наверное, с книгами. Столы, на которых лежали огромные книги в тяжёлых переплётах, прикованные к стенам цепями. На подоконнике стояли большие песочные часы. Раттиана перевернула их, и песчинки посыпались вниз.

– Когда весь песок пересыплется, я приду за тобой. И не вздумай уйти отсюда одна! Помни про стражу и про тех, кто живёт в подвале, – сухо сказала она.

Едва шлейф благородной дамы скрылся за дверью, Варя бросилась к ближайшему шкафу. Книги, написанные на пергаменте, напечатанные на

бумаге, шуршащие свитки шёлка, покрытые знаками-паучками... И ни одной книги, которую можно было бы прочесть! Все на неизвестных языках, неведомо о чём! А так хочется узнать, кто такие раттусы!

– Где бы найти книгу о раттусах? – пробормотала Варя.

Тут в правой туфельке стало жечь всё сильнее и сильнее. Варя сбросила её, а потом и вторую – для равновесия. Золотое пёрышко вылетело и повисло в воздухе. Потом развернулось, полетело в дальний угол комнаты и стало биться о стоящий там сундук, словно бабочка об оконное стекло.

Варя кинулась к сундуку и с трудом подняла тяжёлую крышку. Пёрышко порхнуло в сундук и опустилось на книгу в кожаном переплёте с серебряными застёжками. Варя вытащила её и раскрыла, поглядывая на песочные часы.

Книга оказалась рукописной, тоже на незнакомом языке, зато с картинками. Картинки были живыми! В узорчатых, выведенных золотом рамках били хвостами, бежали куда-то, гарцевали удивительные звери. И под каждой картинкой была подпись, выведенная знакомыми по урокам английского языка буквами!

– У-ни-кор-нис... – по слогам шёпотом прочитала Варя.

На картинке шёл в чашу леса белый единорог с большими ласковыми глазами.

Страницы шуршали под Вариными пальцами. Мелькали неведомые существа на картинках с едва понятными подписями: полуженщина-полуптица, крылатый лев с птичьими когтями и клювом, девушка со змеиным хвостом...

Так значит, пёрышко может показывать верный путь? Но почему оно выбрало именно эту книгу?

Варя не удержала тяжёлый том. Книга упала на пол, открылись другие картинки. На них были изображены привычные звери. Тигр прятался в зарослях, гривастый лев бил хвостом, готовясь прыгнуть...

– Рат-тус рат-тус... – прочитала Варя и тихо ахнула.

С картинки на неё смотрела серая крыса.

Песка в часах оставалось совсем немного. Времени как раз хватило, чтобы сложить разбросанные книги в сундук, захлопнуть крышку и обуться, спрятав пёрышко.

– Зачем тебе эта книга? – прозвучал резкий голос.

Раттиана фон Раттус стояла в дверях, и во взгляде у неё было брезгливое недоумение.

– Я смотрела картинки, – смиренно ответила Варя. – Почитать так

ничего и не нашла.

– Эти книги для тех, кто куда умнее тебя! – провозгласила Раттиана. – Умнее и образованнее! Пойдём!

Варя быстрым шагом поспевала за госпожой фон Раттус и пыталась обдумать всё, что узнала. В памяти неотвязно маячила фигура ярко одетого человека с флейтой. Где-то Варя его уже видела...

На картинке! На картинке в книге сказок! Точно! Он шёл к реке, шёл и играл на флейте. И за ним из города шли, текли потоком крысы. Гамельнский крысолов, вот кто это такой! Если раттусы – это крысы, а гамельнский крысолов их враг и губитель, то... То кто же тогда благородная дама из северных краёв, Раттиана фон Раттус?

Коридор резко повернул, Раттиана исчезла за углом, а её длинный шлейф всё ещё скользил по каменному полу. Варя носком туфельки приподняла плотный серый шёлк и увидела крысиный хвост – голый, длинный и отвратительный. Она чуть не закричала от страха. Но бежать прочь с визгом было нельзя.

«Держись, кулёма! – приказала себе Варя. – Держись!» – и пошла дальше.

– Это что ещё такое? – обрушилась на неё Раттиана. – Как ты смеешь трогать моё платье?

– Простите, госпожа фон Раттус! Я оступилась, – сказала Варя так виновато, как только смогла, потупилась и сделала реверанс. Раттиана гневно фыркнула и устремилась дальше.

В конце коридора оказалась железная дверь, украшенная изображением летучей мыши. Раттиана сняла с пояса связку ключей, выбрала один и открыла дверь.

– Сюда! Поторапливайся! – потребовала она.

Дверь вела во двор. После бесконечных затхлых коридоров от свежего воздуха закружилась голова. Варя дышала и надыхаться не могла.

– Можешь здесь погулять! – объявила Раттиана.

Тут из двери выскользнула служанка – то ли Ратильда, то ли Рательда – и что-то прошептала на ухо госпоже фон Раттус.

– Оставайся здесь, я приду за тобой! – бросила благородная дама, и железная дверь захлопнулась.

Огромный двор оказался вымощен камнем: ни деревца, ни травинки. Вдали виднелась высокая крепостная стена. Варя сбросила туфельку, пёрышко выпорхнуло и повисло в воздухе, словно тоже не могло надыхаться. Спросить у него, где ворота? Но у ворот наверняка стоит стража. Каменная стена Кощеева дворца позади, камень под ногами... Как

сбежать отсюда? Только что улететь. Может, Финист-Ясный сокол унесёт её на ту сторону реки – в Явь, домой... Но когда это будет? А что если Кощей нарочно держит её здесь, как приманку для порубежников? И стоит кому-нибудь из них здесь появиться, как он окажется там – в подвале с крысами?

Варя шмыгнула носом, не удержалась и расплакалась.

Выплакаться как следует не удалось. Откуда-то донёсся человеческий голос. Человек кричал, и в этом крике были боль, отчаяние и ярость.

– Отведи меня к тому, кто кричит! – сказала Варя, и пёрышко полетело над камнями, словно подхваченное ветром. Варя перебрала через руку тяжёлый шлейф и побежала следом.

Остановилось пёрышко у подвального окна, забранного толстой решёткой.

– Здравствуй! Ты кто? – прошептала Варя в окно.

– Я Ксанф, сын Меланиппа, Ксанф Иноходец, – ответил низкий хриплый голос. – Меня держат здесь в неволе. А ты кто?

– Я Варя, по-взрослому Варвара, дочь Игоря. Меня украли, и теперь я тут в плену.

– Странное у тебя имя, – проворчал невидимый собеседник. – Варвара – значит чужестранка.

– Я и есть чужестранка, – ответила Варя. – Я с того берега реки и очень хочу домой.

– Меня держат на цепи и морят голодом. Но если меня накормит друг, я разорву цепь. Мы сможем убежать отсюда вместе.

– Я вернусь, как только достану еды. А сейчас мне надо бежать, чтобы никто ничего не узнал.

– Возвращайся. Я буду ждать, – гулко донеслось из подвала.

Варя протянула руку, и пёрышко опустилось ей на ладонь – легко, словно бабочка. От него исходили тепло и свет, как от солнечного блика.

– Спасибо тебе, – сказала Варя и погладила пёрышко. – А теперь прячься!

Пёрышко тут же порхнуло в тувфельку, и Варя побежала обратно.

Она опоздала. У двери стояла Раттиана фон Раттус, и взгляд её метал молнии.

– Где ты была, негодная девчонка?

– Вы приказали мне гулять, благородная госпожа, – сладким голосом ответила Варя. – Я выполнила ваше распоряжение.

– И что ты видела, пока гуляла?

– Ничего интересного. Везде одно и то же, сплошной камень. Не во что поиграть, да и не с кем! Хоть бы мячик был...

– Чепуха! – отрезала Раттиана. – Пойдём! Сегодня много дел.

Как только Варя оказалась в своей комнате, Ратильда и Рательда внесли роскошное платье из тёмно-алого бархата с золотым шитьём и широкими рукавами. Под нетерпеливые окрики госпожи фон Раттус началась примерка.

– Пройдись! Сделай реверанс! Поклонись! Девушки, подайте новые туфли!

– Не надо! Не надо новых туфель! – закричала Варя. – Только-только к этим привыкла!

– Что за капризы?! – Раттиана хлопнула в ладоши. Служанка с поклоном подала Варе серебряные туфельки на высоченных каблуках.

«Эх, если бы можно было стукнуть каблуком о каблук, как Элли, и оказаться дома! – мелькнуло у Вари в голове. – Но это только в сказках бывает».

– Надевай! – приказала госпожа фон Рат-тус.

«Нельзя потерять пёрышко, – лихорадочно соображала Варя. – Значит...»

Она надела серебряные туфли, сделала шаг-другой и грохнулась на пол.

– Это ещё что такое? – рявкнула Раттиана.

– Каблуки слишком высокие, – огрызнулась Варя. – Ой, кажется, ногу подвернула...

Госпожа фон Раттус сдвинула брови.

– Вставай немедленно! – распорядилась она. – Вставай, надень прежние туфли и пройдись. Так... Пойдём!

Идя за Раттианой по извилистым коридорам, Варя едва удерживалась, чтобы не показать фигу в спину благородной даме или высунуть язык. «Я тебя перехитрила, проклятая крыса! – думала она. – Я знаю, кто ты такая, а пёрышко осталось со мной!»

Каминный зал трудно было узнать. На стенах висели зелёные ковры с вытканными алыми драконами. Драконы шевелились, грозно смотрели на вошедших. Но Кощей не обращал на них внимания. Он сидел у пылающего камина и не сводил взгляда с серебряного блюда, которое держал на коленях. По блюду само собой каталось красное яблоко.

– Катись, яблочко, по блюдечку, – тихо приговаривал Кощей, – покажи мне...

Тут он увидел Раттиану с Варей и умолк.

– Сделай реверанс! – прошипела госпожа фон Раттус, и Варя низко присела.

– Встань! – голос Кощея ничего не выражал. – Наставница довольна тобой, и я тоже. Завтра придёт очень важная гостья, которую надлежит достойно принять, и ты будешь в этом участвовать. Покажи всё, чему научилась. Понятно?

– Понятно, прадедушка, – ответила Варя. – А потом, когда я выполню всё, что нужно, то попаду домой, как ты сказал?

– Здесь ты не останешься, обещаю. Можешь идти.

На этот раз Варя сделала реверанс без напоминаний.

Остаток дня прошёл в зеркальном зале под неумолчные окрики Раттианы:

– Улыбайся! Держись прямо! Смотри под ноги! Теперь подними взгляд и улыбнись! Ты должна выглядеть скромной, любезной и услужливой! Ещё раз!

«Погоди, чёртова крыса, – думала Варя, закипая от злости, – ещё немного, и я от тебя избавлюсь. Вот только где взять какой-нибудь еды? Ксанф ждёт, я ему пообещала».

Давясь ужином – всё той же безвкусной кашей, – Варя решила рискнуть.

– Можно мне что-нибудь ещё? Хлеб, яблоко, печенье? Я не наелась.

– Будь благодарна и за это, – сухо ответила Раттиана. – Поешь завтра на пиру.

Перед сном Варя долго плакала. Грызла тоска по дому: по маме с папой, по бабушке и Ляльке. Помечтать о Сингапуре не получилось: не удавалось отделаться от мыслей про завтрашний пир и неведомую гостью. И вообще, если Раттиана фон Раттус довольна Варей, то почему она только и делает, что бранит, распекает и приказывает? Почему от неё не услышать доброго слова или похвалы?

Да потому что она крыса, вот и всё!

Варя достала из-под кровати клубок ниток, повертела его в руках. Куклу сделать не из чего: лоскуты и обрезки унесли Ратильда с Рательдой. Оторвать подол рубашки или кусок простыни?

Утром заметят – либо служанки, либо всевидящая Раттиана. И что тогда? Неужели подвал с крысами?

«Как хорошо, что есть пёрышко!» – подумала Варя и пинком отправила

клубок обратно под кровать.

Пёрышко прилетело, погладило Варю по щеке и спряталось обратно в туфельку.

Наутро Варю разбудили чуть свет. В ожерелье из чёрного жемчуга и широких золотых браслетах Раттиана стала ещё противнее. Служанки надели кружевные чепцы. Но с Вариным нарядом ничто не могло сравниться: тёмно-красный бархат, золотая тесьма в три ряда на подоле, искусная вышивка золотом! Широкие длинные рукава с подкладкой из белого атласа! Тяжёлый золотой пояс, сверкающий алыми камнями!

Но Варя всего дороже были красные туфельки, потому что в одной из них пряталось золотое пёрышко.

Служанки расчесали Варину косу, перевили волосы нитками жемчуга и надели на Варю корону – точно такую, как у Кощея, только поменьше. Такие же змеи сверкали красными глазами-камешками, грозили жалами.

Если бы не ежедневные занятия в зеркальном зале, Варя не смогла бы пошевелиться, так тяжёл был её наряд.

– Готова? Наконец-то! – от голоса благородной дамы фон Раттус некуда было спрятаться. – Скоро должна прибыть королева Моргана. Мы все будем её встречать, а ты поднесёшь ей приветственный кубок. Запомни: первой с королевой не заговаривать, спиной к ней не поворачиваться! На её вопросы отвечать кратко и почтительно! Называть королеву «ваше величество»! Потом, на пиру, будешь наливать ей вино. Поняла?

– Да! – сквозь зубы ответила Варя.

Больше всего на свете она хотела наступить госпоже фон Раттус каблуком на хвост и услышать, как та завизжит.

Служанки подхватили шлейф Вариного платья, и все трое отправились вслед за Раттианой.

По камням двора стелилась ковровая дорожка – зелёная, как болотный мох. Навстречу Варя торопился наряженный в чёрный шёлк Нетопырь с подносом, на котором стоял серебряный кубок.

– Вы долго собирались, – прозвучал бесстрастный голос Кощея. – Моргана уже близко.

Варя так и не поняла, откуда появился Кощей. Только что его не было во дворе, и вот он уже здесь, и ветер чуть-чуть пошевеливает складки его плаща из того же темно-красного бархата, как и её платье.

Реверанс получился сам собой, без команды побледневшей Раттианы.

«Так тебе и надо, крыса!» – злорадно подумала Варя.

В небе возникла красная точка. Она делалась всё больше и больше. Дракон! Настоящий дракон – может, ещё и огнедышащий! А ведь совсем недавно, в Ярилин день, день рождения бабушки и Ляльки, в небе порхал другой красный дракон, совсем не страшный!

Камни под ногами дрогнули, когда дракон приземлился – огромный, ярко-алый, с перепончатыми крыльями. На спине у него виднелась фигура в зелёном платье. От страха у Вари задрожали коленки. Нетопырь сунул ей поднос с кубком. В нём плескалось красное вино – такого тёмного оттенка, что казалось почти чёрным.

– Иди! – вполголоса сказала Раттиана, и Варя почувствовала, как служанки подхватили её шлейф.

«Представь, что перед тобой разворачивается красная дорожка! – зазвучал в Вариных ушах голос Ники. – И ты идёшь по ней – самая-самая!»

Варя вздёрнула подбородок, улыбнулась и перехватила поднос поудобнее.

А если представить, что это Ника идёт с подносом в руках навстречу дракону? Идёт так, что никто от неё глаз отвести не может – идёт, как королева?

«Пошла!» – сказала себе Варя и шагнула вперёд.

Ну и пусть дорожка зелёная, а не красная! Главное, что идёшь ты по ней, как победительница!

– Кто ты, прекрасное дитя? – спросил мелодичный голос.

Варя склонила голову и присела в реверансе. «Имени своего никому не сказывай!» – вспомнила она Васькины слова.

– Я правнучка Кощея Бессмертного, ваше величество.

– В тебе видна его кровь.

Тонкая рука с длинными пальцами в перстнях взяла кубок с подноса. Варя посмотрела на гостью из-под ресниц и чуть не ахнула от восторга.

Моргана была ослепительна! Золотисто-рыжие волосы тяжёлой волной опускались на плечи. Зелёное платье делало ещё ярче огромные зелёные глаза. На голове сверкала корона из золотых листьев папоротника.

Моргана поставила опустошённый кубок на поднос и сказала:

– В моей стране, на зелёных холмах Уэльса, благородные леди носят оружие и умеют им пользоваться. Возьми, это мой подарок правнучке великого чародея.

Она отстегнула от пояса тонкий кинжал в чеканных ножнах и положила его на поднос.

– Благодарю, ваше величество, – прошептала Варя, поднимаясь из реверанса, и попятилась.

– Добро пожаловать, королева! – прозвучал сзади скрипучий голос Кощея.

– Рада видеть вас, сэра Кощей! Примите мои поздравления. Ваша правнучка – истинное украшение рода!

– Молва не лжёт, называя вас мудрейшей и любезнейшей из королев, – сказал Кощей.

Он вынул руку из складок плаща и разжал кулак. На его ладони лежала шахматная фигура – чёрный слон.

– Салют королеве! – Кощей бросил резную фигурку под ноги Моргане, и перед гостьей вырос огромный чёрный слон – живой, с золотыми кольцами на бивнях. Слон оглушительно затрубил и встал перед гостьей на колени.

– Ваше искусство превышает всех похвал, сэра Кощей! – сказала Морганна, усмехнувшись.

Она хлопнула в ладоши, и алый дракон стал стремительно съезживаться. Только что он занимал полдвора – и вот на камни, звякнув, упала эмалевая

застёжка-фибула: алый дракон с глазами из блестящих камней. Нетопырь шмыгнул к застёжке, поднял её и с поклоном подал Моргане, а та приколола эмалевого дракона к платью.

– Примите моё восхищение, королева! – Кощей щёлкнул пальцами, и чёрный слон вновь стал шахматной фигурой. – Прошу к столу, ваше величество!

Кощей с Морганой пошли по зелёной дорожке к присевшей в реверансе Раттиане. Бесшумно скользя по камням, Нетопырь подобрал шахматного слона, забрал у Вари кубок и поднос. Варя заткнула за пояс подаренный кинжал и последовала за двумя чародеями. «Вот бабушка удивится, когда увидит Моргани подарок!» – думала она.

Кощей с гостьей скрылись за дверью, а Варе преградила путь Раттиана.

– Дай сюда кинжал! – прошипела она. – Тебе он не нужен!

– Не отдам! – отрезала Варя.

– Девочкам ни к чему оружие! – наседали Раттиана.

– Королева увидит, что у меня нет её подарка, и спросит, куда он делся. И что мне ответить? Что я отдала его первому, кто потребовал? Не бывать этому! Дорогу правнучке Кощей Бессмертного! Меня ждут!

– Ты пожалеешь!

– Если бы отдала, пожалела бы куда больше. Но этого не будет! Дорогу!

Лицо Раттианы исказилось от злобы. Она отступила в сторону, и Варя проскользнула в дверь.

– Ты пожалеешь, гордячка! – повторила ей вслед Раттиана. – Девушки, отпустите её шлейф, пусть справляется сама!

Варя догнала Кощей с Морганой на пороге каминного зала.

Огромный стол ломился под тяжестью серебряных блюд. Чего там только не было! Зажаренный целиком дикий кабан, птицы с яркими хвостами, груды яблок, винограда, орехов... А вот стульев было всего два: с высокими резными спинками и вышитыми подушками.

Едва Моргане вошла в зал, вытканые на стенных коврах драконы взревели, забили хвостами, замахали крыльями.

– Ах! – воскликнула Моргане. – Как любезно с вашей стороны, сэр Кощей! Откуда вы узнали, что на моём гербе алый дракон, а зелёный – мой цвет, цвет холмов Уэльса?

– Своих союзников надо знать не хуже, чем своих врагов, – ответил Кощей. – Мы ведь союзники, не так ли, ваше величество?

– Возможно, – ответила Моргане и улыбнулась.

– Ступай за мной, – шепнул Варя Нетопырь и проскользнул к дальней двери в коридор. Рядом с ней стоял мраморный стол, уставленный кувшинами.

– Будешь наполнять кубок Морганы, – вполголоса продолжал Нетопырь. – Вот здесь хиосское вино, здесь фалернское, здесь мальвазия. Поняла?

«Официантка я им, что ли?» – подумала Варя, а вслух сказала:

– Поняла.

– Нетопырь, налей мне фалернского, – раздался голос Кощея, – а её величеству мальвазии!

– Пошли! Перекинь шлейф через руку! – прошептал Нетопырь и засеменил к столу с тяжёлым серебряным кувшином.

Пир шёл своим чередом. Варя умудрилась стянуть со стола яблоко и спрятать его в рукаве, подпоров подкладку кинжалом. А потом, наливая Моргане вино, услышала знакомое слово.

– Раттусы – это войско, которое принесёт нам победу, – говорил Кощей. – Их так много, что нельзя сосчитать, они свирепы и отважны. И они повинуются мне!

– Ну что ж, – промурлыкала Моргана, – спасибо, дитя, пока достаточно. Итак, сэр Кощей...

Варя направилась обратно к мраморному столу, стараясь идти как можно медленнее, чтобы больше услышать. Против кого собирается Кощей двинуть свою армию крыс? Грозит ли опасность Яви? Когда, наконец, её, Варю, отправят домой?

А ведь надо ещё выручать Ксанфа, которого она так и не успела увидеть!

– За нашу удачу! – раздался у неё за спиной голос Кощея.

– За наш успех! – ответила Моргана.

Зазвенели кубки.

– Ваше величество, – продолжал Кощей, – в залог нашего союза я отдаю вам свою правнучку.

Варя показалось, что её окатили ледяной водой. Значит, Кощей всё время ей лгал!

– Я согласна, сэр Кощей! Мои войска придут вовремя.

– Ваше величество, я слышал, что песней вы способны выманить рыб из моря. Не пожелаете ли спеть?

– Охотно!

– Нетопырь, принеси арфу! Эй, ещё мальвазии королеве!

Варя с кувшином и Нетопырь с маленькой арфой оказались у стола одновременно. Наполняя кубок Морганы, Варя постаралась пролить вино себе на платье.

– Ох, я облилась! – прошептала она Нетопырю в перепончатое ухо. – Пойду переоденусь...

Моргана пригубила вино, взяла арфу, и струны запели под её пальцами о чём-то таком, чего не выразить словами.

– О-э-эй... – отозвался им голос Морганы. – О-эй...

Музыка наполнила зал. Кубок так и остался в руке у Кощея. Застыл у стола Нетопырь.

Витканые на коврах драконы – и те заслушались.

Под эту музыку Варя добралась до двери, толкнула её и оказалась в коридоре. А теперь бежать со всех ног! До первого поворота, а там пёрышко покажет дорогу!

До поворота Варя добежать не успела. Перед ней выросла высокая сухопарая фигура Раттианы фон Раттус.

– Стой! Стой, негодная девчонка! Назад!

– Пошла вон, крыса! – яростно прошипела Варя. – Думаешь, я не знаю, кто ты на самом деле? Ты крыса! Крыса! Крыса!

Госпожа фон Раттус сделала шаг назад, взвизгнула и исчезла. На пол упала её одежда, под которой что-то ворошилось и пищало.

«Нельзя её упустить! Она тут же донесёт обо всём Кощею!» – мелькнуло в голове у Вари. Она сгребла одежду высокородной дамы в кучу, свернула всё в плотный ком, стянув покрепче рукавами. Связку ключей она сразу же прицепила к своему поясу. Узел шевелился и попискивал. Варя взяла его под мышку, скинула туфли и сказала выпорхнувшему пёрышку:

– Веди меня к Ксанфу! А ты сиди тихо, поняла?

Она от души ткнула кулаком в узел с госпожой фон Раттус и побежала вслед за пёрышком.

«Я здесь, как Тезей в лабиринте, – подумала Варя, изо всех сил стараясь не отставать от пёрышка. – Если бы Финист тогда не прилетел...»

Дальше думать не хотелось.

Бежать пришлось недалеко. Вскоре пёрышко повисло в воздухе перед низкой дверью. Вроде бы Варя её уже видела...

– Сюда? – шёпотом спросила она.

Пёрышко забилося о дверь, как бабочка об оконное стекло. Конечно, дверь оказалась заперта. Варя перебрала несколько ключей из связки, но ни один не подошёл. Тут её осенило.

– Покажи нужный ключ! – сказала она.

Пёрышко подлетело к связке и прижалось к небольшому ключу, похожему на многие другие. Варя вставила его в замочную скважину, повернула, и дверь открылась!

Это оказалась комната с крысами.

Они тут же подбежали к решётке и принялись её грызть со злобным писком. Варе стало тошно от страха, но пёрышко перелетело через всю комнату и повисло перед маленькой, еле заметной дверью. Надо было торопиться, и Варя бросила на пол узел, в котором возилась и пищала благородная дама фон Раттус.

– Счастливо оставаться, госпожа Раттиана! – сладким голосом сказала Варя и сделала узлу реверанс. – Конечно, вы прогрызёте себе путь наружу. У вас здесь отличная компания! Прощайте!

Пёрышко уже показывало нужный ключ, словно торопило.

Со скрипом открылась дверь, и Варе показалось, что она попала в конюшню. По крайней мере, пахло здесь точно так же. Под потолком было крохотное зарешеченное окно, а в углу лежал кто-то большой и тёмный.

– Кто ты? – спросил из угла хриплый низкий голос.

– Я друг. Я – Варвара, дочь Игоря. Принесла еду.

Звякнуло железо. Тот, кто лежал в углу, тяжело встал и оказался в узкой полосе света. Варя увидела заросшее рыжей бородой лицо в глубоких морщинах, шапку рыжих кудрей, полных мусора и соломы. Грудь и плечи узника словно были скручены из толстых канатов. Железная полоса опоясывала его торс, и толстая цепь уходила от неё в темноту.

– Я Ксанф Иноходец. Я ждал тебя, – ответил узник.

Он шагнул вперёд, и Варя увидела, что ноги у него конские.

– Ты никогда не видела кентавров, девочка?

– Только на картинке, – ответила Варя и протянула Ксанфу яблоко. – Извини, больше ничего нет.

– Главное, что это даёт мне друг.

Яблока хватило кентавру на два укуса.

– Теперь посмотрим, кто кого, – сказал он. – Мы, кентавры – титаново племя. Нас не так легко уморить. Отойти вот сюда, в угол... Ааааа-агррррхххх!

У Вари заложило уши от кентаврового рёва и звона железа. Ксанф

Варя вспомнила, как вместе с другими девчонками дразнила Нину Парамонову «мисс Жиртрест». Стало так стыдно, что уши загорелись.

– Дураки они, твои кентавры! – вырвалось у неё.

– Не бывает так, чтобы все были дураками. А ошибиться могут все: и умные, и дураки.

Пёрышко остановилось и повисло в воздухе, освещая высокую дверь, закрытую на засов.

– Кощей хитёр, – пробасил Ксанф. – Смотри, дверь нельзя запереть за собой. Погоня сразу поймёт, что мы вышли наружу именно здесь.

– И что делать? – спросила Варя.

– С этим уже ничего не поделаешь.

Дверь заскрипела и открылась. Вокруг был сосновый лес. Пёрышко вылетело наружу: торопило.

Кентавр переступил порог, огляделся и глубоко вдохнул.

– Совсем как дома, – пророкотал он. – Хвоей пахнет...

Ксанф не зря получил своё имя. Всё его конское тело покрывала медно-рыжая шерсть. Рыжим был и густой длинный хвост – свалывшийся и полный застрявших соломинок. «Филя-конюшенный выдраил бы его скребницей, – подумала Варя, – расчесал бы хвост, почистил копыта...»

Тут кентавр рухнул на траву и принялся по ней кататься, брыкаясь всеми четырьмя ногами.

– Мне столько раз это снилось! – Он поднялся и вздрогнул всей шкурой. – Свежая трава, лес, свобода... Садись, надо торопиться!

Варя устроилась на широкой кентавровой спине, и Ксанф тронулся с места ровной иноходью.

– Нужно поскорее добраться к Адамантовым горам, – сказал он, – там есть пещера, а из неё ходы ведут далеко, в разные стороны...

Раздался свист, и над головой кентавра пролетела стрела.

– Пригнись! – рявкнул он и понёсся прочь, петляя на ходу.

Варя сжалась в комок на спине кентавра, вцепилась обеими руками в его железный пояс и закрыла глаза. От страха у неё пересохло в горле. Сердце колотилось так, словно это она бежала со всех ног, а не кентавр. Стрелы свистели в воздухе, и Варя казалось, что невидимые лучники целятся именно в неё.

Стук копыт замедлился.

– Кажется, прорвались, – сказал кентавр. – Слезай. Надо решить, что делать дальше.

Варя спрыгнула на усыпанную хвоей землю и осмотрелась. В рыжих кудрях Ксанфа застряла короткая стрела. Его человеческий торс блестел от пота, словно облитый водой. Конская шкура кентавра казалась не рыжей, а гнедой: потемнела от пота. На плече и лопатке алели разводы крови, смешавшейся с потом. К ранам липли мухи, и кентавр отмахивался от них хвостом.

– Ты сильно ранен? – встревожилась Варя. – Надо перевязать. Сейчас оторву подол от рубашки...

– У нас, кентавров, раны заживают быстро. А это просто царапины. В лесу можно стрелять только из небольших, слабых луков. Хуже то, что нас обнаружили. Но глупо было ожидать, что у выхода не будет стражи. Наверняка у них там потайные укрытия на деревьях. Сейчас стражники донесут, что не сумели нас остановить, и Кощей отправит за нами погоню. Надо скорее добраться к пещере. Хоть я и ослаб в тюрьме, но мои четыре ноги быстрее двух твоих. Садись мне на спину, и поскокаем.

– Спасибо тебе, Ксанф, – тихо сказала Варя.

– И ещё, – пробасил кентавр, трогаясь с места, – если мы опять попадём в засаду или нас догонят, я сброшу тебя и ускачу. Ты маленькая, таким легче спрятаться и ускользнуть. Может, тебя не заметят и погоня пойдёт за мной. Моих следов всё равно не скрыть, и меня проще заметить. Пусть хотя бы один из нас доберётся домой.

– Но... – заикнулась Варя.

– Я опытнее и старше. Будет так, как я решил, – оборвал её Ксанф. – Да не плачь ты, терпеть не могу, когда плачут! Я многое повидал и был во всяких переделках. Может, и из этой выберусь. Держись крепче!

Варя вытерла слёзы, ухватилась за железный пояс кентавра, и Ксанф прибавил ходу. Застучали копыта. Пёрышко летело, вилось впереди, словно подхваченное ветром.

Ещё далеко было до вечера, когда они попали в засаду. Стрелы градом полетели с деревьев, в подлеске замелькали одинаковые фигуры в серо-коричневом...

– Беги! – Ксанф взвился на дыбы.

Варя свалилась на землю, не удержалась на ногах и скатилась в овражек, в густые заросли папоротника. Пёрышко слетело туда вслед за ней.

Шум схватки удалялся: крики, звон оружия и хриплый рёв кентавра: «Элелеу-у-у! Элелеу-у-у-у!» Ксанф исполнял своё обещание: уводил за собой погоню. Дальше нужно выбиратья самой.

– Не реви, кулёма! – сказала себе Варя и вытерла потное заплаканное лицо. Потом выну-да из ножен кинжал Морганы, обрезала тяжёлые рукава. Подумала и откромсала подол до колен: в таком наряде не побегаешь.

А ведь она так надеялась, что Финист увидит её в этом платье!

– Веди к пещере в Адамантовых горах! – сказала Варя, и безотказное пёрышко полетело в лесную чащу.

Никогда бы Варе не найти вход в пещеру, если бы не пёрышко. Стена жгучей крапивы, кусты терновника, заросли ежевики – а за ними чёрная дыра в скале, словно разинутая пасть. И идти надо прямо туда, в эту пасть, потому что другого пути домой нет.

Варя вздохнула и начала спускаться к пещере, цепляясь за колючие ветки.

В пещере было сыро, холодно и темно: ещё темнее, чем в коридорах Кощеева дворца. Пёрышко давало немного света, но согреть не могло, и Варя вскоре промёрзла до костей. Под ногами хрустела каменная крошка, свод пещерного хода то поднимался, то опускался так, что приходилось наклонять голову, а порой сгибаться чуть не пополам.

«Лишь бы ползти не пришлось!» – мелькнуло у Вари в голове. Те лохмотья, которые остались от когда-то роскошного наряда, не защитили бы её от острых камней. Они и от холода защитить не могли. Не покажешься Финисту в наряде принцессы: алом бархате, золоте и

жемчугах... А видела бы её Сергеева – чумазую, босую, одетую как нищенка! Что бы она сказала?

Да какая разница! Ведь настоящая принцесса – это внутри!

Варя давно потеряла счёт времени, когда увидела, что впереди маячит светлое пятно. Неужели выход на волю? Она прибавила шагу и скоро оказалась в пещерном зале, скудно освещённом из расщелины в своде. Углы зала тонули в темноте, и в одном виднелось ещё более тёмное пятно: очередной подземный ход.

– Вот и ты, наконец, – прозвучал бесстрастный голос.

Из темноты к свету шагнул Кощей – сам как сгусток тьмы. Чёрная одежда делала его невидимым, но сейчас на свету ярко вспыхнули красные камни – глаза змей в его короне.

Варя закусил губы, чтобы не закричать от страха и разочарования. Пёрышко ткнулось ей в руку и спряталось в кулаке.

– Сейчас мы отправимся обратно, – сказал Кощей. – Любой другой после всего, что ты натворила, пошёл бы на корм крысам, но ты моя правнучка.

– Никуда я с тобой не пойду! – ответила Варя.

– Ты ещё не поняла, что здесь всем распоряжаюсь я?

– Поняла. Поэтому ни за что здесь не останусь. Я иду домой.

– Ты здесь для того, чтобы стать моей соправительницей.

– Пока ты отдал меня в заложницы Моргане.

– Это не навсегда.

– Я тебе не верю!

– Не веришь? И правильно делаешь, – неожиданно согласился Кощей. – Значит, я сделал удачный выбор. Чтобы править Навью, надо никогда и никому не верить.

– Я не собираюсь править Навью. Я иду домой. Там все, кто меня любит. И я их люблю.

– Ты такая же дура, как моя дочь! – проскрежетал Кощей. – Она тоже ушла на тот берег.

– Не смей так говорить про бабушку! Её не зря Премудрой называют!

В пещере стало куда светлее. От Кощея исходил красный свет – и жар. Кощей раскалялся.

– Ты забываешься, – сказал Кощей. Змеи на его короне зашипели, и им в ответ зашипели змеи на короне Вари. – Впрочем, это ничего не значит. Посидишь немного в подвале и поймёшь, кто здесь хозяин.

– Я и так знаю, что хозяин здесь ты. А я сама себе хозяйка!

Запахло палёным: на Кощее загорелась одежда. Горящие ключья сыпались с него и дотлевали на каменном полу. Весь Кощей светился алым, а в пещере делалось жарче и жарче.

– Хватит, – сказал Кощей. – Время не терпит.

– Не подходи! – закричала Варя и выхватила из ножен кинжал Морганы.

– Дура! – повторил Кощей. – Забыла, что я железный? Ну что ты мне можешь сделать? Вот этим мечом я богатырей в доспехах пополам разрубал – вместе с конями.

Кощей протянул раскрытую ладонь. Кинжал выскользнул из Вариной руки и мгновенно оказался в руке Кощей, словно притянутый магнитом.

– Поняла? – в голосе Кощей была ярость. – Никуда ты не денешься, даже и не пытайся.

– Я всё равно попытаюсь!

– Ты моя правнучка, – повторил Кощей. – Ты принадлежишь Нави – и мне.

– Никому я не принадлежу! – закричала Варя. – Нет у тебя власти надо мной! Лучше умру, но здесь не останусь!

Она сорвала с себя корону и швырнула её в Кощей.

Корона глухо стукнула о раскалённую грудь железного человека и исчезла в ней, словно в болотной трясине. Кощей засветился ярким белым светом и стал оплывать, как тающий снеговик. Он попытался шагнуть вперёд, к Варе, пошатнулся и упал, на глазах превращаясь в лужу расплавленного металла, в которой виднелась корона. Змеи на ней яростно шипели.

Варя попятилась. От лужи отделился поток металла и заструился к ней, петляя по каменному полу.

– Выведи меня наружу! – сказала Варя и разжала кулак. Пёрышко выпорхнуло и полетело в угол, к чёрной дыре подземного коридора. Варя бросилась за ним. Следом потекла тонкая струйка металла, словно протянутая рука.

Когда Варя вслед за пёрышком выбралась из-под земли, уже темнело. Кругом стояли раскидистые ели. Землю плотно устилала хвоя, и на этот хвойный ковёр опустилась Варя. Ноги у неё подгибались от усталости, босые ступни были изрезаны об острые камни в кровь, а в голове звучали слова Кощей: «Никуда ты не денешься, даже и не пытайся. Ты принадлежишь Нави!»

– Я всё равно попытаюсь! – пробормотала Варя себе под нос, будто

продолжая спорить с Кощеем. – Всё равно попытаюсь...

Тревога не отпускала. «Ничего не ешь и не пей! – предупреждала в своё время Васька. – Имени своего никому не сказывай! И никогда не оглядывайся!»

В Кощеевом дворце волей-неволей пришлось и пить, и есть. Неужели из-за этого не получится вернуться домой? Или Кощей опять солгал?

– А вот фиг тебе, прадедушка! Я всё равно попытаюсь! – сказала Варя во весь голос и поднялась на ноги.

«Давай, шевели ногами!» – добавила она про себя.

Пёрышко висело в воздухе и испускало тёплый золотистый свет, как окошко на веранде бабушкиного дома или лампочка, которую папа приладил дома над кухонным столом. Она ещё называлась смешным словом «бра»...

Варя шмыгнула носом и сказала пёрышку:

– Веди к реке Смородине!

«Если так река называется, то на берегу, наверно, целые заросли смородины, – думала Варя, шагая за пёрышком. – И на нашем берегу, который в Яви, тоже, конечно! Перейду через мост и поем. А там и застава Рубежной стражи близко. Интересно, где сейчас Финист?»

Под ногами обнаружилась тропка. Она петляла, вилась, делаясь всё шире, и вывела на перекрёсток с двумя другими тропами. Пёрышко вдруг остановилось, повисло в воздухе. Варя прислушалась.

Кто-то шёл навстречу, тяжело ступая. «Неужели медведь?» – подумала Варя, изо всех сил стараясь не испугаться.

Это был не медведь: куда хуже. Навстречу шло Горе – Злосчастье.

Варя шарахнулась в придорожные кусты, забилась в самую непролазную гущину, сжалась в комок. Несуразное чудище остановилось, стало оглядываться. Под его взглядом засыхали еловые ветки и жухла трава...

А пёрышко под этим пустым взглядом рассыпалось облачком золотой пыли.

Варя прикусила кулак, чтобы не закричать от ужаса.

Горе-Злосчастье потопталось на перекрёстке трёх тропинок, словно размышляя, куда идти, свернуло налево и потащилось дальше.

Варя просидела в кустах до тех пор, пока Горе-Злосчастье не исчезло в чаще. Потом вылезла, подошла туда, где осталось перышко, но даже следов

золотой пыли на земле не увидела.

Не было больше пёрышка. Дальше придётся идти самой.

Слёз у Вари тоже больше не было. Поэтому она села и задумалась.

Куда идти? С Горем-Злосчастьем человеку точно не по дороге.

«Раз оно пошло налево, то я пойду направо!» – решила Варя и свернула на узкую тропку, заросшую крапивой и лопухами.

Солнце почти зашло, но почему-то делалось теплее и теплее. Впереди стало видно пятно красного света. Запахло тухлым яйцом – так, что Варя вспомнилось болото, где она встретилась с кикиморой. Неужели тропа выведет туда? Что тогда делать?

Но это оказалось не болото. Продравшись через колючий кустарник, Варя вышла на берег огненной реки. Через неё был перекинут мост – железный, висящий на толстенных цепях. Мост и цепи раскалены докрасна. И никакой смородины вокруг...

Сверху раздался знакомый клёкот. Варя задрала голову и увидела силуэт летящей птицы.

– Фи-и-и-ини-и-и-ист! – закричала она изо всех сил. – Я здесь! Помогите-и-и-и!

Что-то блеснуло в воздухе и упало совсем рядом – маленькое зеркальце в тёмной оправе. Варя подняла его, протёрла и вместо своего отражения увидела там бабушку. Три морщинки у неё между бровей стали куда глубже.

– Варюша, – сказала бабушка негромко, – ты меня слышишь?

– Да, – прошептала Варя. – Да!

– Беги через мост, к нам. Мы здесь, ждём тебя на нашей стороне.

– Бабушка, я же сгорю!

– Беги через мост, – повторила бабушка. – Не бойся. Беги!

Отражение померкло и исчезло, а Варя так и осталась стоять с зеркальцем в руке.

Что делать? Остаться здесь невозможно. Бежать по раскалённому мосту через огненную реку, как говорит бабушка? Не может она желать зла своей внучке. Бабушка её любит...

Варя стиснула в кулаке зеркальце и пошла к мосту.

От реки исходил такой жар, что перехватило дыхание, а ресницы и волосы стали потрескивать.

– Давай, кулёма! – прошептала Варя. – Давай, шевели ходилами! Давай! Главное – не успеть испугаться!

Варя ускорила шаг, побежала, набирая скорость, с разбега вылетела на мост и помчалась изо всех сил. Израненные ступни жгло, от реки несло жаром и вонью, а другого берега не было видно...

Сверху раздался тонкий противный писк. На Варю неслась огромная чёрная летучая мышь. Нетопырь! Он чуть не вцепился ей в волосы, но промахнулся и взмыл вверх. Варя взвизгнула и побежала так, как никогда в жизни не бегала. Нетопырь опять мчался вниз, шурша перепончатыми крыльями, но на него сверху обрушился сокол. Они сцепились в клубок, раздирая друг друга когтями, и вместе полетели вниз, в пылающую реку.

– Нет! – закричала Варя на бегу. – Нет! Не надо!

Клубок канул в пламя и пропал из виду.

– Не-е-е-ет! Не-е-ет! Ну пожалуйста!

Из пламени вылетел сокол и исчез – растаял в небе.

Тут мост внезапно кончился. Огненная река осталась позади. Навстречу бежали богатыри – и впереди всех бабушка.

– Варюша, девочка моя! – Бабушка крепко обняла Варю.

Варя вдохнула запах ландыша – запах бабушкиных духов, всё закружилось у неё перед глазами и померкло.

Пришла в себя Варя уже дома, в Дружинине – в своей кровати. Рядом на подушке сидел кот Василий. Как только Варя открыла глаза, он соскочил на пол и исчез за дверь. Тут же вошла бабушка, а за ней домовой Прохор.

– Ба-а-аб... – только и получилось прошептать у Вари.

– Всё хорошо, Варюша. Всё хорошо...

– Исхудала-то как, одни глаза остались, – сокрушался Прохор. – Голодом тебя там морили, что ли? Ну ничего, здесь мы тебя быстро откормим!

– погоди ты с едой! Мёртвую воду давай! – распорядилась бабушка.

– Зачем мёртвую? – пискнула Варя.

– Затем, что она раны заживляет!

– Бабушка, Кощей воевать собрался! Моргана с ним заодно!

– Та-а-ак... – Глаза у бабушки тут же позеленели, даже сквозь очки было видно. – Сейчас ребятам на заставу позвоню.

– Только Кощей взял и расплавился! Он хотел меня соправительницей сделать, а я отказалась, да ещё короной в него кинула. Вот он лужей и растёкся.

Бабушкины брови сошлись над переносицей в одну линию.

– Ну дела! – только и сказала она. – Поешь, потом всё подробно расскажешь.

– А потом Кощей опять собой станет?

– Конечно. Не зря его Бессмертным называют. Нельзя его убить.

– Как Бабу-ягу, да?

– Да.

– Баб... Финист в порядке?

Почему-то очень трудно было это произнести. Но бабушка вроде ничего не заметила.

– В порядке. Перья опалил, и только.

– А Ксанф жив? Он меня спас, без него бы я до пещеры не добралась.

– Финист его видел. Хромал, но шёл на юг, к своим.

Тут в дверь заскреблись. Она приоткрылась, в щель проструился кот Василий, а за ним просунула нос Лялька.

– Варя! – сказала она и улыбнулась.

– Заходи, Лялюша! – сказала бабушка.

Лялька вошла, прижимая к себе неразлучную Ваську, погладила Варю по щеке. Подумала – подумала и усадила Ваську на тумбочку у кровати.

Кот Василий тем временем устроился на подоконнике. Сел, обернулся хвостом и прикрыл глаза.

Проход принёс фляжку с мёртвой водой. Раны и ожоги от неё зарастали на глазах. Потом домовый натащил гору еды: хватило бы на всю Рубежную стражу. Варя съела столько, что сама удивилась.

– А теперь рассказывай! – велела бабушка. – Проша, тащи сюда мой ноут!

Ноутбук Проход принёс, да и сам остался слушать. Слушали все: кот, Лялька, кукла и бабушка. Глаза у неё переливались синим и зелёным, как павлинье перо.

– Повтори-ка! – просила она время от времени и принималась набирать текст так быстро, что только пальцы мелькали.

– Баб, я сначала ждала, что вы меня из Нави выручите, – призналась Варя. – И боялась, что Кощей вам ловушку подстроит, а я приманкой буду.

– В том-то и дело, что из Кошеева дворца можно только самому выбраться, – ответила бабушка. – Такое на него заклятье Кошеем наложено. Ни выкрасть, ни увести оттуда никого нельзя. Пёрышко мы тебе послали, а дальше нужно было самой выкарабкиваться. Всё у тебя получилось!

– И ещё я очень боялась, что Навь меня не отпустит, как Кощей

говорил. Мне ведь там и пить, и есть пришлось, а Васька говорила, что нельзя ни того ни другого.

– Кощею верить нельзя, ты сама уже поняла. А Васька правду сказала. Когда вы с ней Лялю от Бабы-яги выручали, нельзя было ни пить, ни есть. Ты тогда ни одного запрета не нарушила и вернулась. Теперь сможешь на том берегу бывать, если захочешь.

– Не хочу! Мне здесь хорошо!

– Конечно, хорошо. Здесь тебя все любят.

Тут кот Василий спрыгнул с подоконника и принялся тереться о Варину шею, бодать её пушистым лбом и громко мурлыкать.

– Смотри, признал тебя! – сказала бабушка. – Что, Вася, сменил гнев на милость?

Василий глянул жёлтым глазом на хозяйку и замурлыкал ещё громче.

– Баб, – спросила Варя, – а Марья Моревна очень на меня сердится?

– Не сердится. Седины у неё прибавилось, это да. И вообще, вот что ребята просили тебе передать.

На ладони у бабушки лежал, переливался разводами булата кружок из блестящей стали. На нём было золотом вычеканено перо жар-птицы: то самое пёрышко, которое вывело Варю из Заречья.

– Это знак Рубежной стражи, – сказала бабушка. – Носи. У каждого из наших такой же.

– Так я теперь вместе с вами буду? Как ты или Марья Моревна? – От восторга у Вари перехватило горло.

– Взрослая станешь – решишь. А пока расти, Варюша. Вот смотри, и Василий согласен.

– Мр-р-р! – подтвердил кот.

Примечания

1

Див — сверхъестественное существо из древней славянской мифологии.

2

Явь, Навь и Правь — три части мифологического мира древних славян. *Явь* — мир людей, *Навь* — мир тёмных богов и душ умерших людей, *Правь* — мир светлых богов.

3

Фантаги́ро и Сфортуна — героини итальянских народных сказок «Генерал Фантаги́ро» и «Злая судьба».

4

В основе песни – стихотворение И. Бунина «Белый олень».